ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 47-й

№ 52 (4546)

24 декабря 1975 г. СРЕДА

IV съезд писателей РСФСР

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Писатели Советской России, собравшиеся на свой IV съезд, шлют Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза слова сердечной благодарности за повседневную, истинно ленинскую заботу о развитии многонациональной советской литературы, единой в своем стремлении беззаветно служить великому делу коммунизма.

Под мудрым и испытанным руководством партии неуклонно повышаются материальное благосостояние и культурный уровень трудящихся, возрастает экономическое и оборонное могущество Советской державы. Сегодняшний день нашей страны озарен ярким светом всенародного энтузиазма, труженики города и деревни преисполнены горячего стремления достойно встретить XXV съезд КПСС. Советские люди уверены, что предстоящий партийный съезд явится важной вехой на пути к новым победам в коммунистическом строительстве, к новым вершинам в развитии народного хозяйства, науки и культуры зрелого социалистического общества.

Тридцать лет тому назад на землю нашей Родины пришла весна Великой Победы над фашизмом. Ленинской партии, ее Центральному Комитету благодарны мы за мирное небо, за счастье созидательного труда во имя прекрасного будущего. Мы, писатели, как и все советские люди, всецело одобряем внешнюю политику Коммунистической партии, направленную на осуществление исторической Программы мира, на упрочение международной безопасности и сотрудничества. Всеобщее признание прогрессивной общественности планеты, гордость и восхищение всех советских людей снискала неутомимая деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, выдающийся вклад которого в дело борьбы за мир по достоинству был отмечен недавно «Золотой медалью мира» имени Ф. Жолио-Кюри. Российские писатели от всей души поздравляют Леонида Ильича с высокой и заслуженной наградой!

Неиссякаемым источником творческого вдохновения являются для всех нас идеи Ленина, дела партии, жизнь родного народа. Герои советской прозы, поэзии, драматургии — это прежде всего наши современники, передовики и новаторы социалистического производства, создатели крупнейших в мире ГЭС, гигантов металлургии и химии, творцы высоких колхозных урожаев, деятели науки, защитники рубежей социалистического Отечества.

В минувшую пятилетку продолжали расширяться и укрепляться многообразные связи писателей с жизнью народа, с коллективами трудящихся. Нефтеносные районы Северо-Западной Сибири и просторы Нечерноземной зоны России, Байкало-Амурская магистраль и алмазные кладовые Якутии, автоград XX века — КамАЗ и новостройки Дальнего Востока — вот края, где пролегают писательские маршруты, где литераторы находят новые темы, обретают новых друзей.

Российские писатели внесли свой вклад в художественную летопись Великой Отечественной войны. Неисчерпаема тема массового героизма советских воинов и тружеников тыла, сокрушивших фашизм, всегда будет воодушевлять нас на новые творческие поиски. Раскрывая средствами художественного слова социально-политические истоки и всемирно-историческое значение Победы, мы будем и впредь всемерно содействовать воспитанию мужественных патриотов, беспредельно любящих свою Родину.

В центре внимания на нашем писательском съезде были проблемы отображения в литературе современной социалистической действительности, жизни и борьбы советского народа, строящего коммунизм. Мы отдаем себе отчет в том, как много еще предстоит сделать, чтобы полнокровно и впечатляюще, на высоком идейно-художественном уровне воплотить в произведениях литературы черты нашего неповторимого времени, великие преимущества и реальные достижения социализма, изобразить яркими красками героический советский характер, советский образ жизни.

Заверяем Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, что ленинские принципы идейности, партийности и народности художественного творчества всегда будут путеводной звездой для всех поколений советских писателей. Мы будем неустанно стремиться к тому, чтобы наши книги были достойны творческого гения нашего народа, чтобы они как можно полнее отвечали растущим духовным запросам советских людей.

Литература Советской России, как и вся многонациональная советская литература, верная знамени марксизма-ленинизма, традициям и методу социалистического реализма, всегда будет надежным помощником партии в самом великом и благородном деле — в деле строительства коммунизма!

IV СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

По-ударному трудится коллектив Ухтинского нефтеперерабатывающего завода (Коми АССР). Еще год назад здесь рапортовали о выполнении задания пятилетки по производительности труда. Заводу присуждено переходящее Красное знамя Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР. Сейчас нефтепереработчики успешно выполняют обязательства, взятые к XXV съезду КПСС. Они решили к открытию съезда выполнить план двух месяцев десятой пятилетки.

На снимке: одна из технологических установок завода.

Фото А. ТЕРЕХОВА

СЛУЖИТЬ ВЕЛИКОМУ ДЕЛУ КОММУНИЗМА

РЕПОРТАЖ ИЗ ЗАЛА ЗАСЕДАНИЙ

ЧЕТЫРЕ ДНЯ — 15, 16, 17, 18 декабря — в Москве проходил IV съезд писателей Российской Федерации. Он начал свою работу в Большом Кремлевском дворце, а затем его заседания проходили в Колонном зале Дома союзов.

Представители крупнейшего отряда советской литературы — посланцы Москвы и Ленинграда, автономных республик, краев и областей России собрались на свой форум в дни, когда все советские люди заинтересованно обсуждают опубликованный проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» — документ, намечающий главные задачи развития страны в ближайшее пятилетие, когда со всех концов Советского Союза поступают вести об успешном, досрочном завершении 9-й пятилетки, когда повсюду с необычайным размахом развернулось социалистическое соревнование в честь достойной встречи XXV съезда КПСС.

Как мы уже сообщали, с докладом «Российская литература на новом этапе коммунистического строительства» выступил С. Михалков. Доклад Ревизионной комиссии СП РСФСР сделал ее председатель Е. Пермяк. С докладом Мандатной комиссии IV съезда писателей РСФСР выступил ее председатель О. Шестинский.

В прениях принял участие 41 человек.

Партийность, народность, высокая художественность, ответственность перед временем и народом — вот те критерии, которыми определяют свое творчество писатели России. Они черпают вдохновение в героических свершениях нашего современника. Произведения, рожденные в годы «литературной пятилетки», отразили пафос самоотверженного труда народа — творца и созидателя коммунистического общества.

С гордостью называли ораторы советскую литературу литературой высоких коммунистических идеалов. Они отмечали, что столь важное место в ней закономерно занимает образ человека-созидателя, человека • интернационалиста. Наши идеалы мы с полным правом противопоставляем бездуховной современной буржуазной культуре, где царят разгул безнравственности, пессимизм, неверие в будущее, в человека. Об этом говорил с трибуны съезда Ю. Бондарев, заявивший: чтобы любить человека, современному художнику нужны нравственные точки опоры.

— Слово советского писателя, — сказал М. Алексеев, — призвано быть и созидательным, и возвышающим. Мы гордимся тем, что писатели Советской России встречают XXV съезд партии с хорошим творческим настроением.

Вместе со всей многомиллионной семьей тружеников нашего социалистического общества писатели РСФСР, как всегда, тесно сплочены вокруг Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета!

Участники съезда приняли революционную, в которой заверили Центральный Комитет КПСС в том, что для художников слова нет и не может быть более почетной задачи, чем жить интересами советского общества, служить идеалам Коммунистической партии. Весь свой талант, весь огонь сердец они отдают делу Ленина, делу коммунизма.

***

— IV съезд писателей Российской Федерации — большое событие в жизни всей нашей многонациональной литературы, — сказал корреспонденту «ЛГ» первый секретарь правления СП Грузии Т. Буачидзе. — Хочется поблагодарить писателей России за то, что на съезд были приглашены представители писательских организаций союзных республик. Через несколько месяцев и нам предстоит проводить подобные съезды. Деловой, хозяйский подход к своей работе, к своей организации, который мы наблю-

● ОКОНЧАНИЕ НА 2-Я СТР.

Николай ТИХОНОВ, Вадим КОЖЕВНИКОВ и Георгий МАРКОВ

Сергей МИХАЛКОВ, Николай ГРИБАЧЕВ и Михаил ЛУКОНИН

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Всесоюзного музея А. С. Пушкина орденом Трудового Красного Знамени

За большую работу по эстетическому воспитанию трудящихся, изучению и пропаганде творческого наследия великого русского поэта А. С. Пушкина наградить Всесоюзный музей А. С. Пушкина орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
19 декабря 1975 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Ваншенкина К. Я. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя Ваншенкина Константина Яковлевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
19 декабря 1975 г.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

18 декабря состоялся первый пленум правления Союза писателей РСФСР, избранного на IV съезде писателей Российской Федерации.

Пленум избрал председателем правления СП РСФСР С. В. Михалкова, заместителем председателя — Ю. В. Бондарева.

Секретарями правления СП РСФСР избраны: М. Н. Алексеев, А. Г. Алексин, А. А. Ананьев, Г. А. Ахунов, С. В. Викулов, Д. А. Гранин, Ю. Т. Грибов, Р. Г. Гамзатов, С. П. Данилов, Н. Г. Дамдинов, В. В. Дементьев, А. В. Емельянов, С. П. Залыгин, В. А. Закруткин, М. С. Каримов (Мустай Карим), А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, А. Д. Коптяева, Д. Н. Кугультинов, К. Ш. Кулиев, В. В. Липатов, Г. М. Марков, Е. И. Носов, С. С. Орлов, С. С. Смирнов, А. В. Софронов, В. М. Санги, А. И. Смердов, Л. Л. Сорокин, А. Н. Тимонен, В. Д. Федоров, А. Н. Чепуров, Н. Е. Шундик.

Секретарем правления СП РСФСР по организационно-творческим вопросам утвержден М. П. Шевченко.

На первом пленуме Ревизионной комиссии СП РСФСР ее председателем избран Г. А. Семенихин, заместителем председателя — М. Д. Львов.

СЛУЖИТЬ ВЕЛИКОМУ ДЕЛУ КОММУНИЗМА

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

дан на съезде писателей РСФСР, — хороший пример для нас. Важные проблемы развития многонациональной советской литературы, обсуждавшиеся на этом форуме, будут находиться и центре внимания работы и нашей писательской организации.

— Съезд писателей России, — сказал секретарь правления СП Эстонии В. Гросс, — понравился мне и по духу, и по тону своему. Его делегаты говорили о произведениях, имеющих всесоюзную известность. Вопросы, которым было уделено внимание на съезде, так же волнуют нас, эстонских литераторов. Мы готовимся сейчас к своему съезду и учтем опыт писателей России.

В дни работы съезда и после его завершения делегаты встретились с тружениками московских предприятий, с интеллигенцией столицы. Такие встречи состоялись, например, с метростроевцами на новой станции метрополитена «Сходненская», в цехах завода электровакуумных приборов, в городском Доме учителя, где прошел вечер, посвященный Международному году женщины, в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева.

***

18 декабря делегаты и гости съезда собрались на заключительное заседание.

Были оглашены результаты голосования по выборам в руководящие органы Союза писателей республики и делегатов на VI съезд писателей СССР. Избраны правление в количестве 172 человек и Ревизионная комиссия в количестве 67 человек.

Делегатами на VI съезд писателей СССР избрано 276 человек.

Председательствовавший на заключительном заседании А. Чаковский сказал:

— Жизнь стремительно движется вперед. Возникают новые проблемы. Происходят новые свершения, встают новые сложности, открываются новые перспективы. Но если мы, расходясь после окончания нашего съезда, зададим себе вопрос: был ли наш многонациональная советская литература вообще и российская литература в частности на высоте тех задач, которые поставили перед ней народ и партия? — то я думаю, что ответ может быть только один, ясный и недвусмысленный: да, была! Есть много условий и обстоятельств, которые предопределили успехи нашей литературы. Это прежде всего, конечно, свершения советского народа под руководством Коммунистической партии. Но есть еще одно обстоятельство, несомненно повлиявшее как на сами эти свершения, так и на успехи нашей советской, российской литературы. Я имею в виду ту атмосферу товарищеской доброжелательности, доверия к людям, которую наш советский народ, наша партия справедливо связывают с деятельностью Центрального Комитета, его Политбюро, возглавляемого товарищем Л. И. Брежневым, — заявил оратор под аплодисменты присутствовавших.

С большим воодушевлением, под бурные аплодисменты участники IV съезда писателей РСФСР приняли письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

***

В день закрытия съезда правление Союза писателей РСФСР устроило в Кремлевском Дворце съездов прием. На приеме были делегаты и гости IV съезда писателей Российской Федерации, руководители творческих союзов, деятели науки и культуры, представители общественности.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Касаткина П. Е. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Касаткина Павла Ефимовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
12 декабря 1975 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Назира (Назирова) Х. Н. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Назира (Назирова) Хакима Назировича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
18 декабря 1975 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЧЕТВЕРТОГО СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Четвертый съезд писателей РСФСР собрался в знаменательное время, когда советский народ, успешно завершая девятую пятилетку, готовится новыми трудовыми свершениями встретить XXV съезд родной Коммунистической партии.

IV съезд писателей РСФСР отмечает, что вся деятельность писательских организаций в отчетный период определялась историческими решениями XXIV съезда КПСС. Вывод партийного съезда о возрастании роли литературы и искусства в коммунистическом строительстве, сформулированный в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева, стал вдохновляющим фактором писательского труда, вызвал новый прилив общественной активности литераторов.

Организационно-творческая работа Союза писателей РСФСР была направлена на решение актуальных проблем литературного развития, дальнейшее повышение идейно-художественного уровня литературы и профессионального мастерства писателей, укрепление их содружества с трудовыми коллективами, воспитание литераторов в духе высокой ответственности перед народом. Этим вопросам был посвящен ряд пленумов правления, писательских совещаний и семинаров, выездных секретариатов и других мероприятий.

Съезд с удовлетворением отмечает, что в нетекший период многонациональная литература Российской Федерации добилась заметных успехов в создании высокохудожественных произведений, раскрывающих величие свершений народа, духовные ценности развитого социалистического общества. Атмосфера общественно-политического подъема, вызванная празднованием 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 50-летия образования СССР, 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, нашла широкий отклик в художественном творчестве. Литература обогатилась новым зарядом коммунистической идейности, патриотических и интернационалистических чувств, партийной страстности в утверждении наших идеалов. Отчетный период характеризуется успешным развитием всех национальных литератур РСФСР на основе их взаимовлияния и взаимообогащения, дальнейшим ростом тематического и стилевого многообразия.

Съезд подчеркивает неизменную верность писателей многонациональной Советской России ленинскому учению о партийности и народности художественного творчества — незыблемой основе социалистического реализма. Ленинская партийность определяет неразрывную связь литературы с интересами нашего общества, ее кровное единство с народом, обеспечивает подлинную свободу творчества, простор для полного раскрытия таланта.

Съезд констатирует, что в отчетный период проведена определенная работа по воспитанию литературной смены. Важную роль сыграл пленум правления СП РСФСР, специально посвященный этому вопросу. В последние годы произведения молодых писателей стали шире издаваться, многие из них получили известность.

Одобряя организационно-творческую работу правления Союза писателей РСФСР, отмечая, что правление активно содействовало развитию литературы во всех областях, краях, автономных республиках Российской Федерации, съезд рекомендует вновь избранному правлению СП РСФСР продолжать и совершенствовать эту работу.

Съезд подчеркивает, что нынешний этап общественного развития, возрастающие духовные запросы советских людей предъявляют высокие требования к идейно-художественному качеству литературных произведений. Забота о дальнейшем росте профессионального мастерства остается важнейшей задачей всех писательских организаций. Руководствуясь постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», следует и дальше активизировать деятельность критики, добиваться высокой эффективности ее выступлений, создавать в писательской среде обстановку взаимной требовательности и взыскательности, непримиримости к идейно-художественному браку.

Съезд призывает литераторов усилить внимание к художественному осмыслению важнейших проблем современности. Читатели ждут ярких произведений о сегодняшнем дне, о героических делах рабочего класса и современного крестьянства, о советском образе жизни, о социально-нравственных проблемах научно-технической революции.

Съезд поручает правлению СП РСФСР, всем писательским организациям и впредь вести активную работу по расширению контактов с зарубежной писательской общественностью, крепить дружбу с мастерами культуры социалистических стран, с прогрессивными литераторами всего мира, вести наступательную борьбу с нашими идейными противниками, с любыми проявлениями буржуазной идеологии и ревизионизма.

Съезд обращает внимание вновь избранного правления СП РСФСР, всех писательских организаций на необходимость дальнейшего улучшения работы по воспитанию молодых литераторов, широкого привлечения к этому делу писателей разных поколений.

Съезд рекомендует правлению СП РСФСР внимательно изучить предложения и замечания делегатов и учитывать их в своей практической деятельности.

Напряженный творческий труд советских людей в 9-й пятилетке обеспечил дальнейший динамичный рост народного хозяйства, науки и культуры Страны Советов. Произошли значительные позитивные сдвиги в международной обстановке, наглядно свидетельствующие об успешной реализации Программы мира, выработанной XXIV съездом КПСС. Все это определяет растущее стремление писателей ярче и полнокровнее отображать в своих произведениях великий революционный опыт народа, его славные боевые традиции и трудовые подвиги, раскрывать величие свершений нашей страны, руководящую роль Коммунистической партии Советского Союза.

В преддверии XXV съезда КПСС, который откроет новые величественные перспективы коммунистического созидания, от имени всех писателей Российской Федерации съезд заверяет ленинский Центральный Комитет в том, что для художника слова нет и не может быть более почетной задачи, чем жить интересами советского общества, служить идеалам Коммунистической партии! Весь свой талант, весь огонь сердец мы отдаем и будем отдавать делу Ленина, делу коммунизма!

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ИЗБРАННОЕ IV СЪЕЗДОМ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

АБРАМОВ Ф. А.
АЛЕКСЕЕВ М. Н.
АЛЕКСЕЕВ С. П.
АЛЕКСИН А. Г.
АЛИЕВА Ф. Г.
АНАНЬЕВ А. А.
АНДРОНИКОВ И. Л.
АРДАМАТСКИЙ В. И.
АСТАФЬЕВ В. П.
АХМАТОВА Р. С.
АХУНОВ Г. А.
БАБАЕВСКИЙ С. П.
БАЗАНОВ В. Г.
БАРАБАШ Ю. Я.
БАРТО А. Л.
БАРУЗДИН С. А.
БЕЛОВ В. И.
БЕРЕЗКО Г. С.
БИИШЕВА З. А.
БОКОВ В. Ф.
БОНДАРЕВ Ю. В.
ВАСИЛЬЕВ Ф. И.
ВАСИЛЬЕВА Л. Н.
ВИКУЛОВ С. В.
ВОРОНИН С. А.
ГАМЗАТОВ Р. Г.
ГОДЕНКО М. М.
ГОРДЕЙЧЕВ В. Г.
ГОРЫШИН Г. А.
ГРАНИН Д. А.
ГРАУБИН Г. Р.
ГРИБАЧЕВ Н. М.
ГРИБОВ Ю. Т.
ГУСАРОВ Д. Я.
ДАМДИНОВ Н. Г.
ДАНИЛОВ Семен П.
ДВОРЕЦКИЙ И. М.
ДЕВИН И. М.
ДЕДУШКИН Н. С.
ДЕМЕНТЬЕВ В. В.
ДОЛМАТОВСКИЙ Е. А.
ДОРИЗО Н. К.
ДРУНИНА Ю. В.
ДУДИН М. А.
ЕВДОКИМОВ Н. С.
ЕМЕЛЬЯНОВ А. В.
ЕРЕМИН Д. И.
ЖАЛСАРАЕВ Д. З.
ЖАНЭ К. Х.
ЗАКРУТКИН В. А.
ЗАЛЫГИН С. П.
ЗУБКОВ Ю. А.
ИВАНОВ А. С.
ИВАНОВ Л. И.
ИСАЕВ Е. А.
КАЗАКОВА Р. Ф.
КАЛИНИН А. В.
КАРЕЛИН Л. В.
КАРИМОВ М. С.
(Мустай КАРИМ)
КВИН Л. И.
КЕШОКОВ А. П.
КОВАЛЕВ Д. М.
КОЖЕВНИКОВ В. М.
КОЗЛОВСКИЙ Я. А.
КОЛЕСНИКОВ М. С.
КОЛЫХАЛОВ В. А.
КОНОВАЛОВ Г. И.
КОПТЕЛОВ А. Л.
КОПТЯЕВА А. Д.
КРАВЦОВА Н. Ф.
КРАПИВИН В. П.
КРУТИЛИН С. А.
КУГУЛЬТИНОВ Д. Н.
КУЗНЕЦОВ Ф. Ф.
КУЛИЕВ К. Ш.
КУНЯЕВ С. Ю.
КУРИЛОВ С. Н.
ЛЕБЕДЕНКО П. В.
ЛЕДНЕВ В. В.
ЛЕКАНОВ В. Д.
ЛЕНЧ Л. С.
ЛЕОНОВ Л. М.
ЛИПАТОВ В. В.
ЛИХАНОВ А. А.
ЛУКОНИН М. К.
МАРЗОЕВ С. Т.
МАРКОВ Г. М.
МАРКОСЬЯНЦ С. А.
МАТУШКИН В. С.
МИХАЙЛОВ А. А.
МИХАЛКОВ С. В.
МИРЗАГИТОВ А. М.
МИФТАХУТДИНОВ А. В.
НАГИБИН Ю. М.
НАРОВЧАТОВ С. С.
НИЛИН П. Ф.
НОСОВ Е. И.
ОВЧАРЕНКО А. И.
ОЗЕРОВ В. М.
ОРЛОВ С. С.
ОЧЕРЕТИН В. К.
ОШАНИН Л. И.
ПАЛИЕВСКИЙ П. В.
ПЕРВЕНЦЕВ А. А.
ПЕРМЯК Е. А.
ПЕРЦОВ В. О.
ПОВОЛЯЕВ В. Д.
ПОЛЕВОЙ Б. Н.
ПОЛТОРАЦКИЙ В. В.
ПОПОВ А. Ф.
ПОПОВ В. Ф.
ПОТАНИН В. Ф.
ПОЧИВАЛИН Н. М.
ПРОКУШЕВ Ю. Л.
ПРОСКУРИН П. Л.
РАЗУМНЕВИЧ В. Л.
РАСПУТИН В. Г.
РАСУЛЕВ А. К.
(А. РАСИХ)
РАШИДОВ Р. М.
РЕКЕМЧУК А. Е.
РОГАЛЬ Н. М.
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Р. И.
РОЗОВ В. С.
РОСЛЯКОВ З. П.
РУМЯНЦЕВА М. А.
РЫТХЭУ Ю. С.
САНГИ В. М.
САРТАКОВ С. В.
САХНИН А. Я.
СЕЛЯНКИН О. К.
СЕМЕНОВ Ю. С.
СИМОНОВ К. М.
СМЕРДОВ А. И.
СМИРНОВ С. В.
СМИРНОВ С. С.
СОКОЛОВ В. Н.
СОРОКИН В. В.
СОРОКИН Л. Л.
СОФРОНОВ А. В.
СТАДНЮК И. Ф.
СТОЛЯРОВ Б. С.
(В. ЮКСЕРН)
СУИЧМЕЗОВ А. М.
СУРКОВ А. А.
ТАТЬЯНИЧЕВА Л. К.
ТЕЛЬПУГОВ В. П.
ТЕНДРЯКОВ В. Ф.
ТИМОНЕН А. Н.
ТИХОНОВ Н. С.
ТРОЕПОЛЬСКИЙ Г. Н.
ТУРКОВ А. М.
УХАНОВ И. С.
ФАЙЗУЛЛИН Р. А.
ФЕДИН К. А.
ФЕДОРОВ В. Д.
ФИРСОВ В. И.
ХАКИМОВ С. Т.
(Сибгат ХАКИМ)
ХОДЖЕР Г. Г.
ЦАГАРАЕВ М. Н.
ЦЫБИН В. Д.
ЧАКОВСКИЙ А. Б.
ЧЕПУРОВ А. Н.
ЧИВИЛИХИН В. А.
ЧМЫХАЛО А. И.
ШЕВЧЕНКО М. П.
ШЕСТИНСКИЙ О. Н.
ШЕФНЕР В. С.
ШОГЕНЦУКОВ А. О.
ШОЛОХОВ М. А.
ШУНДИК Н. Е.
ШУРТАКОВ С. И.
ЩИПАЧЕВ С. П.
ЯКИМЕНКО Л. Г.

РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,

ИЗБРАННАЯ IV СЪЕЗДОМ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

АГАШИНА М. К.
АДРИАНОВ Ю. А.
АКСЕНОВ В. П.
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ В. Н.
АНКИЛОВ Н. П.
БАДМАЕВ А. Б.
БАРЫШЕВ М. И.
БЕЛОУСОВ И. Е.
БЛАГОВ Н. Н.
БОКАРЕВ Г. К.
ВОРОНОВ Н. П.
ГЕВЕЛИНГ А. Ф.
ГОНЧАРОВ Ю. Д.
ГОРБАЧЕВ Н. А.
ГРИНБЕРГ И. Л.
ДАНИЛОВ Софр. П.
ДЕМЕНТЬЕВ А. Д.
ЖУКОВ В. С.
ЖУРАВЛЕВ Н. А.
ЗОРИН Э. П.
ИРКАЕВ Н. Л.
(Никул ЭРКАЙ)
КАЛАШНИКОВ И. К.
КАРПОВ Е. В.
КИЛЬЧИЧАКОВ М. Е.
КНЯЗЕВ Л. Н.
КОНЕЦКИЙ В. В.
КОРНИЛОВ В. Г.
КУЗНЕЦОВ В. Н.
ЛАДОНЩИКОВ Г. А.
ЛАГУНОВ К. Я.
ЛИХОНОСОВ В. И.
ЛЬВОВ М. Д.
ЛЮБОВИКОВ О. М.
МАЛИКОВ А. М.
МАШБАШЕВ И. Ш.
(МАШБАШ)
МОТЯШОВ И. П.
НИЗАМОВ Р. Г.
НИКУЛЬКОВ А. В.
ОСТРОВОЙ С. Г.
ПАЛКИН Э. М.
ПАЛЬКИН Н. Е.
ПАРЫГИНА Н. Д.
ПАШКОВ Ю. В.
ПОГОДИН Р. П.
ПОПОВ В. М.
ПЫРКОВ В. И.
РЕГИСТАН Г. Г.
РОМАНОВ А. А.
СЕМЕНИХИН Г. А.
СЕМЕНОВ Г. В.
СЕМЕНОВ Ю. С.
СЕРГЕЕВ М. Д.
СМИРНОВ И. А.
СМОЛЬНИКОВ А. С.
СОБОЛЕВ А. П.
СУББОТИН В. Е.
СУВАКПИТ О. О.
СУРГАНОВ В. А.
ТОКМАКОВА И. П.
ТОЛКАЧ М. Я.
ТУРКИН В. П.
ФОКИНА О. А.
ХАППАЛАЕВ Ю. Р.
ХРЕНКОВ Д. Т.
ШАБАЕВ М. С.
ШЕСТАЛОВ И. Н.
(Юван ШЕСТАЛОВ)
ШМАКОВ А. А.

ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ

Из доклада председателя Ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР Е. А. ПЕРМЯКА

Мы знаем, каким знаменательным было истекшее пятилетие, как много сделал советский народ под руководством родной Коммунистической партии Советского Союза, ее Ленинского Центрального Комитета. И многонациональная писательская семья России стремилась быть достойной трудовых достижений своего народа, своей Советской Отчизны.

Председатель правления Союза писателей РСФСР Сергей Владимирович Михалков обстоятельно доложил съезду о том, как российские литераторы вместе со всеми писателями Советской страны творчеством своим приумножают славу и могущество самой передовой и прогрессивной литературы первого в мире социалистического государства.

Наглядное тому свидетельство — новые талантливые книги, которые издаются на 50 языках народов Российской Федерации и вдохновенно воспевают труд народа, его выдающиеся подвиги в строительстве коммунизма.

Ревизионная комиссия через своих представителей была связана со всеми звеньями Союза писателей, его правления и секретариата, работа которых строилась на принципах широкого демократизма, коллегиального руководства крупнейшей писательской организацией страны. Эта творческая атмосфера благотворно сказалась и на деятельности аппарата правления Союза писателей Российской Федерации.

В сложной и многообразной деятельности этого аппарата имели место и некоторые недостатки, например ослабление повседневного контакта правления с писательскими организациями Марийской АССР, Калуги, Рязани и некоторыми другими.

На III съезде писателей РСФСР отмечалась недостаточная активность общественных советов. За прошедшие годы работа большинства их оживилась. Положительной оценки заслуживает деятельность советов по прозе, по критике и литературоведению, по детской и юношеской литературе, по очерку и художественной публицистике, по работе с молодыми авторами, по литературам Крайнего Севера и Дальнего Востока, по военно-художественной литературе, а также Комиссии по русской песне.

Возросшая активность большинства общественных советов заметно сказалась на всей организационно-творческой деятельности секретариата и правления, особенно в подготовке и проведении пленумов и выездных заседаний.

За отчетный период было проведено 7 пленумов правления и 6 выездных заседаний секретариата, на которых обсуждались большие творческие вопросы. Это пленумы правления по прозе 70-х годов, по современной литературе Якутии, выездные заседания секретариата в Архангельске, Казани, Тольятти, Смоленске.

Эти примеры дают основание надеяться, что общественные советы и дальнейшем могут и должны стать еще более прочной опорой правления и секретариата во всей их организационно-творческой деятельности.

Улучшалась деятельность приемной комиссии правления. Она стала предъявлять более строгие требования при обсуждении приемных дел. К сожалению, не все местные писательские организации руководствуются высокими критериями. Едва ли, например, можно мириться с тем, что становятся членами Союза писателей те, чья творческая деятельность ограничена лишь переводами с подстрочников, сделанными без знания языка, его особенностей и колорита.

Необходимо решительно повысить требовательность при обсуждении каждого приемного дела. Ведь речь идет о будущем всей нашей советской литературы, о нашей молодой смене.

Огромная забота нашей Коммунистической партии и Советского правительства об идейно-художественном росте советской литературы обязывает нас постоянно повышать ее уровень. Большая роль принадлежит тут и нашей периодической печати. В Российской Федерации издается 31 литературно-художественный и общественно-политический журнал, 26 из них выходят в автономных республиках, краях и областях, в том числе 14 журналов печатается на языках народов РСФСР. Рост тиражей большинства журналов свидетельствует о том, что они заслужили признание читателей.

В докладе Ревизионной комиссии и выступлениях делегатов на III съезде писателей РСФСР говорилось о необходимости увеличить в Москве выпуск книг писателей автономных республик, краев и областей.

С этой целью в январе 1971 года было создано новое республиканское литературное издательство «Современник». Ревизионная комиссия отмечает добротный идейно-художественный уровень многих книг, вышедших в этом издательстве, их высокие полиграфические достоинства.

За пять лет издательство «Современник» выпустило 773 книги общим тиражом свыше 40 миллионов экземпляров. Из них 447 принадлежат перу писателей автономных республик, краев и областей России.

В Российской Федерации художественную литературу выпускают 47 издательств республиканского, краевого и областного подчинения. Это огромные возможности для удовлетворения читательского спроса. Но следует уделить больше внимания делу распространения художественной литературы, не ограничиваясь пределами той республики, того края, той области, где она издается.

Анализируя деятельность Всероссийского отделения Литфонда за отчетный период (с марта 1970 по декабрь 1975 го), Ревизионная комиссия констатирует, что на творческие и социально-бытовые нужды российских писателей было израсходовано 3 миллиона рублей. Эти средства использованы на творческие командировки и пособия на творческий период, на пособия молодым авторам, на пособия по временной нетрудоспособности, на пособия семьям погибших и умерших писателей.

За отчетный период Литфондом было выдано возвратных ссуд 1 миллион 9 тысяч рублей.

Большое внимание уделяет Литфонд писателям — инвалидам Великой Отечественной войны. Им предоставляется первоочередное медицинское обслуживание, ежегодные бесплатные путевки на курорт.

За эти годы российский Литфонд выдал 27 тысяч путевок в дома творчества и 2580 — в санатории, из которых 1400 бесплатных и 2800 со скидкой, на что израсходовано свыше 300 тысяч рублей.

Благодаря постоянной заботе партии и правительства о творческой интеллигенции значительные средства были выделены на жилищное строительство.

Заметно улучшается и медицинское обслуживание литераторов, хотя в этом отношении Литфондом сделано еще далеко не все. Нуждается, например, в решительном улучшении работа Центральной поликлиники в Москве.

Неоднократно обсуждалась на пленумах Ревизионной комиссии деятельность Бюро пропаганды художественной литературы. Достаточно сказать, что писателями России проведено 417 тысяч выступлений перед читателями в городах и селах республики.

Однако в деятельности Бюро пропаганды есть просчеты. К выступлениям перед читателями редко привлекаются наиболее опытные, широко известные писатели.

За отчетный период около 150 литераторов из автономных республик, краев и областей РСФСР выезжали в различные страны мира в составе делегаций Союза писателей СССР для участия в международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, поэтических фестивалях, Днях советской литературы, а также с творческими целями. Кроме того, за этот же период в составе специализированных туристских групп более 500 писателей побывали в странах Европы, Азии, Африки.

Слагая свои полномочия, нынешний состав Ревизионной комиссии желает своим преемникам успехов во имя дальнейшего расцвета нашей литературы, верной советскому народу и его родной Коммунистической партии!

ЕДИНАЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ

Из доклада председателя Мандатной комиссии IV съезда писателей РСФСР О. Н. ШЕСТИНСКОГО

Наш IV писательский съезд собрался в канун знаменательного общественно-политического события — XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. В эти дни производственные коллективы рапортуют Родине, ленинской партии о выполнении заданий девятой пятилетки, о новых крупных успехах в хозяйственном и культурном строительстве. Вдохновляемые трудовыми подвигами своих современников, славными революционными и боевыми традициями родного народа, писатели стремятся достойно запечатлеть в новых произведениях наше замечательное время.

В работе нашего съезда участвуют делегаты от 73 писательских организаций, в том числе из 16 автономных республик и 4 автономных областей РСФСР. На III съезде были представлены 72 писательские организации. (В 1974 году создана областная писательская организация на Камчатке.)

Мандатная комиссия проверила полномочия делегатов и установила, что все они избраны тайным голосованием в соответствии с требованиями Устава Союза писателей СССР и с соблюдением нормы представительства, установленной VI пленумом правления Союза писателей РСФСР.

На съезд избран 551 делегат. Присутствуют 530 делегатов. Не смогли прибыть на съезд по уважительным причинам 21 делегат.

За пять лет, прошедших после III съезда, в Союз писателей принято 725 литераторов. К открытию нашего съезда писательская организация Российской Федерации насчитывает 3860 человек.

Среди делегатов нашего съезда 53 женщины и 498 мужчин, 427 делегатов — члены Коммунистической партии Советского Союза. Это более 70 процентов избранных на съезд.

По возрасту состав делегатов характеризуется следующим образом: до 30 лет — 2 человека, от 31 до 40 лет — 47, от 41 до 50 — 143, от 51 до 60 — 176, старше 60 лет — 183 человека.

Мы вправе гордиться доверием народа и партии. Среди делегатов съезда — 12 депутатов Верховного Совета СССР, 9 депутатов Верховного Совета РСФСР, 12 депутатов Верховных Советов автономных республик; многие делегаты избраны депутатами местных Советов. Расул Гамзатов — член Президиума Верховного Совета СССР, Юрий Бондарев — заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, Раиса Ахматова — Председатель Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР.

По времени вступления в Союз писателей СССР делегаты делятся на такие группы: 51 делегат — наши заслуженные ветераны, члены Союза писателей со дня его основания, то есть с 1934 года; 53 делегата приняты в Союз писателей в период с 1935 по 1940 год, 36 делегатов — с 1941 по 1945 год, 109 делегатов — с 1946 по 1954 год, 93 делегата — с 1955 по 1958 год, 132 делегата — с 1959 по 1964 год, 40 делегатов — с 1965 по 1970 год и 29 делегатов — с 1971 по 1975 год.

443 делегата, то есть подавляющее большинство, имеют высшее и среднее образование. 81 делегат имеют ученые степени и звания, из них 7 делегатов являются действительными членами и членами-корреспондентами академий наук СССР и союзных республик.

В этом году все мы широко отмечали 30-летие Победы советского народа над фашизмом. Многие писатели с оружием в руках сражались за Родину. Среди делегатов съезда — 248 участников Великой Отечественной войны, в том числе два Героя Советского Союза.

Родина высоко оценивает литературную и общественную деятельность советских писателей. 457 делегатов награждены орденами и медалями СССР. Среди делегатов — 14 Героев Социалистического Труда, 46 делегатов имеют почетные звания.

Среди делегатов нашего съезда — 13 лауреатов Ленинской премии, 66 лауреатов Государственной премии СССР, 38 лауреатов Государственной премии РСФСР, 13 лауреатов премии Ленинского комсомола, 24 лауреата премий автономных республик.

Николай Семенович Тихонов удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Делегаты съезда представляют все жанры литературы. Среди них 250 прозаиков, 122 поэтов, 31 драматург, 58 критиков и литературоведов, 26 детских писателей, 9 переводчиков.

Состав делегатов, представляющих братские литературы народов Российской Федерации, наглядно демонстрирует ее многонациональный характер. Делегаты съезда представляют 47 национальностей.

Писатели Российской Федерации создают свои произведения на 50 языках народов РСФСР. Это свидетельствует о дальнейшем плодотворном развитии российской литературы на основе ленинской национальной политики. С глубоким удовлетворением отмечаем мы сегодня тот отрадный факт, что художественное слово, помогающее формировать духовный и нравственный мир современника, слово партийной правды, обращено к советскому человеку на многих языках народов нашей страны.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Вадим КОЖЕВНИКОВ

(МОСКВА)

Союзом писателей РСФСР проводится большая работа с молодыми литераторами. Специальными семинарами руководят видные писатели. Но об опыте их художественного мастерства наши печатные органы рассказывают мало и далеко не систематически. Надо усилить внимание литературной критики к конкретному исследованию средств и приемов художественной выразительности, к анализу языка, стиля и композиции, чтобы общий призыв — повысить художественное мастерство — обрел убедительное методическое содержание.

Большое организационно-творческое внимание уделяет союз литературам автономных республик, успехи которых мы все не можем не приветствовать. И тем более досадно, что не всегда еще на должной высоте качество переводов, запаздывает оценка произведений, выходящих на языках народов России.

В преддверии десятой пятилетки партия указала на ее генеральный принцип — принцип, объемлющий все сферы человеческой деятельности: принцип качества и эффективности. Он обращен полностью и к нашему литературному делу.

Нам всем памятны вдохновляющие слова Л. И. Брежнева о том, что «работники советской литературы и искусства воспитаны Коммунистической партией: они живут делами и помыслами своего народа, их творческая судьба неотделима от интересов социалистической Родины». Что может быть для нас выше такого признания партии!

Нельзя предопределить сроки создания великих художественных ценностей. Но существует неразрывное единство литературы с политикой партии, со всей ее жизнетворческой деятельностью на благо народа, с ее воспитательным, вдохновляющим пафосом. Именно это и предопределяет восходящее развитие нашей литературы.

В проекте ЦК КПСС к XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза перед нами встает исполненный новаторства облик грядущей десятой пятилетки как гармонически слаженный, гигантской мощи всетворящий механизм народного хозяйства, как новый исторический шаг по восходящему ленинскому курсу.

Величие свершаемых страной дел, величие и ясность задач, поставленных партией, — это и есть те вершины, какие являет во всей полноте образ нашей современности.

Писать для настоящего, во имя будущего — таково призвание советского писателя. Только хорошие книги должны мы давать нашему народу. Только тогда наш вклад в грядущую десятую пятилетку страны будет достойным.

Мы собрались в канун XXV съезда нашей ленинской партии — события поистине исторического. Коммунисты страны, как и все трудящиеся, обдумывают и обсуждают все, что достигнуто трудом во всех сферах человеческой деятельности. И мы сегодня обдумываем и обсуждаем путь, пройденный нашей литературой за истекший период.

В глубоком и впечатляющем докладе С. В. Михалкова было названо немало хороших произведений, написанных за последние годы. Но главное — то, что наш общий литературный процесс развивается по восходящей, в благоприятном климате доброжелательности, поддержки и широкого общественного внимания. Доверие партии, ее повседневная забота послужили дальнейшему сплочению наших рядов, созданию той чистой, ясной, товарищеской атмосферы, которая служит надежной почвой для все более активной и целеустремленной творческой работы всех писательских поколений.

Дни советской литературы в областях и республиках, исполненные большого общественного, культурного и политического содержания, обрели характер устойчивой народной традиции. По своим масштабам и социальному значению подобной традиции нет ни в одной стране мира.

Нельзя не сказать о плодотворной инициативе наших литературно-художественных журналов, организовавших литературные посты на важнейших объектах девятой пятилетки.

Все эти факты свидетельствуют о готовности наших литературных сил участвовать в великом трудовом подвиге народа произведениями, написанными не вслед времени, а в самом атакующем его ходе. Чем выше и полнее широта и глубина познания дел страны, идейная целеустремленность писателей, их творческая сплоченность, сознание того, что литературное дело неотделимо от всех великих новаторских исторических деяний и преобразований, свершаемых под руководством партии, тем больше новаторское, общечеловеческое значение нашей литературы.

Именно из идейной целеустремленности рождается столь же целеустремленное многообразие приемов и средств художественной выразительности.

Михаил ДУДИН

(ЛЕНИНГРАД)

По воле тиранов
Друг друга
терзали народы,
Ты встал, трудовой
Петербург,
и первый начал войну
всех угнетенных
против всех угнетателей,
чтоб тем убить
самое семя войны.

В этих словах, высеченных над могилами борцов революции в Ленинграде, как бы застыло само время.

И если протянуть от них нить в наш сегодняшний день, то вспомнишь слова, сказанные Л. И. Брежневым на VII съезде Польской объединенной рабочей партии: «Наша совместная политика была и есть последовательная ленинская политика защиты мира, свободы и независимости народов, защиты справедливого дела трудового народа». Эта связь подтверждает единство движения революции, правильность избранного ею пути.

В этом году человечество отмечало две памятные даты, две вехи, стоящие на одном поле его истории, — тридцатилетие со дня Победы над немецким фашизмом и четверть века се для организации Всемирного Совета Мира.

Между этими датами, как между реками, вытекающими одна из другой, есть своя логическая, исторически замыкающаяся связь. Эта связь говорит о том, что движение сторонников мира и борцов за мир взяло на себя нелегкую задачу продолжения победы разума над кровавой разнузданностью мракобесия, что разоружаться оружием в XX веке опасно для истоков самой жизни на земле.

Двадцать миллионов лучших сыновей и дочерей нашей Родины отдали свои жизни в борьбе с фашизмом. Может быть, мы только сейчас в полной мере начинаем понимать, как нам не хватает этих двадцати миллионов жизней в строительстве нового дня человечества.

В том, что народы Европы вот уже тридцать лет не слышали обвального грохота войны, есть заслуга и каждого из нас. Мы победим в своем стремлении к миру, потому что в этом нашем убеждении есть правда и необходимость времени, наш долг перед ним, его веление.

Мы лучше, чем кто-либо другой, по опыту истории своей Родины и по опыту своих собственных судеб, знаем цену войне и миру. Мы видим во вручении Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу «Золотой медали мира», медали имени Ф. Жолио-Кюри, признание его личных громадных заслуг и наших общих усилий. Пусть этот пример высокого горения души, этот пример ответственности перед собой, перед всем миром будет всегда воодушевлять нас.

Мы знаем, что чужого горя не бывает! В современном мире растущих скоростей и глобальности проблем в геометрической прогрессии растет человеческая ответственность перед жизнью, за все ее многообразие, за всю ее поразительную мозаику. И борьба за прочный мир уже смыкается в наши дни с возрастающей необходимостью защиты самой материальной сущности мира, его лесов и рек, океанов и материков, земли и неба, птиц и зверей.

Мы не хотим превратить мир в асфальтовую пустыню.

Мы за мир творческих личностей, а не за мир роботов. Мир конечен в бесконечности своих проявлений, поэтому надо очень беречь его ради его общечеловеческого начала.

И сейчас уже пора заботиться не столько о том, как бы побольше извлечь из земных кладовых богатств, а о том, как бы побольше сохранить их в разумном использовании для будущего.

О будущем не думают только варвары. А ведь мы с вами — творцы и дети гармонии. Мы — создатели, а не разрушители.

Великое искусство, великая литература всегда имеют в основе своей великую общечеловеческую идею. И эта идея, как правило, помогает великой литературе раскрывать национальную сущность ее языка, ее природы.

Александр Сергеевич Пушкин называл своих собратьев «родней по вдохновенью», он видел в содружестве творческих сердец гармонию мира, гармонию движения к совершенству.

Великая литература времен начала Советской власти и революции жила всем своим неистовством тягой к мировой гармонии, и ее энтузиазм становился мировым энтузиазмом.

Литература моего поколения, поколения защитников социалистической культуры, жила и боролась мировой идеей спасения мира от фашизма. Благородная идея борьбы за мир, за разумные отношения народов и племен, государств и континентов — первостепенная идея нашего времени.

В этой идее — судьба нашей жизни, нашего вдохновения, наш успех и торжество творческих усилий, торжество нашего духа.

Мы стоим за мир всем разнообразием талантов, всей разноголосицей языков и индивидуальностей. Другого пути у нас нет!

Мустай КАРИМ

(БАШКИРСКАЯ АССР)

Минувшие годы наряду с всемирно известными победами советских людей во всех сферах созидания ознаменовались еще большим укреплением душевного равновесия всего народа, всей страны. А душевное равновесие — это такое превосходное состояние, когда мысль и труд могут творить чудеса, — страна наша пребывает сейчас именно в этом чудесном состоянии духа.

Бесспорно, лучшее из созданного писателями России за эти годы во всех видах и жанрах, на всех «сущих в ней языках» заслуживает, чтобы о нем сказали тут в полный голос, воздали ему полную меру признания. Не будем прибедняться. Успехи зрелых и мудрых талантов России очевидны всем. И молодые страстные дарования, не в пример некоторым своим недавним предшественникам, больше стали отличаться умом и уменьем, нежели неокрепшими «рогами».

Мне, стихотворцу, на зависть особенно привлекательна широкая география блестяще талантливой, серьезной, неодиозначной прозы, создаваемой несколькими поколениями отменных мастеров слова. В ней разрабатываются коренные, сложные проблемы жизни и предъявляются самой жизни и людям не менее важные, не менее острые требования. А подлинная литература может жить и развиваться только в тех взаимоотношениях с действительностью, когда их требования и претензии обоюдны. Жизнь, мне кажется, как и человек, не менее, чем в утверждении и подтверждении, нуждается в постоянном обновлении и совершенствовании. Этот процесс совершенствования, на мой взгляд, и есть предмет и объект нашей большой прозы.

И все-таки я себя сейчас ощущаю так, как будто в двух руках держу две чаши: в одной — радость до краев, в другой — заботы через край. Если нам не безразличны дальнейшие судьбы нашего литературного дела, нашего ремесла, то нас никогда не должна покидать неусыпная озабоченность. Заботит нас многое. Прежде всего — соотношение выстраданной правды и подобия правды, иначе говоря, подлинного и поддельного в литературе. Их соседство в искусстве всегда было неизбежным, и, видимо, так будет. Дело в соотношениях и еще в том, чтобы каждое из этих явлений мы называли своим именем и назначали свою цену.

Высоконравственная атмосфера созидательной жизни в стране не может не ставить более повышенные требования, выдвигать более строгие идейно-художественные критерии перед советской литературой. Эти требования и критерии обращены в первую очередь к таланту и мастерству. С таланта спрос за все — за глубину, за горизонты, за перспективы. Инертность таланта в нашем деле всегда способствует активизации посредственности, открывая путь потоку той литературы, которая скользит по поверхности сознания читателя, не впитываясь в него, как дождевые воды по асфальту.

При немалых частных, может, и не только частных, удачах на беспокойные мысли наводит положение в нашей поэзии. Ощущается какой-то спад напряжения мысли, обесцвечивание чувства, расслабление мускулов у иных признанных мастеров, которые совсем недавно зажигали звезды в небе; а теперь они или дали себе передышку, или зажигают елочные украшения.

В поэзии, в том числе и в молодой поэзии, многовато красивого «не о чем», мнимой многозначительности и такого «удивления», которое никого не удивляет. И в драматургии некоторые крупные авторы чаще, чем следовало бы, стали блуждать по переулкам и тропинкам сладостных или горьких воспоминаний. Воспоминания хороши к вечеру. Но ведь день начинается каждый раз с утра, и его думы непременно устремлены вперед, в будущее.

Идет время могучего порыва и свершений. Оно может пройти сквозь человека или мимо него. Мы с вами, люди счастливого призвания, люди службы сердца и разума, люди, исповедующие высокий идеал коммунизма, относимся к тем, в ком само время, его бури и страсти, его искания и правда. И мы не можем ставить перед собой робкие, недерзкие желания. Потому что мы хотим наполнить эпоху смыслом своей борьбы, своего бытия.

Евгений НОСОВ

(КУРСК)

Меня причисляют к писателям-«деревенщикам». Хотя я и не разделяю такой искусственной градации, тем не менее действительно черпаю свое вдохновение в «поэзии российских деревень».

Еще в начале шестидесятых годов в рассказе «За долами, за лесами» свою курскую землю в отличие от рубленого, деревянного Севера я называл соломенно-плетневой Русью. Поезжайте по Курщине теперь! За десять с небольшим лет тысячи сел перестроились заново. Нынешнее село, за говоря уже о самих колхозах и совхозах, стало вена-сытным потребителем гвоздей, стекла, цемента и особенно красок. И меня порадовало волнует эта разбуженная потребность нашей деревни в цвете, звонких красках, в радости бытия. В решениях мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, помнится, ничего не говорилось специально о красках, тогда решались самые насущные проблемы села, а смотрите, какие непредвиденные ответвления и побеги дала жизнь, как повернуло ее к эстетике когда намечены верные решения и самом главном!

Всего о нынешней деревне не рассказать в коротком выступлении. Об этом нужны не разговоры, а книги. Книги нужны не только для того, чтобы отобразить эти перемены, но и затем, чтобы поразмыслить над новыми проблемами, которых нисколько не убавилось.

Так вот — о книгах. Несмотря на остроту и важность многих и многих проблем, книг о современной деревне, на мой взгляд, маловато. Нет у нас теперешних, сегодняшних «Районных будней», «Липягов», «Капли росы», коими зачитывались мы еще совсем недавно.

Настоящий художник не может позволить себе попросту писывать просто так, ради одного удовольствия, тем паче без всякой связи с жизнью, пренебрегая ее течением. Он живет и борется в литературе не ради самой литературы, а — через ее посредство — ради утверждения жизни и справедливости.

Особенностью русской литературы, поставившей ее в ряды крупнейших литератур мира, как раз и является то, что она в самом своем начале не была развлекательной словесностью. Сама думающая, выстраданная, она заставляла думать и свой народ, являясь его нравственным и эстетическим зеркалом. Никакой другой литературе в мире так не верил никакой народ, как верил своей литературе народ русский. Так уж исторически сложились роль и значение художественного слова в народных чаяниях и надеждах! От «Слова о полку Игореве» до «Войны и мира» русская литература пронесла через века священный образ Родины и думы о ее судьбе.

Советская литература полностью переняла эту высокую миссию от своей классической предшественницы. Взятая на вооружение Коммунистической партией как средство воспитания народа, она с неослабным вниманием вглядывается в жизнь, познавая простого человека труда, его нравственные и духовные глубины. Можно с гордостью сказать, что мы сегодня оставляем потомкам такую литературу, по которой, как по самым достоверным источникам, можно изучать и нашу историю, и экономику, и этнографию, и духовную культуру. Гражданская заинтересованность нашей литературы в делах страны такова, что, честное слово, по многим лучшим ее проблемным произведениям можно смело принимать государственные решения.

Недавно в «Комсомольской правде» лауреат Ленинской премии журналист Василий Песков писал:

«Агроном и писатель Гавриил Николаевич Троепольский публично предупреждал: «Осушение земель в нашем крае пониженной влажности — большая ошибка. Надо остановиться!» Не послушались. Продолжали искать «резервные гектары» для пашни там, где искать их не следовало».

Василий Песков из-за недостатка места не сказал, но я знаю, как этот мужественный писатель — Гавриил Троепольский один сражался против неразумной кампанейщины на протяжении ряда лет и какие синяки и шишки получил он в этой неравной схватке. Но не отступился.

А в общем, дорогие товарищи, во многих наших достижениях на сельскохозяйственных рубежах есть немалая писательская лепта — тех самых озабоченных буднями нашей деревни писателей, которые не глядели ни на какие синяки и шишки ради главного — блага нашего народа, благополучия нашего государства.

В специальном постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» исчерпывающе разъяснено, какой должна быть наша критика. Я лишь в заключение скажу следующее: писатель — это огромная всенародная ценность. Я позволю себе сравнить его с пахотным полем, которое в хороших, умелых руках, при бережном его возделывании будет долго и плодотворно давать устойчивые урожаи.

Николай ГРИБАЧЕВ

(МОСКВА)

Сказано однажды — каждое новое время приобретает и новые глаза. Мы живем в действительно новом, принципиально новом времени и обществе, в пору развитого социализма, который находится на такой высокой волне созидания, что она оказывает мощное воздействие на все течения, на все приливы и отливы в океане международной жизни.

Мне нет необходимости перечислять успехи нашей литературы. Хочу лишь подчеркнуть два фактора, значение которых очень важно. Во-первых, это нарастающий приход в литературу молодых талантливых писателей, с чувством долга, чуждых погоне за эфемерными успехами новомодности.

Лучшие из них в меру своего жизненного опыта и таланта приносят то новое зрение, о котором говорилось выше. Таких людей надо вовремя замечать, поддерживать.

Во-вторых, отрадным и многообещающим видится мне совершенствование изобразительных средств — того, что называется «живописью словом». При этом я имею в виду не формотворчество, которое бывало и любопытно, и в некоторых отношениях полезно, но без существенного содержания никогда не давало крупномасштабных результатов, а ту культуру литературного письма, которая позволяет мысли, чувству, характеру, событию воплотиться в гармоническое произведение, входящее на долгое время, в счастливых случаях и на века, в духовную сокровищницу народа.

Таковы вкратце позитивные стороны развития нашей литературы. Можно порадоваться — есть и реальный продукт и, как говорится, задел на будущее.

Но накопились и проблемы, о которые мы спотыкаемся, — лежат на дороге, всем видны, а убрать — руки не доходят.

Наша критика потеряла проблему русского эпоса. В нашей поэзии нет ни одного великого и большого поэта, который бы не отдал должное эпосу в форме романа, поэмы или сюжетных стихов, — от Пушкина, Лермонтова, Некрасова до Блока, Маяковского, Твардовского. Почему? Потому, что лирика воссоздает внутренний мир человека, чувствования и размышления, а эпос с его драматизмом создает характеры, судьбы, события, картину народной жизни. Поэзия без эпоса — все равно что проза без романа, но где он, сегодняшний эпос? В последнее время из того, что заметно, появилось два отрывка из поэмы Егора Исаева, гибких по пластике слова, живописных, достоверных по фактуре. Критика должна была бы ухватиться за них, чтобы рассмотреть проблему в целом, но — «и было молчанье ответом ему».

Год за годом утверждаем мы необходимость создания крупных произведений о современном рабочем классе. И по его политической роли, его вкладу в создание материальных ценностей и технический прогресс он заслуживает этого. С целью поправить дело провели мы немало совещаний, приняли решений и резолюций. Создано несколько интересных книг, но таких ярких, всенародно признанных, как «Цемент» Гладкова, даже более поздних, как «Журбины» Кочетова, а тем более таких монументальных эпопей, как на темы революции, коллективизации, войны — нет.

Примерно так же обстоит дело с жизнью современного села — не много здесь, если исключить липатовского Аникина, алексеевскую «Ивушку»... и некоторых других, создано ярких типов, не много вскрыто новых событийных, бытовых, психологических пластов.

В чем же дело — нет талантов? Нет желания?

Дело не в талантах — их у нас много во всех поколениях — и не в желании. Дело в том, что у нас в стране и в мире происходит стремительные перемены, и писатель оказывается в положении художника, которому приходится писать пейзаж из окна экспресса. У нас в стране исчезли антагонистические конфликты и утратили крайнюю остроту социальные, ушли в групповые, профессиональные, бытовые, исчезло от века тяготевшее над людьми проклятье — голод, неграмотность, нечеловечески тяжелый труд. Изменился рабочий класс — теперь это люди с восьмилетним и выше образованием. То же происходит на селе — растет уровень образования, в ориентации на городской перестраивается быт, повсеместно проникло телевидение, а значит, происходит приобщение к мировым новостям и высшим образцам культуры.

Радикальные же изменения бытия ведут к изменениям в психологии, мировосприятии, в сфере нравственности и морали, изменяют природу конфликта и формы его проявления. А конфликт в художественном произведении — это заводная пружина сюжета, кульминация в схватке идей, прожектор для высвечивания человеческого характера. Новый строительный материал рождает новые конструкции зданий, планировку и отделку. Так не пора ли критикам подумать, поглубже изучить новый жизненный материал, перед которым стоит наша социалистическая литература, всерьез осмыслить то, что испытывает она при его художественном освоении?

Мы находимся в преддверии XXV съезда партии, с которого начнется новый этап народной жизни.

Давайте и мы, литераторы, подниматься решительнее на следующую ступень с девизом: меньше общих фраз — больше хороших книг! Суть нашей профессии, смысл нашей организации, наш труд, наша честь и наше достоинство — все сводится к одному: больше хороших книг, в первую очередь на современные темы!

Юрий БАРАБАШ

(МОСКВА)

С высоты кремлевского холма, из этого зала, если воспользоваться словами Гоголя, «видимо далеко во все концы света». Это обязывает нас ко многому. Это обязывает нас прежде всего соотносить сделанное нами с тем, чем живут наша партия, страна, народ. Более того — все человечество.

Лучшие черты передовой русской литературы — ее верность реализму, ее гражданственность, неистовый нравственный максимализм, ее глубокая народность, патриотизм и вместе с тем общечеловеческий характер — обрели свое новое развитие в XX веке, когда возмужавшая в огне социалистической революции, подлинно «могучая и юная» Россия, как говорил А. Блок, вышла в авангард мировой истории. Обновление мира и человека на началах социализма составило главное содержание, главный пафос литературы Советской России — литературы Горького и Шолохова, Маяковского и Есенина, Фадеева и Николая Островского, Леонова и Алексея Толстого, Федина и Твардовского.

В какой же мере традиции русской классической и советской литературы находят свое воплощение и развитие в русской советской литературе последних лет? Что дает нам право говорить о значении опыта русской литературы на нынешнем ее этапе для всего мирового литературного процесса?

В лучших образцах сегодняшней русской прозы мы обнаруживаем такие черты, которые не только свидетельствуют о развитии и обогащении великих реалистических традиций отечественной литературы, но и позволяют говорить об интенсивном накоплении, кристаллизации новых идейно-эстетических качеств, органически связанных с современным этапом коммунистического строительства. Именно в этом я усматриваю своеобразие нынешнего периода развития нашей литературы.

Все мы, кажется, единодушны в том, что для литературы последних лет характерно повышенное внимание к проблемам коммунистической нравственности. Однако где же источник той мощной вспышки всепроникающего нравственного «излучения», которая высветила в русской прозе такие имена, как, скажем, В. Шукшин или Е. Носов? Думается, ответ может быть один: этот источник — в реальных достижениях зрелого социализма, который с небывалой прежде актуальностью ставит проблему всестороннего развития личности и вместе с тем создает новые возможности для решения этой проблемы.

Ничуть не в меньшей степени это относится к той тенденции в русской советской прозе конца 60 — начала 70-х годов, в которой выявилась тяга художников к широкому эпическому охвату нашей истории.

В чем принципиальное значение таких произведений, как «Пряслины» Ф. Абрамова, «Отец и сын» и «Сибирь» Г. Маркова, «Соленая Падь» и «Комиссия» С. Залыгина, «Вечный зов» А. Иванова, «В полдень на солнечной стороне» В. Кожевникова, «Ивушка неплакучая» М. Алексеева, «Судьба» П. Проскурина, «Память земли» В. Фоменко?

В чем притягательность таких разных, но в главном, глубинном близких между собой книг о Великой Отечественной войне, как «Горячий снег» и «Берег» Ю. Бондарева, трилогия К. Симонова, «Блокада» А. Чаковского, «Война» И. Стаднюка, «Пастух и пастушка» В. Астафьева, «В августе сорок четвертого...» В. Богомолова?

Я думаю, дело заключается прежде всего в том, что такие произведения ответили общенародной потребности осмыслить свою трудную, но прекрасную, героическую историю, что они отразили зрелость общественного самосознания, нашу неискоренимую убежденность в том, что, как говорится в доброй старой песне, «никто пути пройденного у нас не отберет».

Правдиво, порой обнаженно правдиво воссоздавая самые острые, трагические конфликты эпохи, такие произведения в то же время с новой глубиной раскрывают неодолимость движения человечества к социализму, огромную созидательную, творческую сущность нашей революции.

Осознание этого факта, кстати, не раскрытого и не осмысленного пока по-настоящему критикой, не должно, конечно, снижать уровня нашей самокритичности.

Не секрет, что и в творческой, и особенно в читательской среде живет чувство недовольства чрезмерным обилием посредственных, слабых сочинений. Приходится признать, что мы с вами — и критики, теоретики, и, так сказать, практики литературного дела — далеко не все пока сделали для решения тех задач, которые поставлены перед литературно-художественной критикой XXIV съездом партии, известным постановлением ЦК КПСС. И по сей день в критике еще слишком много отзывов непринципиальных, уклончивых, а то и откровенно комплиментарных. И по сей день не вышло из моды этакое предупредительно-цирюльничье «не беспокоит?», особенно если рецензируемый — твой друг-приятель или же не последняя спица в литературной колеснице...

Однако было бы неправильно, если бы подобные факты заслонили для нас реальные достижения нашей литературы, помешали бы разглядеть и должным образом оценить то новое, свежее, талантливое, что вошло в нее.

Общая направленность литературного процесса сегодня такова, что мы вправе с чувством законной гордости сказать: русская советская литература, как и вся многонациональная литература социалистического реализма, ищет и находит ответ на самые коренные, поистине общечеловеческие философско-социальные вопросы современного бытия.

● ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 4-Й СТР.

Выступления публикуются с некоторыми сокращениями.

● ОКОНЧАНИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ Ю. БАРАВАША

В лучших произведениях писателей Советской России утверждение и дальнейшее развитие основополагающих принципов ленинской партийности, идейности литературы, углубление ее связей с народной жизнью неотрывно от многообразия форм и стилей, совершенствования психологического анализа, обогащения ее художественной, в частности, языковой палитры. Мы имеем все основания отметить интенсивное и плодотворное развитие языка современной русской литературы, усиление в нем живительной народно-разговорной струи, яркое выявление национального и личностного своеобразия.

Речь идет о совершенствовании и обогащении языка, который все в большей и большей мере утверждается во всех уголках земли как язык межнационального, международного общения, как язык первой страны социализма, язык народа, давшего миру Ленина.

Таков истинный масштаб дела, которому мы призваны служить со всей ответственностью и которое стало у нас, как и предвидел Ленин, неотъемлемой частью дела общепартийного, общенародного. Этим, и только этим, масштабом, размахом свершений и планов народа, величием идеалов Коммунистической партии мы должны мерить свою работу. На меньшее история нам права не дала!

Александр РЕКЕМЧУК

(МОСКВА)

Наша первостепенная задача — изобразить, запечатлеть в ярких и нетленных художественных полотнах кипучий, трудовой, праздничный лик современности, образ нашего современника — строителя коммунизма, творца, мыслителя. Создать портрет рабочего человека наших дней — представителя ведущего класса общества. Пора осознать, что наступило время изображения жизненных явлений нашей советской действительности в их реальном новом качестве. Ведь не секрет, что мы еще порой находимся в плену устаревших сюжетных схем, в плену столь наивных представлений о нынешнем дне, которые извинительны разве что для почтенной телевизионной дамы Маврикиевны...

Нужно сказать, что именно в девятой пятилетке наши творческие организации — союзы писателей СССР, Российской Федерации и других республик — проделали очень большую и полезную работу, которая, несомненно, принесет желанные плоды. Речь идет о близких и дальних маршрутах, об индивидуальных и групповых писательских поездках, о Днях советской литературы, которые охватили почти всю страну, ее ударные стройки, ее новейшие предприятия.

Во всей этой работе самое активное участие приняли московские литераторы. Все они возвратились, обогащенные яркими, незабываемыми впечатлениями, творчески взволнованные, полные конкретных новых замыслов.

Вполне естественно, что в поле зрения московских писателей — вся страна. Но есть у нас и особое пристрастие — город, где мы живем и работаем, родная Москва, перед которой партия поставила высокую и ответственную задачу: стать образцовым коммунистическим городом.

Развиваются наши скрепленные договорами творческие связи с крупнейшими трудовыми коллективами столицы.

Важную роль в разработке современной темы призвана сыграть литературная критика. Сейчас уже ясно, каким благотворным и долговременным фактором нашего литературного роста стало постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Сделано немало, и успехи очевидны. Однако, скажем прямо, кое-что вызывает досаду. Порой, когда отправляются в поездки наши писательские бригады, происходит такой примерно телефонный разговор с будущими гостеприимными хозяевами: «Едут к вам, дорогие друзья, прозаик, поэт, драматург и критик». «Прозаик? — переспрашивают. — Это хорошо, книги у нас читают... Поэт? Тоже хорошо — стихи у нас любят... Драматург? Ладно... А вот критик... Ну, зачем нам критик? Еще, чего доброго, раскритикует тут — хлопот не оберешься!..» Ну, так и хочется иногда сказать в ответ: «Не беспокойтесь, дорогие товарищи! Критик — это человек высокоучеными, что невредный... Недостатков он, как правило, вообще не замечает, а достоинства порой обнаруживает даже там, где их нет и в помине...» Это, увы, не анекдот. Нам всем еще предстоит приложить немало усилий, чтобы критика была критикой — взыскательной, принципиальной, научной, умной.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

(МОСКВА)

Совсем недавно ко мне пришел один наш корреспондент, связанный с радиовещанием на заграницу. Попросил выступить. Назвал тему выступления.

— Опять о свободе творчества? — переспросил я его почти машинально. — А кому это нужно? Для нас, советских писателей, это не предмет спора. Жизнь давно доказала, что искусства «над схваткой» попросту не существует, что это сказочка, придуманная для легковерных...

И все-таки время от времени объясняться надо, особенно теперь, когда наши культурные связи с зарубежными странами, в том числе и капиталистическими, значительно расширились. Надо объясняться хотя бы потому, что поколения людей, как волны, сменяя друг друга, катятся по старой нашей планете и, подобно ручьям, устремляются к большим рекам, а в конечном счете — к морю, доискиваются истины. Где она, эта истина? Нет на свете человека, который не говорил бы и не думал бы, например, о свободе как таковой. Что же она такое, свобода? Как ее понимать? И существует ли она как некий абсолют?

Люди нередко говорят при тех или иных обстоятельствах: «Сделал бы так, да совесть не велит». Когда хотят похвалить человека, о нем скажут — «совестливый». И к этому единственному слову не надо ничего прибавлять, ясно и без прибавлений, что речь идет о хорошем человеке.

Но хороший человек, как известно, имеет свои убеждения, он исповедует и не может не исповедовать какие-то идеи. Вот почему я громко возглашаю: я — человек, и я не свободен. Я не свободен от законов человеческого общежития, не свободен от множества полезных правил, которые на протяжении тысячелетий выработали люди для упорядочения своих дел в совместной жизни на одной и той же планете. Я не свободен от своей совести. Я не свободен от своих убеждений, наконец! Последней «несвободой» я особенно горжусь, ибо она обретается ценою борьбы и в пору духовного возмужания. Я коммунист и, стало быть, не свободен от своих, самим мною избранных и завоеванных в рядах моей партии коммунистических воззрений.

Но эти мои воззрения и убеждения меня как литератора не сковывают, не обременяют, а, напротив, дают мне безграничную свободу в выборе художественных средств для защиты и, если хотите, воспевания того дела, во имя которого пролито так много крови человеком труда, волею, радостями и страданиями коего я живу и работаю.

Да, отдавшие жизнь за Советскую Родину, за коммунизм, никогда не простили бы нам, если бы мы равнодушно взирали на то, как люди, которым не дороги наши идеалы, яростно атакуют святая святых советской литературы — ее идейные позиции, ее партийность и народность, ее революционную сущность, самую основу ее существования — быть первым и до конца верным помощником партии.

Сказать об этом в канун исторического события — XXV съезда КПСС — я счел для себя непременным долгом.

«Слово — серебро, а молчание — золото», — говорится в известной пословице. Мудрая, как и все, что родится вековым опытом людей, пословица эта все же применима к литератору разве что в ограниченной степени. Для него слово — основа основ. И если из-под пера нашего оно не всегда выходит золотой крупинкой, то не слово винить надобно, а себя: плохо старался.

Признаться, горько бывает, когда видишь: известный писатель, обретший громкое имя своими романами, повестями, стихами или пьесами, где он предстает перед нами как яркая индивидуальность, как художник, утрачивает эти ценные качества, выступая с публицистикой на страницах наших газет. Глазам своим не веришь: он ли сотворил это безликое и бесполое, без единой кровинки в жилах детище, кое-как сконструированное из пресных, измызганных слов.

Слово писательское в нашей стране ценится на вес золота, это все знают. Важно лишь, чтобы все мы чувствовали великую меру ответственности за каждое слово, которое выносим на народ.

Гариф АХУНОВ

(ТАТАРСКАЯ АССР)

В 1934 году на I Всесоюзном съезде советских писателей А. М. Горький приводил письмо одного татарского литератора о том, что книги из национальных республик печатаются на русском языке чрезвычайно малым тиражом, и они разбираются любителями экзотики, до массового читателя не доходят.

С той поры прошло более 40 лет, и положение коренным образом изменилось. Приведу лишь несколько цифр: за годы Советской власти на русском языке увидели свет 555 книг татарских писателей. Тираж их более 18 миллионов. Сюда нужно прибавить татарские книги, переведенные через русский язык на языки народов СССР и народов Европы. Общий тираж получается не менее 30 миллионов. Немалая цифра, не правда ли? Тот литератор, который писал А. М. Горькому, мог бы радоваться. Да не только он один, все мы, советские писатели.

Это небывалое явление, характерное только для нашего, социалистического государства, — рождение и быстрое развитие молодых, прежде мало распространенных литератур.

В наши дни, когда сложилась историческая общность — советский народ, когда реально существует такое понятие, как единая советская литература, которая объединяет литературы народов нашей страны, когда все советские литературы получили сильное развитие, проблема художественного перевода становится проблемой первостепенной государственной важности.

Я говорю это потому, что сегодня только количество не может быть мерилом, оценкой исполненной работы. Главное — на каком уровне переводчик сумел передать все достоинство переведенного им произведения.

Можно ли готовить переводчиков - профессионалов? Можно. Двадцать лет тому назад при Литературном институте обучались десять татарских юношей и девушек. Среди них были одаренные люди. Где они? Нет их. В чем дело? Их надо было нагрузить работой, однако ни центральные издательства, ни Таткнигоиздат не сумели их заинтересовать, и они разбрелись, переквалифицировались. Вскоре окончат Литинститут еще 10 студентов по художественному переводу, и если мы опять не хотим их растерять, то должны серьезно подумать об их дальнейшей судьбе.

Совет по художественному переводу должен иметь крепкие связи со всеми местными и центральными издательствами, всячески поддерживать то новое, что у них появляется. Все мы знаем, что издательство «Современник» за короткий срок сумело сплотить вокруг себя талантливых писателей-переводчиков по прозе и поэзии. Факт, достойный внимания! «Советская Россия» все время ищет и находит в республиках прозаиков-документалистов, пишущих на русском и родном языках. Нужно, по-моему, обратить внимание на то обстоятельство, что в издательствах обычно рецензируют не готовый перевод, а подстрочник. А надо бы рецензировать и готовый перевод и для этого посылать рукописи на рассмотрение творческих секций переводчиков в республиках.

Мне хочется внести предложение по изменению структуры Совета по художественному переводу.

Ныне существующий совет занимается не только художественными переводами, но и литературами РСФСР. Нельзя ли поставить перед ним задачу заняться только проблемами художественного перевода?

Пользуясь случаем, мне хочется внести предложение о поощрении талантливых литераторов, много и плодотворно работающих в области художественного перевода. В самом деле, почему бы не присуждать государственные, республиканские премии и переводчикам книг-лауреатов?

Юрий БОНДАРЕВ

(МОСКВА)

Вряд ли кто-нибудь из нас рискнул бы определить современную литературу как морализаторскую притчу или как очерковый комментарий к событиям сегодняшнего дня, выдаваемый за философское осмысление жизни. Нет, цель современного искусства — разумная организация сознания, внесение в мироустройство нравственного порядка, социальной концепции природы и человека.

Едва ли на европейском, американском и азиатском континентах можно найти абсолют обособленного, очищенного национального искусства. Человечество объединено единым земным шаром, в двадцатом столетии он стал удивительно тесен, чрезвычайно уменьшен невероятными скоростями и устройствами новой науки.

Современные буржуазные социологи объясняют новые эрзац-чувства стальной поступью «индустриального общества», называя преступником века научно-технический прогресс, который раздавил человека машинами и вещами, опошлив и подменив его мысли либо хватательным инстинктом, либо рефлексом на физиологические удовольствия.

И в западной литературе возникают апокалипсические параболы, идеи тотальной судьбы, тусклый контур грядущего дня человечества на отравленной, выжженной и обезвоженной планете и вырастают границы между «я» и «не-я», бесповоротного отчуждения человека от человека...

Мы живем в годы бурной экономики, и нас почти не удивляет, что в среднем каждые сутки советская индустрия вводит в эксплуатацию одно крупное промышленное предприятие или хозяйственный объект. И мы верим в разумность законов нашего производства. И тут возникают проблемы социальные, и опять мы обращаемся к сфере нравственной, связанной с воздействием на человека, чем занимается идеология и составная часть ее — искусство, отражая общественное бытие и общественные отношения. Мы отдаем себе отчет в том, что бережное отношение к природе — это важный пункт программы строительства коммунизма.

Да, для того чтобы продолжать любить человека, современному художнику нужны нравственные точки опоры.

Когда мы говорим о научно-технической революции развитого социалистического общества, о высокомеханизированной цивилизации XX века, мы, конечно же, думаем о науке как об импульсе прогресса, как о рычаге, поворачивающем индивида не к миру вещей, поглощающих его, а к духовному богатству для всех.

В русской советской литературе нет всемирного пессимизма, нет отчаяния, черного юмора, балаганного святотатства, параноического абсурдизма, ибо искусство наше подчинено этическому императиву, где герой, как правило, делает выбор — самоопределение не ради эгоцентрического «я», а во имя построения прекрасного здания, на фронтоне которого будут начертаны золотые слова: «Человек человеку — друг, товарищ и брат».

Нет, наш герой не имеет ничего общего с любвеобильным мессией, с добреньким чудаком, своей гибелью искупившим грехи людские, и его не распнут, смиренного, потому что он борющаяся натура, хотя и способен на самое решительное самоотречение.

Мы изображаем глаголом категорию исторического времени, исполненного борьбы двух противоположных начал — света и тьмы, — и твердо верим в окупленную кровью и потом историческую судьбу нашего народа. Мы должны согласиться и с тем, что грядущий день мудрее сегодняшнего — и в этом диалектическое развитие жизни и социалистической литературы, которая не ставит под сомнение идею человека, не распинает его нравственность, не растлевает его безверием, а утверждает идеалы разума, правды и духовного здоровья.

Нравится это или не нравится, но завтрашний век, что уже не за семью печатями, признает и укрепит нашу литературу как «доктрину добра», — она пыталась сказать о революционной эпохе на земле, о человеке этой эпохи, сказать не нечто, не «что-то», а сказать все. В поисках истины мы не были пленниками идеалистического иррационализма и не стали аморальными реалистами, не разочаровывались в человеке и не были приверженцами асоциальных направлений, и наша биография — это биография событий и мыслей народа, под руководством партии прошедшего путь самосознания.

Петр ЛЕБЕДЕНКО

(РОСТОВ-на-ДОНУ)

Весна в этом году была отмечена знаменательным событием: в мае, как вы знаете, страна праздновала юбилей одного из самых выдающихся писателей современности — М. А. Шолохова. Понимая, что это событие является торжеством не только советской литературы, но и всей прогрессивной литературы мира, мы как земляки Шолохова чувствовали свою особую ответственность за проведение этого торжества. Литературный фестиваль, посвященный жизни и деятельности Михаила Александровича, который мы провели с участием видных писателей других областей и республик, стал поистине всенародным праздником и оставил глубокий след в сердцах людей.

Время, прошедшее после III съезда писателей России, было для литераторов Дона весьма плодотворным.

Главную свою заботу мы видели в том, чтобы направить усилия писателей на разработку тем современности, на создание таких произведений, которые отразили бы все величие свершений нашего народа, раскрыли бы богатый внутренний мир человека-труженика, его жизнь, наполненную глубоким содержанием, его кровную связь с Коммунистической партией. Повторяю, в этой работе, на наш взгляд, мы добились немалого, но отнюдь не второстепенной задачей является для нас укрепление творческих связей с трудовыми коллективами. Мы постоянно ищем новые формы этих связей.

Тема современности — самая благодарная, но в то же время самая трудная и сложная тема. Проникновение в духовный мир современника — весьма нелегкая задача. Чтобы вылепить живой образ человека труда, надо хорошо его знать, надо почувствовать движение его души.

Научно-техническая революция оказывает необоримое влияние на развитие личности. Показать это, показать небывалый духовный рост рабочего человека, его кровную заинтересованность в развитии научно-технической революции — в этом, мне кажется, заключается сейчас то главное, над чем мы должны работать.

Что касается писателей Дона, то можно смело сказать: они внесут свой посильный вклад в наше общее дело.

Большую работу у нас на Дону проводит журнал «Дон», который все чаще и чаще публикует произведения на современную тему, произведения о людях, чьими руками создаются непреходящие ценности.

Хочется сказать много доброго об издательстве «Современник» и стиле его работы. Работники «Современника» не сидят в ожидании нужных им произведений, а сами ищут такие произведения, ищут беспрестанно, не стесняясь почаще наведываться в областные и краевые писательские организации и многое решать на месте.

Отрадно отметить, что наши еженедельники «Литературная газета» и «Литературная Россия» стали оказывать значительно больше внимания периферийным писательским организациям, чем это было прежде.

Юрий КУЗНЕЦОВ

(МОСКВА)

Существует довольно распространенное мнение, что в поэзии сейчас установилось подозрительное затишье или даже что поэзия находится в упадке. Я решительно считаю такое мнение глубоко ошибочным. Тот факт, что поэтические вечера больше не собирают тысячных толп, есть прямое указание на упадок так называемой стихотворной эстрады, а не собственно поэзии. Эти вещи нельзя смешивать. Пора эстрадной шумихи прошла. Слава старых поэтов, потесненных было эстрадой, упрочилась. Непреходящие ценности заблестели ярче. Идет накопление поэтического потенциала. Время как нельзя более благодатно для возникновения качественно новых талантов. Но странное дело — место расчищено, а что-то задерживает их приход. Что же? Я предлагаю свое объяснение, конечно, не претендуя на бесспорность и полноту.

Мне лично кажется, что вот уже лет двадцать в поэзии царит быт. Поэты вообще напоминают людей, находящихся на льду бездонного озера. Однако мало кто из сегодняшней поэтической молодежи подозревает о глубине озера, его мощных подводных течениях, скрытых тонким ледяным покровом. А ведь назначение поэта в том и состоит, чтобы за поверхностным слоем быта узреть само бытие.

Еще поэты военного поколения донесли до нас быт войны. Война как бытие до сих пор освоена мало. Однако верное направление по прорыву из быта в бытие уже было указано автором «Я убит подо Ржевом», а из более молодых — автором «Его зарыли в шар земной...».

Но постепенно в поэзии нарос некий духовный быт с березами и полями, с домами на слом и автоматами для газированной воды, дачами и самосвалами, с шашлыками и горами...

Да не подумает кто-нибудь, что я вообще против быта. Быт связан с конкретностью, а это необходимо поэзии. Иначе она провиснет в туманных волокнах абстрактной риторики.

В каждой отдельной конкретности таятся залежи глубинного смысла. Их только нужно открыть, а не топтаться на поверхности, что совершенно бессмысленно с точки зрения общего развития поэзии. Поэтому быт можно понять только как переходное состояние. Но в переходном состоянии нельзя задерживаться. Крыльцо к дому хорошо как крыльцо, но живут не на крыльце, а в доме. Сознание такого положения так или иначе овладевает многими поэтами. И мне кажется, что в современной поэзии уже произошли и происходят решительные сдвиги.

Так, несомненная попытка прорыва к большому бытию была у Николая Рубцова. Его лучшие стихи свидетельствуют об этом.

В последние годы в поэзии произошло еще одно удивительное событие. По мере того, как рассеивался эстрадный туман, взору открывалась самобытная фигура. Я говорю о поэте Николае Тряпкине. Критика отмечала его чистый и напевный голос, светлое узорочье словаря, особую, лебединую стать, но подозревала в нем некую закругленность диапазона. Так ли это?

Нам сегодня над степью донецкой
Снова свист-пересвист молодецкий,
Голосят трубачи по излогам,
Завивается пыль по дорогам,
А по ним, да во мгле полуденной, —
То ли старый Богун,
то ль Буденный,
То ли вниз — с холма непростого
Замаячил дозор Годунова...
Только стяги, да ветер,
да слава —
Красногривая стелется лава...
И дымятся холмы насыпные,
Копяные, крутые — степные
И стоят,
как былинные шлемы,
У истоков грядущей Поэмы.

Этакой удали тесны рамки деревенской поэзии, как ее принято понимать. Она ломает их, играючи. От Годунова до эскадронов Буденного, от былины до грядущей поэмы — есть где разгуляться. Мир распахнут в оба конца. Конечно, такой свободы не купишь ценой быта. Тут плата дороже.

Вот свидетельство больших потенциальных возможностей современной поэзии.

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ

(ЧУВАШСКАЯ АССР)

Чувашские писатели, готовясь к всероссийскому съезду, подвели итоги своей работы. Наша литература в последние десятилетия значительно окрепла. Книги наших писателей все чаще выходят на всесоюзную арену. Так, за период между съездами 29 произведений чувашских авторов переведены на русский язык и изданы в Москве.

Хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, которые волнуют наших писателей. Как-то нынешней осенью Яков Ухсай, который прекрасно знает жизнь и психологию крестьянина,

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ

Владимир ПИМЕНОВ, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. М. ТЯЖЕЛЬНИКОВ и Анатолий СОФРОНОВ

Афанасий САЛЫНСКИЙ и Сергей ЗАЛЫГИН

Даниил ГРАНИН, Михаил ДУДИН и Федор АБРАМОВ

Юрий ЕВТУШЕНКО и Анна БАРТО

побывал в некоторых колхозах республики. После возвращения из поездки он нам сказал: «Трудно вам, прозаикам. Чтобы знать современную жизнь сельчан, вам надо быть и агрономами, и инженерами, и зоотехниками».

Что верно, то верно. Писать о современности очень трудно. Нужны большие знания, но не менее важна и твоя позиция: насколько активно живешь ты интересами общества.

Я поддерживаю выступление Евгения Носова с позиции писателя-«деревенщика», который не только активно вторгается в жизнь, но и отстаивает правильную позицию. Только так рождается настоящая литература.

Между тем появляется еще немало серых книг. Это происходит и от нетребовательности к себе, и от того, что о повышении мастерства мы говорим только на съездах и очень мало дискутируем по этим вопросам в повседневной жизни. Наша критическая мысль хотя за последние годы и выросла, но еще находится не на должном уровне. Порой и в издательствах нет должной требовательности.

В чувашской литературе, да, видимо, и в других стали модными крупногабаритные произведения: романы в нескольких книгах, пухлые повести. Бытует даже такое мнение: если автор не пишет романы, то он не писатель, а если не сочинил поэму — не поэт. Как-то незаметно уходит из литературы рассказ. Все мы хорошо помним чеховское выражение: «краткость — сестра таланта». Да, говорят наши писатели, краткость — сестра таланта, но теща гонорара. Может, поэтому посредственность больше заметна в безликих повестях. Материала только на рассказ, но писатель развернул его в повесть. Нельзя сказать, что сейчас не печатаются рассказы. Они появляются и в периодике, и в сборниках. Но критика их обходит, считает ниже своего достоинства отрецензировать хороший рассказ. Я давно уже не помню, чтобы какой-нибудь хороший новеллист получал премию или поощрялся как-то иначе. А жаль. Мы снижаем значение очень популярного и боевого жанра.

Хотелось бы сказать еще вот о чем. В Москве выходит один-единственный журнал «Дружба народов», который постоянно печатает авторов из республик. При всем желании его редколлегия не в состоянии знакомить читателя со всеми лучшими произведениями, создаваемыми в национальных республиках и областях России. Нам, россиянам, тоже хочется в Москве иметь свой журнал, орган Союза писателей РСФСР. Давайте его назовем «Россия», ибо это великое имя для нас дорого и близко.

Анатолий ЧЕПУРОВ

(ЛЕНИНГРАД)

С чувством причастности к огромным достижениям нашей великой Родины живут и трудятся ленинградцы.

Мы почитаем своей обязанностью свято беречь литературные традиции нашего города и в меру своих сил умножать их. По-прежнему в душе не перестает звучать удивительный поэтический голос Александра Прокофьева. С великой скорбью совсем недавно проводили мы в последний путь Ольгу Берггольц, но поэзия ее останется навсегда с нами как песнь мужеству города, выстоявшего девятьсот дней героической блокады.

Время после XXIV съезда КПСС стало временем дальнейшего роста творческой активности Ленинградской писательской организации.

Среди наших достижений самое значительное — трилогия Федора Абрамова «Пряслины», получившая Государственную премию СССР. Опыт Абрамова доказывает, что успех приходит к писателю только тогда, когда он живет одной жизнью с народом и черпает мысли и богатство художественного слова из народной гущи.

Высокое доверие народа своей плодотворной творческой и общественной работой заслужил Михаил Дудин — он избран депутатом Верховного Совета РСФСР.

Живой интерес вызвали новые произведения Даниила Гранина «Однофамилец» и «Выбор цели», киноповесть, написанная в соавторстве с И. Таланкиным.

В строю большого отряда ленинградских писателей по-прежнему с пером в руках служат делу советской литературы славные наши ветераны Леонтий Раковский, Лев Успенский, Павел Журба, Вера Кетлинская, Николай Григорьев.

Интерес к современной теме в литературе и искусстве закономерен. Современность — непременное условие развития литературы и искусства. Служение ей всегда было и остается поистине нелегким делом.

Мы очень дорожим своими связями с рабочими и тружениками села, постоянно укрепляя контакты с Невским машиностроительным заводом имени Ленина, с горняками комбината «Апатит» в Хибинах, с нефтяниками Севера, коллективом совхоза «Алеховщина» Лодейнопольского района Ленинградской области.

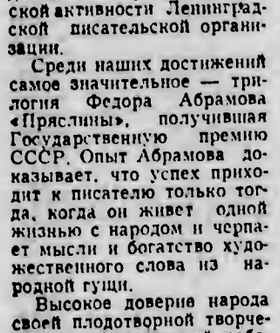
Серьезнейшим моментом для нашей организации, как и для всего Союза писателей Российской Федерации, является вопрос притока молодых литературных кадров. Проблема «омоложения» Союза писателей РСФСР — одна из сложнейших и первостепенных задач на ближайшее время. Однако простым набором в организацию людей помоложе дело решить нельзя. Наша писательская организация — это союз мастеров слова, и другим он стать не может. Следовательно, главным и единственным критерием вступления в Союз писателей была и будет идейно-художественная ценность произведений принимаемого литератора.

В большой семье советских творческих работников писатели занимают особое место. Они владеют наиболее доходчивым и всеобъемлющим художественным и идеологическим оружием — словом. Вот почему так велика ответственность каждого литератора за результаты его творческой деятельности.

Позвольте вас заверить, что вместе со всей художественной интеллигенцией страны ленинградские писатели отдадут все силы таланта делу народа, делу партии, делу коммунистического строительства, встретят XXV съезд КПСС новыми творческими достижениями.

Николай ШУНДИК

(САРАТОВ)

Подвижничество ради великой общечеловеческой цели, честь в любых ее проявлениях, святая любовь и святая ненависть, братство людей, отвращение к насилию, неприятие вседозволенности, ведущей к растлению человеческого в человеке, умение подняться в беспримерном пути первопроходцев над суетой сует и многое, многое другое...

Нас не могут не волновать эти вопросы. Они както особенно напомнили о себе, когда мы оценивали вклад, внесенный в мировую культуру такими гигантами художественного слова, как Шолохов и Есенин. Готовясь к их юбилеям, мы отчетливо ощутили ту огромную духовную единицу измерения, которой нынче выверяются масштабы общечеловеческих ценностей.

По существу, журнал «Волга» начинался в первом его, 1966 году с романа Дмитрия Зорина «Русская земля». На нем сшиблись мнения и устремления первых создателей этого журнала. Ох, как хотелось некоторым из нас утвердить на страницах журнала красоту нашего мира без его сложности! Наступила пора разбираться, кто прав, кто не прав, и нам помог добраться до истины обком партии.

На таком же уровне и с тем же исходом решалась судьба романа Григория Коновалова «Истоки», романов Николая Кочина «Нижегородский откос» и «Гремячая поляна», романа Владимира Корнилова «Семигорье». А это уже, как благотворная тенденция, само по себе помогло появлению на страницах «Волги» многих других произведений, которые, как и названные, сделали честь журналу.

Когда журнал «Волга» организовывался, мне приходилось по многим вопросам советоваться с партийными работниками, и я чувствовал высказанное с большим тактом, однако очень настойчивое: верим, что вы не будете пытаться завоевывать популярность журналу публикациями, рассчитанными на дешевую сенсацию; но в то же время будет очень печально, если вы пойдете по пути формальной правильности.

Одним словом, от нас ждали, чтобы журнал говорил о сложности и красоте нашего мира. Вот мое человеческое свидетельство тому положению, насколько лживы уверения буржуазных идеологов, что партийное внимание к нашим литературным делам не благо, а зло.

Конечно, с теми, кто нам пытается навязать свободу вседозволенности, спорить не так просто: у них есть свой арсенал демагогии, чудовищной софистики.

В этом плане я хотел бы порассуждать о Самсонове на романа Юрия Бондарева «Берег», а вернее — о самсоновщине. В горячих спорах, вызванных этим романом, порой судят о многих его положениях по-самсоновски, желая, быть может, тоже видеть красоту мира нашего без его сложности.

О таком человеке, как Самсонов, порой сочувственно говорят, имея в виду его прямолинейность, безапелляционность в суждениях: что ж, он сын своего сложного времени. Но писатель Бондарев доказал, что это если и правда, то в чем-то самом большом далеко не полная правда, во всяком случае, не та правда, по законам которой можно нравственно реабилитировать худшие качества Самсонова. Сын своего времени, если иметь в виду наше советское время, в конечном счете тот, чье сознание, мироощущение формируются духовной силой ленинизма, по законам яростной, антагонистической несовместимости с догматизмом, косностью, ограниченностью мышления. А если у того или иного человека сознание оказалось в немалой степени сформировано издержками нашего движения, если под влиянием этих издержек возникла болезнь косности, то это не только его беда, но и вина.

Сложность и красоту нашего мира может выразить художник, пишущий не желчью, а, как говорят, отворенной кровью, иначе говоря, художник с истинным талантом, высокой гражданской честью.

Гавриил ТРОЕПОЛЬСКИЙ

(ВОРОНЕЖ)

Чем выше становится социалистическое общество материально, тем больше мы должны думать о духовной пище, следовательно, тем большая ответственность ложится на писателя. Так что не только об успехах в литературе следует говорить, ибо писатель всегда в поиске, если, конечно, он живет как созидатель, а не как созерцатель жизни.

На мой взгляд, перед нами встает особо важная проблема — проблема личности в социалистическом обществе. Это проблема совершенствования самого человека. Заглавной линией литературы видится мне прежде всего воспитание чувств. Доброта, доверие, преданность, верность долгу, верность дружбе; умение чувствовать природу в ее величественной простоте; умение понять страдания другого и сопереживать горю другого — вот чувства, отличающие высокий интеллект.

Развитие интеллекта — наиважнейшая из задач семьи, школы и особенно литературы. Эта задача глубоко народная. И партийная, потому что по пути к коммунизму совершенствование человека должно возрастать, причем будут тут и свои противоречия, и издержки роста вследствие наличия в воздухе вируса бездуховности.

Литература не повторяется, а продолжается, развиваясь в определенных социально-исторических условиях. И главная традиция русской литературы — «чувства добрые пробуждать» — должна быть принята как наиважнейшая в современной советской литературе и развита до вершин художественного творчества.

Как надо, чтобы читатель, поразившись и не замечая процесса чтения, не удержал бы слез сочувствия доброте, чтобы содрогнулся убожеству носителей бездуховности, тунеядцев и клеветников и, отложив книгу, посмотрел внутрь самого себя. Вот единственный признак настоящей художественной литературы.

Не надо оберегать в литературе детей и юношество от возвышенных печалей. Не растим ли мы при этом в ряде семей детей-эгоистов, воспитываемых по принципу: нам досталось много трудного в жизни, так пусть дети растут весело и сыто. Так при полной материальной обеспеченности вырастает хлюпик, при первой же беде распускающий слюни, не умеющий сочувствовать другому, а не то, чтобы противостоять злу...

Когда мы говорим о всяких печалях в литературе — дескать, не противоречит ли это принципу социалистического реализма, то я должен сказать, что, к сожалению, у отдельных критиков и писателей вызывает, мягко говоря, возражения даже всего лишь печальный конец произведения, как, например, в «Береге» Юрия Бондарева, или противоречивость характера в «Южноамериканском варианте» Сергея Залыгина.

В деле воспитания чувств, развития личности мы обязаны совершенствовать методы и искать новые формы, соответствующие содержанию. И это, в общем-то, и делается. Мы должны учитывать опыт братских литератур социалистических стран и прогрессивного движения в капиталистических странах: обязаны избавляться от серости и создавать художественные произведения, достойные признания нашего многомиллионного умного читателя.

Лев ОШАНИН

(МОСКВА)

В стихотворении «Ящик моего письменного стола» Борис Корнилов писал:

И дрожу от озноба весь я — радость мне потому дана, что из этого ящика песня в люди ошибилась хоть одна.

Корнилов имел в виду «Песню о встречном» («Не спи, вставай, кудрявая!»), которая почти 45 лет, выбившись в люди, живет и остается одной из самых дорогих песен нашего народа.

В чем секрет долгожительства этой песни? Удачное сочетание с музыкой? Счастливая строка, вырвавшаяся из-под пера в добрую минуту? Видимо, и душа поэта должна быть подготовлена к рождению такой строки. Умение слышать время, прийти вовремя — немаловажная задача художника.

Видимо, нельзя — как принято порой в критике — отделять песенную поэзию от поэтической лирики. Вся больше стихотворений становятся песнями. Мы знаем песни на стихи А. Твардовского и Я. Смелякова, К. Симонова, Н. Грибачева, И. Рыленкова, К. Кулиева. Не говоря уже о Есенине, у которого поется чуть ли не все, что он написал. Мы помним, как стихотворение К. Ваншенкина «Я люблю тебя. Жизнь...», став песней, навсегда связало судьбу этого поэта с музыкой. Все чаще звучат песни на стихи Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Казаковой, М. Львова, В. Солоухина, А. Дементьева и других.

В современной песне происходят некоторые серьезные процессы, на которых я и хочу остановить внимание съезда. Сейчас песня хлынула на эстраду, глобально ее завоевав. Популярнейшее и главное лицо на эстраде сегодня — певец. Весь мир полон конкурсами песен и исполнителей. Кстати, хорошо, что в этом году был снова проведен конкурс политической песни в Сочи, за который мы так ратовали.

Больше других поэтов почувствовал особенности времени и характера песни Роберт Рождественский. Он пишет своеобразные песни-монологи, раздумья, чаще всего лирические. Думаю, что все заметили появление песен Расула Гамзатова, автора проникновенных «Журавлей».

Молодежь ждет от нас песню, которую хотелось бы петь в пути, и в минуту отдыха, и за добрым русским застольем. Существуют еще туристский поход и комсомольское собрание, субботник и солдатский строй. Мы должны создать и проникновенные эстрадные монологи, и массовые песни, связанные с сегодняшним и завтрашним днем.

Кайсын КУЛИЕВ

(КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ АССР)

Мои предки хорошо знали лязг кинжалов и стук копыт коней, но им совсем не было знакомо сладостное шуршание листов перелистываемой книги. Они были хорошие пахари, пастухи, каменщики, но оставались в стороне от культуры. И в этом были виноваты не они.

Сегодня Кабардино-Балкария — республика сплошной грамотности. У нас теперь не только школы, но и свой Государственный университет. Мы имеем счастье учить своих детей, посылать их во все вузы страны. Наша литература заняла свое место среди братских литератур Советского Союза, ее знают и во всем мире. Это действительно чудесный свет нашей новой жизни, это наше счастье. И мы, кабардино-балкарцы, знаем, кого за что благодарить, — наша сердечная благодарность навсегда родной Советской власти, Ленину, его мудрой партии.

Каждому новому поколению художников завещано учиться у великих предтеч не только мастерству, но и преданности своему делу, самозабвенному служению народу, всему хорошему. Мне кажется, что всегда есть необходимость говорить об учебе у великих мастеров, а также о культуре писателя. Но всегда надо начинать с себя, то есть иметь в виду, что прежде всего ученик — это ты сам.

Много знать — большое счастье. Чем больше знаешь, тем дальше и лучше видишь. Я завидую только тем писателям, которые хорошо образованы, много знают.

Мне понятно, что каждое поколение, как и каждый художник в отдельности, должно в литературе искать свои пути, свои способы изобразительности и выразительности, стараться открывать новое. Это естественно. Без этого нет творчества, нет движения вперед. Это азбука творчества. Но неверно, когда иным из пишущих молодых кажется, что «помехой» им — великие писатели. Помехой может быть только отсутствие таланта, ума, культуры. Невежество — это несчастье. Мудрый опыт живших до нас и делавших свое дело хорошо не только не может нам мешать, а очень и очень поможет.

Иные редакторы боятся книг, в которых присутствует трагизм жизни, ее противоречия, жесткая правда. Не надо их бояться. Они правдивы и этим полезны. Искусство без правдивости — что птица без крыльев.

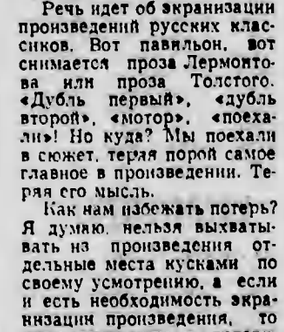
Советская литература порождена ленинским братством народов, освещена его светом. Мы знаем, что культура по своей сущности вообще интернациональна. Настоящих художников, ненавидящих другие народы или их культуры, не бывает и не может быть. Взаимное уважение к культуре друг друга не только благородно, но вызывает интерес к ним. Это поэту также полезно знать с самого начала творческой жизни. Если бы я не интересовался такими удивительными явлениями культуры, как армянская и грузинская поэзия, был бы куда беднее, чем сегодня.

Мне хочется здесь с глубочайшим уважением назвать имя Николая Семеновича Тихонова, работающего рядом с нами и с таким достоинством продолжающего горьковские традиции внимания и любви к литературам народов нашей многонациональной Советской Родины.

Поэт — это прекраснейшее звание. Будем же стараться всеми силами быть достойными его.

Сергей ЗАЛЫГИН

(МОСКВА)

Мне кажется, что проза сейчас занимает особое место — связующего звена между целым рядом различных видов и родов искусства. Посмотрите, что происходит, предположим, в театре. Режиссер берет прозаическое произведение и ставит, минуя драматурга.

Возьмите другие виды искусства: кино, телевидение. Ведь огромное число современных кинофильмов и телефильмов поставлено опять-таки по произведениям прозы, современной и классической. Здесь, мне кажется, мы имеем временами потери очень существенные.

Речь идет об экранизации произведений русских классиков. Вот павильон, вот снимается проза Лермонтова или проза Толстого. «Дубль первый», «дубль второй», «мотор», «поехали»! Но куда? Мы поехали в сюжет, теряя порой самое главное в произведении. Теряя его мысль.

Как нам избежать потерь? Я думаю, нельзя выхватывать из произведения отдельные места кусками по своему усмотрению, а если и есть необходимость экранизации произведения, то режиссеры кино и телевидения должны учитывать интересы прозы. Потому что, когда режиссер берет из произведения отдельные места, а все остальное пропадает, это умаляет достижения нашей культуры. Попробуйте понять правильно произведения Лермонтова, Достоевского или Толстого, если вы смотрите их на экране, но не знаете всего произведения. Могут сказать, что потерн здесь могут быть не очень большие, потому что телефильм или кинофильм живет не так уж долго, а произведение писателя-классика переживает поколения.

Но ведь какие-то поколения — например, учащиеся, молодежь — может быть, и не прочитают само произведение классика, а посмотрят кинофильм, сдадут экзамен и тем «постигнут» классику.

Мы все время говорим о себе, о своих собственных проблемах, как будто бы мы не несем никакой ответственности за то, что делается с нашей классикой, мы не заботимся о том, как она живет сегодня.

Неплохо было бы создать нечто подобное «Роман-газете», но только для классики. Это было бы огромное дело. Говорят — нет бумаги. Ну давайте большой тираж «Роман-газеты» поделим пополам: одну половину — нам, а другую — классике. Протянем классикам руку братской помощи!..

Я думаю, что нас не может не волновать то, как мы сами воспитывались и как мы воспитываем, а любое воспитание невозможно без классики.

И такая глобальная проблема, как проблема борьбы за мир, тоже глобально поднимаемая впервые в истории человечества нашим государством, — на что она может опереться? Она обязательно будет опираться на ту культуру, которая уже была до нас и которая продолжает работать на человечество.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

(МОСКВА)

Сейчас у меня на письменном столе лежит стопка книг, не так давно увидевших свет. Это книги В. Гусева, В. Сурганова, Д. Старикова, Ф. Кузнецова, И. Мотяшова, Л. Бекизовой, П. Палиевского, Л. Лавлинского... В самое ближайшее время выйдут книги И. Ростовцевой и многих других. Загляните в тематический план серии «Писатели Советской России», интересной и нужной серии, которая выходит в издательстве «Советская Россия», и вы увидите десятки имен. Загляните в планы нашего издательства «Современник», в планы многих республиканских издательств Российской Федерации, и вы увидите, как расширились эти планы по выпуску литературоведческих и критических книг.

Существует предубеждение, будто бы «молодой» критики — критики семидесятых годов — вообще нет. Мне уже приходилось выступать против этого предубеждения на страницах печати. В период подготовки к всероссийским семинарам, совещаниям и встречам нам довелось ознакомиться с сотнями критических обзоров, статей, рецензий, рассыпанных по столичным и, главным образом, по периферийным изданиям, принадлежащих перу молодых литераторов, только-только вступающих на профессиональный путь.

В статье молодого критика Владимира Васильева из Саратова мне встретилось примечательное суждение о нашей сегодняшней молодой российской прозе. В. Васильев пишет о серьезном, пристальном, может быть, даже самоуглубленном взгляде героя этой прозы на жизнь, на разнообразные переживания людей, на факты и конфликты, так сказать, нравственного плана или порядка. И в качестве примера приводит слова Валентина Распутина: «Думать и разговаривать о жизни. Все не просто...» Мне кажется, что столь же серьезный, вдумчивый взгляд на литературу начинает приобретать и наша «молодая» критика.

Но развивается «молодая» критика не без трудностей и заблуждений. Многие статьи и обзоры, да простится мне не слишком благозвучный неологизм, слишком уж «диссертабельны». У «молодых» есть навыки исследовательской работы, есть мысль и оттенки мысли, но нет оттенков чувства, нет живой, естественной интонации разговора о самом главном.

Свой индивидуальный стиль, свой почерк, свое собственное видение и понимание литературно-творческого процесса молодой критик приобретает столь же трудно, как и его собратья по перу в других литературных жанрах. С огорчением должен признать, что эти поиски стиля и почерка не всегда встречают понимание и поддержку в наших печатных органах: редакционные работники, даже самых крупных литературных изданий, считают возможным «кромсать» статьи и рецензии «молодых» по своему субъективному усмотрению...

«Молодые» авторы весьма неуверенно порой преодолевают «некоммуникабельность» нашей критики в ее отношениях с современной эстетикой, недостаточно развивают свой вкус, свое понимание специфики художественного произведения, которое вовсе не требует, чтобы его признали «слепком» с действительности.

В литературном процессе критик не просто «посредник» между читателем и книгой, но — подлинно творческая личность, творческая индивидуальность, способная внести значительный вклад в общелитературное дело, создать новые ценности ради жизни, ради мира, ради красоты на земле.

Даниил ГРАНИН

(ЛЕНИНГРАД)

У каждого из нас за последние годы накопился, вероятно, список радостных открытий, удач наших товарищей.

Поднялась проза историческая, которой так не хватало читателю и о которой здесь никто не говорил, — романы Задорнова, Борщаговского. Окуджавы, по ленинградской прозе — романы Пикуля, Тублина, Лебедева.

Удачи наши относятся не только к среднему и младшему поколению писателей. Посмотрите, как свежо и интересно работает сейчас наше старшее поколение писателей, те, кто начинал до войны! Каким взлетом отмечены последние произведения В. Катаева, Г. Маркова, П. Нилина, К. Симонова, В. Кетлинской, А. Чаковского, С. Михалкова, Б. Бурсова, Л. Рахманова!

После войны в литературу пришли солдаты и офицеры, узнавшие такое о жизни и смерти, о любви и ненависти, на что в иной жизни потребовались бы десятилетия. Они неуклонно расширяли, разрабатывали тему подвига на войне, подвига труда, выводя ее к новой, чрезвычайно важной и сложной проблеме нравственной жизни. Все настоятельнее ощущается интерес к повествованию, решающему нравственные проблемы. Наша литература создала немало героев подвига. Это герои поступков ярких, впечатляющих. В русской литературе, по выражению Виктора Конецкого, всегда были герои чести и герои совести. Вот эта потребность в героях совести, она ощущается ныне как потребность в примерах нравственной жизни, жизни повседневной. Гении русской литературы наибольшие свои силы устремляли именно сюда. Достоевский говорил, что изображать положительно прекрасного человека — задача наитруднейшая, но и считал эту задачу наиважнейшей для себя.

Мне кажется, что условия научно-технической революции повышают, как ни странно, прежде всего нравственные требования. Вот последний пример.

Недавно с письмом к ленинградским рабочим обратился токарь Балтийского завода Алексей Чуев. Он размышляет, как же обеспечить выдвинутую партией, Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. Н. Брежневым задачу десятой пятилетки — качество. За счет чего? Каким образом? Разумеется, надо обеспечить рабочие места заготовками, избавиться от штурмовщины. Все это так. Но решать будет другое, решать будет, оказывается, совесть. Только совесть может заставить человека постоянно заботиться о высшем классе своей работы. И он исследует проблему рабочей совести. В том, каково качество сработанной вещи, пишет он, — в этом, как в зеркале, отражаются душевное качество самого труженика, его честность, его порядочность. Совесть, порядочность — вот какие категории выдвигает современное производство.

Тема нравственной жизни или безнравственной жизни во всей ее повседневности, бытовой ежедневности имеет много возможностей. Некоторые из них, например, чрезвычайно интересно реализует Юрий Трифонов в своих повестях.

Наш герой — человек труда, и поэтому важно понять и показать, что же заставляет ныне трудового человека работать честно и добросовестно, откуда он черпает силы для каждодневного выполнения своего однообразного, зачастую нетворческого труда, в чем он видит свой долг? В чем состоит его вера? Во имя чего человек ратует за добро и совершает это добро? Как он противостоит разрушающей мысли о неизбежной смерти? В чем его твердость? В чем его любовь к близким, к миру природы, беззащитному и прекрасному, который так зависит от нашей человечности?

Литература не в состоянии полностью ответить на них, но она и не должна уклоняться от них. И, может, именно наша, советская литература имеет наибольшее моральное право принять на себя всю меру поисков и сомнений современного человека. Именно наша литература вправе осмыслять человеческую жизнь, возвращать и утверждать ценности человеческих чувств и человеческого существования.

Юлия ДРУНИНА

(МОСКВА)

«Сороковые, роковые, военные и фронтовые» — забыть о них невозможно. Особенно поколению, для которого слово «война» равнозначно слову «юность». Война засела в нас, как осколок. Как осколок, до сих пор не извлеченный из груди замполита Б. Слуцкого. Война обожгла нас, как обожгла она — в прямом смысле этого слова — танкиста С. Орлова.

Война до сих пор бросает свой отблеск на наши стихи, порой даже самые интимные. Жесткой окопной мерой меряем мы свои сегодняшние поступки, сегодняшнюю жизнь, свою сегодняшнюю способность к драке за правое дело.

● ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 9-Й СТР.

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ

Заки НУРИ, Григорий КОНОВАЛОВ и Виталий ЗАКРУТКИН

Танзиля ЗУМАКУЛОВА и Сергей БАРУЗДИН

Анатолий ЧЕПУРОВ и Алим КЕШОКОВ

Евгений НОСОВ и Александр РЕКЕМЧУК

Юрий РЫТХЭУ и Виль ЛИПАТОВ

Владимир САНГИ и Павел НИЛИН

Фоторепортаж с IV съезда писателей РСФСР вели специальные корреспонденты «Литературной газеты» А. ЖАРЗАНОВ и В. НРОХИН

В ОКОНЧАНИЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ Ю. ДРУНИНОЙ

Главное богатство поэтов-фронтовиков заключено в их жизненном опыте, в биографии, а иначе — в судьбе. В судьбе, совпавшей с народной в час самых страшных испытаний и потому близкой каждому. Характерной для своей эпохи и потому типичной. Трагической и счастливой. Завидной судьбе. Но, как ни странно, эта очевидная истина была понята не всеми и не сразу. Вот, например, как оценивается творчество молодых поэтов-фронтовиков в энциклопедической «Истории русской советской литературы»: «Их произведения страдали известной узостью. И дело здесь не только в художественной незрелости, но и в ограниченности самого жизненного опыта».

Однако самый строгий судья — время — все поставил на свои места. А фронтовая закалка помогла и после войны. Общеизвестно, что, кроме таланта, писатель должен обладать и еще одним необходимым качеством — отчаянной жизнестойкостью. Нужно уметь противостоять и ударам, и дарам судьбы. Работать — когда тебе плохо, работать — когда тебе хорошо.

Профессия поэта такова, что на месте топтаться нельзя, нужно брать новые рубежи, новые высотки.

«Новое время — новые песни». Да они и не могли не появиться у двадцатилетних ветеранов. Впереди была нелегкая работа и нелегкая любовь — они никогда не бывают легкими у поэтов. Впереди была вся жизнь.

О любви писали и пишут многие фронтовики. Перечитывая очень обнаженную и одновременно очень чистую лирику В. Тушновой, М. Луконина и М. Максимова, с невольной досадой думаешь о тех стишках, в которых любовь подменена интрижкой, а страсть — так называемым сексом.

А такое отношение к поэзии, как у нас, такое общественное положение поэта в советском обществе обязывают ко многому. И прежде всего к тому, чтобы всегда держать свой поэтический порох сухим...

Поэты моего поколения — художники очень разные. На то они и художники. Но есть нечто общее, их объединяющее. Это общее — целеустремленность, нежелание разменяться на мелочи — в гражданских ли стихах, в любовной ли или философской лирике. Это верность своим не вернувшимся с войны однополчанам — девяносто семи из ста.

Это верность идеалам своей фронтовой юности. Как сказал С. Орлов:

Видно, память крепка у нас
Или просто дело
не в датах, —
Присягают солдаты раз,
Только раз присягают
солдаты.

Сергей ВИКУЛОВ

(МОСКВА)

Современная поэзия, наследуя некрасовскую традицию, особенно успешно разрабатывает образ русской женщины-крестьянки. И это не случайно: и в войну, и в долгие годы после войны нелегкая ноша земледельца главной своей тяжестью покоилась на женских плечах. Об этом, собственно, талантливая, одна из немногих в текущем году поэма «Солдатка» уверенно входящего в поэзию дальневосточника Игоря Еремина, и можно только удивляться, что критика обошла ее молчанием.

Любовью и уважением к женщине-крестьянке, восхищением подвигом ее — матери и труженицы, ее готовностью к самопожертвованию во имя счастья и свободы Родины проникнуто творчество Ольги Фокиной.

В последнее время можно было слышать сетования критики на отставание современной поэзии. Придуман был даже специальный термин для поэзии последних лет — тихая — в противовес громкой (нередко попросту крикливой), якобы владевшей умами и сердцами людей в прошлое десятилетие. А раз определилось лицо современной поэзии, то не терпелось назвать и лидеров. И вот в одном из молодежных изданий однажды читаем:

«Именно теперь на смену московской (!) размашистости стала все чаще приходить суховатая «питерская» (!) строгость», которую, по мнению критика, олицетворял в то время один молодой ленинградец, еще недавно казавшийся даже самому критику «певцом книжных полок», но вскоре осознанный им же «как весьма глубокий поэт послевоенной волны».

Обращают на себя внимание в приведенном высказывании два слова — «московский» и «питерский», недвусмысленно выводящие за рамки поэзии, достойной внимания, всех поэтов иных городов и провинций. Эти поэты, по определению Л. Аннинского, автора этой статьи, «стартовали от крыльца», их доктрины «разъезжаются с правдой целого», в их стихах «откровенно «частичная», частная, отнюдь не всеобщая истина», а всего лишь «проект наивной, первоначальной... душевной цельности».

Нельзя не заметить, сколько здесь высокомерия и снисходительности к тем, кто не был причастен ни к «московской размашистости», ни к «суховатой питерской» строгости. А это, кроме О. Фокиной и Н. Рубцова, и А. Романов из Вологды, и Н. Благов из Саратова, и Л. Решетников из Новосибирска, и Я. Ухсай из Чувашии, и С. Хаким из Татарии, и многие другие.

Я не имею возможности подробно говорить о стихах всех этих поэтов, остановлюсь лишь на одной поэме А. Романова «Черный хлеб», вызвавшей весьма любопытную реакцию критики. Поэма «Черный хлеб» — это повествование о людях современной северной деревни, пахарях и воинах, чьими делами она и жива сейчас. Но критик З. Кедрина, прочитав ее, с легким сердцем написала в журнале «Литературное обозрение»: «Надо ли говорить, что подобные сочинения отнюдь не помогают увидеть реальное лицо современника, реальные заботы нынешней деревни».

Напомню, что в постановлении ЦК КПСС «О литературно - художественной критике» говорится об умении соотносить художественные произведения с реальной действительностью, анализировать в широком контексте социальных, нравственных, идеологических проблем современности.

Если бы наши критики, берясь за перо, всегда помнили об этом глубоко верном и мудром указании, то они волей-неволей вынуждены были бы признать, что в современной поэзии есть голоса крепкие и ровные, далекие от суетности, погони за модой,—у них есть своя звезда, которая никому еще из литераторов не изменяла, — народность и, значит, партийность, гражданственность и советский патриотизм!

Антти ТИМОНЕН

(КАРЕЛЬСКАЯ АССР)

Значительным событием для нас было обсуждение на пленуме СП РСФСР вопроса о состоянии и задачах карельской литературы. Многие книги получили высокую оценку на этом пленуме. Среди них такие книги, как «Красные финны» Тойво Вяхя (И. М. Петрова), некоторые книги о событиях Великой Отечественной и гражданской войн в Карелии. Хорошую оценку получили и многие произведения о нашей современности. Отмечали поэтические произведения Тайсто Сумманена, Валентина Устинова, Якко Ругоева и других. Однако нам справедливо указали, что уровень ряда книг о жизни и труде наших современников не соответствует требованиям читателя.

Мы проводим много встреч с читателями в дни подготовки к XXV съезду нашей партии. К нам в Союз писателей пришел генеральный директор горно-обогатительного комбината, который строится в Костомукше, почти в центре Калевальского района — родины рунопевцев эпоса «Калевала», родины многих ныне работающих писателей Карелии. Мы слушали затаив дыхание рассказ о будущем этого города.

Многие из нас загорелись желанием как можно скорее поехать туда и приступить к работе над новыми произведениями. Тут всем хватит работы.

Научно-технический прогресс ускоряет свое движение. Советские люди постоянно совершенствуют свою квалификацию. А как быть писателю, чтобы не отставать от главного в жизни, от духовного роста прототипов его произведений, от человека труда? Мы тоже должны постоянно повышать свою квалификацию, свое мастерство, должны искать новые таланты.

У нас выходит ежемесячный журнал «Пуналиппу» («Красное знамя») на финском языке, 7000 экземпляров которого идет по индивидуальной подписке в Финляндию. И не только туда, а во многие другие страны мира, где живут финноязычные читатели. Этим читателям мы представляем не только карельскую, но и (в переводах с русского) всю советскую литературу.

Между Советским Союзом и Финляндией развиваются и крепнут связи дружбы и сотрудничества в области внешней политики, дипломатии, экономики, науки и техники, но мы знаем, что это ни в коей мере не меняет наших позиций в идеологической борьбе.

Василий ФЕДОРОВ

(МОСКВА)

Человек как объект искусства и литературы становится все сложнее и многомернее. Без учета этого его образ, созданный нами, не будет полнокровным, а значит, наше слово, рожденное привычной трехмерностью, не найдет своего адресата. Наши классики предчувствовали и понимали это и раньше. Человек Михаила Шолохова всегда высвечивается на мировом экране, герои Леонида Леонова живут в пяти-шести измерениях, беспощадный взгляд Маяковского, не минуя человека, охватывал всю землю, душевно чуткий Есенин прозревал космическую сущность человеческой жизни. Но сегодня наше понимание многомерности из области прозрений перешло в область нашего быта в качестве всеобщего достояния. Нам уже нельзя прятаться за широкие плечи гениев и провидцев.

Речь идет о нашей ответственности перед человеком как личностью и человечеством как единым мировым организмом с его социальной пестротой, с его воспалительными процессами и кризисами.

Такое понимание зависимости и нашей ответственности чутко уловил, например, Владимир Туркин, умеющий, не обходя человека, мыслить большими категориями.

Поэты нетерпеливы. Поэты имеют право на нетерпение как выражение их творческой активности. Больше того, они обязаны быть нетерпеливыми. Как разведчикам будущего, скорее всего нам следует упрекнуть себя в том, что слишком мало мы фантазируем и пророчим. Мир не совершенен, еще не в идеальном обществе живем и мы. Для фантазий и пророчеств у нас есть основания, Владимир Ильич сказал, что коммунизм — это творчество миллионов. Не в первую ли очередь эти слова относятся ко всем нам, именующим себя творческими работниками? Возможно, не все наши пророчества сбудутся, не все они сбывались и у классиков, но они активно работали на будущее.

При планетарном размахе наших работ найти путь к этому материалу нетрудно, труднее всего, как и на всяком пути, создать внушающий доверие образ. Радостно, когда он удается на материале повседневного человеческого труда.

А что касается поэтов старшего поколения, то чувство мировых связей оно выработало более 30 лет назад участием в войне, которая называется второй мировой. Оно само защищало и защитило те мировые духовные ценности, объединяющие нас в нашем стремлении к прекрасному. Вполне естественно, что за судьбой человека в их стихах и поэмах прозревается судьба человечества.

Сегодня наше поколение, о котором я говорил, составляет гордость нашей поэзии. Мне уже не раз приходилось называть имена лучших, писать о них, говорить с трибуны. Но об одном из них — Эдуарде Асадове — я скажу сегодня особо.

Этот поэт уже давно имеет у читателей, особенно молодых, вступающих в жизнь, несомненный успех. В свое время успех Асадова объясняли потрафлением расхожему вкусу, даже мещанству. С тех пор никто не взял на себя труда определить его место в нашем общем строю. Он встречается со своим читателем на таком отрезке пути, когда тому надо решить, казалось бы, простые, но самые неотложные морально-нравственные проблемы. То, что для иного кажется мелочью быта, для него становится предметом поэзии. От быта вообще нельзя запросто отряхнуться и навсегда уйти к мадонне Рафаэля.

Феликс КУЗНЕЦОВ

(МОСКВА)

Если ориентироваться не на проталины, а на вершины, думаю, что мы имеем сегодня богатейшую талантами прозу. По напряженности своих духовных исканий, бескомпромиссности этического пафоса, количеству и качеству талантов эта проза составила бы национальную гордость любого народа. Как уже говорилось, современная критика крайне осторожна и бережна в своих как отрицательных, так и положительных эмоциях (комплиментарность — это ведь не эмоция, а расчет). Она не всегда умеет целенаправленно утверждать в широком общественном и читательском сознании истинный масштаб тех или иных литературных явлений. А в итоге мы часто выглядим куда беднее, чем есть на самом деле. Будем же более решительными и страстными как в приятии хорошего, так и в неприятии дурного. Речь идет о критериях, о дальнейшем качественном развитии нашей литературы. Вопрос этот — ход съездовской дискуссии убеждает нас в том — заглавный для литературы.

Пожалуй, главный объект критики на нашем съезде — сама критика. И взыскательный, требовательный разговор о критике, пускай даже с некоторыми полемическими переборами, естествен после постановления ЦК КПСС и на пользу нам.

Критика — не что иное, как философское, гражданское самосознание литературы и полноправная часть литературы. Лишь большая литература рождает и большую критику.

Уровень нашей серьезной, настоящей литературной критики сегодня несравним с тем, что было когда-то. Критику читают, с ней считаются, она во многом определяет развитие литературного процесса. И не нуждается в снисхождении! Наша беда, однако, в разрыве между уровнем мысли в современной критике и уровнем критериев. Причем не только в критике, но часто и в литературе в целом...

Однако справедливо ли вину за эту недостаточность критериев возлагать только на критику? Ведь критика—это не устный жанр... Мы, критики, не ощущаем в литературной периодике настойчивого желания и мужества печатать острые, критические рецензии. Так, может, вину за нетребовательность справедливо поделить между критикой и литературной периодикой? А возможно, часть вины примет на себя и руководство Союза писателей РСФСР—хотя бы за то, что не стимулировало этот вид критики? А может, если подумать, поискать, мы найдем еще и дополнительные причины заниженности критериев, лежащие, скажем, в самой нашей литературной среде, в нетерпимости к критике многих писателей, приятельстве, в нелитературных соображениях и прочем?

При таком системном подходе резко обнажатся и недоработки критики. Скажем, методологические ее недоработки. И прежде всего то, что наша критика, даже серьезная критика, все еще довольно узко понимает борьбу за качество, даже когда пытается вести ее.

Литература — это пир, где много званных, да мало избранных. У нас же сплошь и рядом мирно сосуществуют и прекрасно уживаются как хорошие, так и плохие произведения. Но мирного сосуществования здесь быть не может. Давайте же будем последовательно отделять овнов от козлищ, причем видеть не только всем очевидную дурновкусицу, но и псевдолитературу, плод холодного расчета и умелого сочинительства, где, казалось бы, все есть, нет одного — обязательности существования серьезных проблем жизни, сердечного тепла и любви к этой жизни.

Мы до сих пор уравниваем проблему качества в литературе с проблемой мастерства. Но зачем воинствующей посредственности мастерство? Она довольствуется умелыми навыками, холодной штамповкой. Проблема качества — не только эстетическая, но мировоззренческая и нравственная. Я бы сказал, коренная нравственная проблема сегодняшнего литературного развития. В борьбе за качество нужно гражданское мужество, мужество критики. Мужество литературной печати. Мужество и последовательность руководства нашим творческим союзом.

З. Г. НОВОЖИЛОВА

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ

Мы с полным правом говорим: у юного поколения 70-х годов — корчагинский энтузиазм, молодогвардейская закалка. Комсомол гордится молодыми Героями Социалистического Труда, лауреатами Государственных премий, успехами юношей и девушек в науке, технике, искусстве, их достижениями в спорте, боевой и политической подготовке. Мы уверены: жизнь и трудовой подвиг молодых вдохновят мастеров художественного слова на новые талантливые творения.

Давняя и плодотворная дружба связывает Ленинский комсомол с писательскими организациями и писателями России. Трудно назвать сегодня кого-либо из широко известных советских литераторов, кто бы в свое время не прошел боевой закалки в комсомоле. Это — молодой боец Первой Конной Николай Островский, организатор комсомольских ячеек на Дальнем Востоке Александр Фадеев, один из первых комсомольцев Арзамаса Аркадий Гайдар, комсомольский журналист Михаил Светлов, строитель знаменитой Магнитки Борис Ручьев, рабфаковец-комсомолец Ярослав Смеляков, бывшие комсомольские работники Георгий Марков, Сергей Наровчатов.

Большое внимание в своей работе ЦК ВЛКСМ уделяет воспитанию молодой литературной смены. Вместе с писательскими организациями мы проводим всесоюзные совещания молодых литераторов, фестивали молодых поэтов братских республик, литературные чтения и праздники. Творческие командировки по линии ЦК ВЛКСМ позволяют молодым писателям ближе познакомиться с жизнью ударных комсомольских строек, найти своего героя на передовых рубежах пятилетки. Эта практика была дополнена в последнее время участием комсомола в проведении Дней советской литературы, организацией недель молодежной и детской книги, печати.

Из 19 молодых писателей, присутствующих на этом съезде, 14 были участниками VI Всесоюзного совещания молодых писателей.

Издание произведений молодых, на наш взгляд, важный итог работы с литературной сменой. Многое делают в этом направлении издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», молодежная и детская печать. В «Молодой гвардии» создана редакция по работе с начинающими авторами, выходит серия книг «Молодые писатели», антология «Мы — молодые», альманахи «Родники» и «Мастерская».

Дети и подростки тянутся к героическому, ищут жизненный идеал, который бы они могли реализовать и в своей жизни. Успех талантливых книг Сергея Михалкова, Агнии Барто, Анатолия Алексина, Марии Прилежаевой, Зои Воскресенской, Агнии Кузнецовой, Сергея Баруздина, Сергея Алексеева, Юрия Яковлева, Владислава Крапивина и многих других писателей объясняется тем, что их произведения дают ответ на очень важные вопросы — «кем быть?», «каким быть?».

И все же у нас пока мало книг, которые бы ярко и образно рассказывали о рабочих профессиях. Хорошо было бы создать такую своеобразную художественную энциклопедию профессий, решить вопрос о выпуске популярных и качественных книг, ориентирующих подростков в выборе жизненного пути.

Думается, что ЦК ВЛКСМ и Союзу писателей РСФСР следует продумать практические меры по устранению подобных пробелов.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

(МОСКВА)

Интернационалисты, мы ощущаем себя боевым отрядом революционной поэзии мира. Революция и поэзия неотделимы друг от друга, а реакция, человеконенавистничество, империализм всегда против поэзии, всегда целятся в сердце народа — в поэзию.

Я был гостем первого съезда португальских писателей. Там рассказывали мне о страхе, который испытывал салазаровский режим перед поэзией. К чести поэзии: 25 апреля 1974 года началось с песни поэта и композитора Жозе Афонсо «Грандула...». Песня стала сигналом к революции.

Мы, советские поэты, — товарищи и братья поэтов-борцов, поэтов своих народов. Единый фронт поэзии — это фронт борьбы за мир против империализма, унижения и угнетения человека, и поэтому мы не можем не радоваться, не приветствовать разрядку и ослабление международной напряженности. Это явление — поэтическое, прямой результат многотрудной деятельности нашей партии. В нашей литературной области разрядка открывает новые возможности для общения литератур и народов вообще. Однако есть силы, пытающиеся осуществить разрядку оригинальным способом. Иные западные пропагандисты хотят использовать разрядку для того, чтобы распахнуть дверь, так сказать, в одну сторону, распахнуть наши советские двери для буржуазной идеологии и нравов, а пружины своих дверей еще подтянуть.

Атака на основные принципы советской поэзии, на ее революционность, верность народу, боевой интернационализм, нравственную чистоту не ослабла, а продолжается. Я бы сказал, усилилась. Советская поэзия нередко предстает перед западным читателем в искаженном виде. Вот что говорит об этом критик Присцилла Мейер в журнале «Рашн литерачур трайкуотерли» (США): «Сборники и антологии не дают представления о лучших образцах советской литературы; напротив, в них включаются лишь те произведения, которые могут еще более укрепить предвзятое отношение американцев к Советскому Союзу».

Чтобы меня не упрекнули в тенденциозности (хотя я ее и не стыжусь), приведу высказывание западногерманского критика и переводчика Александра Кемпфе, опубликованное в журнале «Акценте» в Кёльне. Вот как он характеризует отношение к советской литературе: «Советский писатель может на протяжении многих лет писать и печататься, он может много печататься, писать хорошо в социально-критическом духе — Запад этим не интересуется. Но если книга такого автора по каким-то причинам не допущена к печати, он сразу же становится для нас «своим»... Рефлексы тех, кто формирует наше мнение, кто издает книги, натренированы именно на такие сигналы».

Увы, изучение советской литературы в некоторых университетах США и Западной Европы ведется сейчас по программам, которые фабриковались в условиях «холодной войны».

Флор ВАСИЛЬЕВ

(УДМУРТСКАЯ АССР)

Имея свою письменность в течение двух столетий, удмуртский народ в условиях царского самодержавия не имел своих писателей. Они выросли только после Великого Октября. И менее чем за 60 лет создана литература, которая является гордостью удмуртского народа.

Далеко за пределами республики видны вершины нашей литературы — творчество Кодра Митрея, Григория Медведева, Михаила Коновалова, Михаила Петрова, Геннадия Краснобаева.

Главной темой, прошедшей через все многожанровое творчество Михаила Петрова, является духовное раскрепощение удмуртского народа. Его роман «Старый Мултан» по значимости темы, по воспроизведенному в нем колориту народного быта, по художественному мастерству занимает заметное место в советской исторической прозе.

В рассказах, повестях и романах Геннадия Краснобаева наиболее полно в удмуртской литературе выражено национальное своеобразие народного характера на новом этапе жизни.

Надо отметить, что сердцевину удмуртской литературы всегда составляли и составляют книги, отображающие нашу современность. Таковы произведения Трофима Архипова, Игнатия Гаврилова, Михаила Лямина, Семена Самсонова, Павла Куляшова, Романа Валишина, Василия Широбокова и других.

В советской многонациональной поэзии все слышнее голоса поэтов Удмуртии. Николай Байтеряков и Степан Широбоков, Андрей Бутолин и Олег Поскребышев, Даниил Яшин и Гай Сабитов, Александр Белоногов и Владимир Романов в своих поэмах и стихах воспевают Родину, пролетарский интернационализм, свой народ, его труд на благо всего общества.

Опора на традиции фольклора, освоение интернационального опыта всей советской поэзии помогает удмуртской поэзии постоянно развиваться, обогащаться все новыми и новыми открытиями.

В последнее время наши писатели пристально изучают перемены в селах Нечерноземья. Рождаются крупные прозаические произведения, где, хочется надеяться, будут философски осмыслены эти изменения. Но читатели новые книги получат в лучшем случае через 3—4 года после их создания. Нам кажется, что вопросы издания книг беспокоят не только удмуртских писателей. Порой в местных издательствах путь книги к читателю искусственно усложняется. При сложившейся издательской практике в планы включаются только готовые рукописи. Может быть, стоит оставлять какие-то резервы на издание остросовременных произведений с тем, чтобы необходимую книгу читатели получили хотя бы через год после ее создания.

Хотелось бы, чтобы национальные литературы шире выходили на всесоюзную арену. К сожалению, московские, да и другие журналы не очень жалуют наших писателей.

С каждым годом развиваются и укрепляются интернациональные связи братских литератур. Это помогает нам лучше знать жизнь братских народов. Стоит, однако, подумать уже о каких-то новых формах связей братских литератур. Мы предлагаем, например, издавать на русском языке ежегодник лучших произведений всех жанров писателей шести автономных республик, расположенных между Волгой и Уралом.

Анатолий АНАНЬЕВ

(МОСКВА)

Российская литература достигла сейчас таких высот, когда мы вправе ожидать от нее самых больших свершений. Мы вправе ожидать от нее книг, в которых бы широко и правдиво, со всей совокупностью радостей и утрат раскрывался образ жизни советского человека, нашего современника, социалистический образ жизни.

Мы не можем быть сторонними наблюдателями жизни, мы должны быть активными участниками и строителями ее, и требование это прежде всего следует предъявить молодым писателям, от которых мы вправе ожидать произведений, написанных на самые живые темы современности. Но, к сожалению, с молодой литературой дело обстоит далеко не так. Об этом достаточно говорят рукописи, поступающие к нам, в редакцию «Октября», от многих молодых писателей, рукописи, до того уныло-однотонно рассказывающие о бабушках, прабабушках и дедах, о том, как они

славно жили, что невольно возникает тревога за будущее нашей литературы. С подобным явлением столкнулись и руководители семинаров на Всесоюзном совещании молодых писателей, когда вдруг выяснилось, что содержание многих представленных на обсуждение рукописей — это тоска в том или ином выражении по умирающему, а вернее, давно уже умершему патриархальному укладу жизни. Создается впечатление, будто никогда не было у нас в России ни крепостничества, ни кулаков-мироедов (слово-то какое: мир едят! Так просто, сидя за столом, не выдумаешь); как будто не о русском крестьянстве были написаны «Антон-Горемыка» и «Кому на Руси жить хорошо», и Салтыков-Щедрин как будто никогда не говорил, что деревенская жизнь нуждается не в «идиллических приседаниях перед ней», как будто бы не было ни «Деревни» Бунина, ни многочисленных рассказов Чехова на эту тему, ни страшных правдивостью своею рассказов и очерков Короленко, наконец, Горького...

Но, упрекая молодых писателей, мне кажется, мы должны прежде всего упрекнуть себя. В свое время некогда молодые и способные писатели обратились к недавнему и давнему прошлому нашей деревни. Они написали ряд талантливых книг, и обращение их было во многом продиктовано и оправдано жизнью. И правомерным было, что критика с добром встретила «деревенские» произведения и щедро писала об их авторах; но затем щедрость и похвалы критиков превратились как бы в некое единственное в своем роде мерило идейности и мастерства, и мерило это стало перекочевывать из статьи в статью, создавая неверное впечатление о развитии в целом советской литературы, а главное — оказывая нежелательное, мягко говоря, воздействие на молодых писателей. Нам теперь придется подумать, как исправить положение, потому что речь идет о будущем нашей литературы.

Есть понятие — хлеб, но еще есть понятие — огонь; я не хочу вдаваться в историю, что возникло для человека раньше — хлеб или огонь, ибо это может оказаться далеко не в пользу хлеба, но я глубоко убежден, что нельзя эти два понятия выстраивать одно за другим в затылок: они равны и стоят оба в первом ряду — и хлебороб, и сталевар, и ученый, труд их одинаково достоин уважения и поклонения, и нельзя отдавать предпочтение одному за счет других: литература не может развиваться нормально, стоя на одной узкой платформе, сколь ни казалась бы она широкой ее почитателям.

Проблем в литературе много, но наличие проблем вовсе не означает, что мы топчемся на месте; литература движется, и на пути у нее, очевидно, будут возникать еще и еще разные нерешенные дела. Но чем правдивее мы будем перед жизнью, перед собой и перед литературой, чем смелее будем говорить о том, что мешает нашему общему движению, а главное — чем смелее и решительнее будем устранять недостатки и просчеты, тем здоровее будет творческая атмосфера, тем дружественнее и терпимее мы будем относиться друг к другу, к разным литературным наклонностям и талантам.

Николай ДАМДИНОВ

(БУРЯТСКАЯ АССР)

Бурятская пословица гласит: «Драгоценный камень, чем больше держишь его в обиходе, тем больший блеск приобретает». Слова «дружба», «братство народов» у нас находятся в ежедневном обиходе, но они от этого не тускнеют — они, подобно драгоценному камню, становятся только ярче.

Мы говорим о сотне языков, населяющих нашу страну. В чисто лингвистическом отношении мы пишем на многих языках, но по смыслу, по содержанию мы пишем на одном языке — на языке советского народа. Можно объяснить, почему так охотно и много переводят у нас в стране и стихи и прозу: легко и радостно переводить автора, который по смыслу, по содержанию говорит на одном с тобой языке.

Недавно поэт Константин Ваншенкин хорошо сказал в своей статье, опубликованной в «Литературной России»: «У нас есть узаконенный термин «братские литературы». Это не просто слова. В России трудно найти поэта, который бы не переводил своих собратьев, отдавая все, что имеет, — талант, силы, страсть». Я подтверждаю глубокую справедливость вышесказанных слов. Много сделали, например, для бурятской поэзии известные русские поэты — Михаил Луконин, Евгений Евтушенко, Олег Дмитриев, Владимир Карпеко, Семен Липкин, Юрий Панкратов, Александр Николаев, Станислав Куняев и другие.

Бурятская советская литература в меру своих сил вносит вклад в общее дело. Сегодня это развитая многожанровая литература. Определенные успехи имеет бурятская проза. Не обойдены ни история, ни современность. Если, скажем, Исай Калашников вводит читателей в жестокий, страшный мир феодальных раздоров в Монголии XII века, а Михаил Жигжитов и Африкан Бальбуров повествуют о 20 — 30-х годах, то Бараднй Мунгонов пишет роман о буднях председателя сегодняшнего колхоза, а Цыден-Жап Жимбиев рассказывает о нелегком труде доярок.

Для поэзии Бурятии характерно стремление философски осмыслить действительность. Романтические и реалистические краски соседствуют в ней друг с другом, обогащая ее звучание, расширяя ее возможности.

Наш космический век ставит перед поэзией новые задачи. В общих чертах космической темы касались еще Ломоносов, Тютчев.

А вот следующие строки мог написать только сегодняшний поэт — замечательный мастер Леонид Мартынов:

Это почти неподвижности мука —
Мчаться куда-то со скоростью звука,
Зная прекрасно,
что есть уже где-то
Некто летящий со скоростью света!

Говоря о космической теме, не надо умалять и бытовую тему; тем более не надо противопоставлять их. Поэма Маяковского «Про это», как известно, поэма о быте. Но до каких звездных высот поднята она!

Поэзия в наше время требует особой сосредоточенности и глубины. Суетливость и серьезная писательская работа — две вещи несовместные.

Анатолий СОФРОНОВ

(МОСКВА)

Наше искусство, в том числе и театр, многое сделали для художественного отражения жизни советского народа. Пьесы Горького, Тренева, Афиногенова, Билль-Белоцерковского, Киршона, Ромашова, Погодина, Корнейчука, Леонова, Вишневского были первыми маяками, первыми звездами нашего советского театра. В них нашли выражение все тенденции новой драматургии, которые надлежало развивать в дальнейшем. Создавался качественно новый театр. Театр социалистического реализма. Революционный театр. Театр, верный народу.

Там, где театр, художники театра смело подходят к явлениям нашей жизни, пытаясь рассмотреть существо этих сложных явлений, даже при некоторых несовершенствах драматургии, там они побеждают. Так было с бокаревскими «Сталеварами» во МХАТе, поставленными Олегом Ефремовым.

К сожалению, в последнее время у некоторых режиссеров столичных театров, в том числе и главных режиссеров, появилась некая безапелляционность: не дав себе труда разобраться в пьесе, такой режиссер определяет все сам: что вписать, что вычеркнуть. Когда-то в театрах работали авторитетные художественные советы. Сейчас они тоже есть, но деятельность их мало известна. Они состоят из актеров и режиссеров данного театра. Думаю, абсолютно на равных правах должны там быть и ведущие драматурги. В художественных советах должна вестись принципиальная работа по отбору репертуара каждого театра. Мне представляется, что назрела необходимость и в том, чтобы Министерства культуры СССР и РСФСР более активно и оперативно вмешивались в работу театров, помогая им в отборе репертуара, осуществляя постоянное руководство театрами.

Мне кажется, одним из важнейших вопросов работы наших театров и нашей драматургии является вопрос о комедийном и сатирическом жанре. Надо ли говорить, как любят зрители этот жанр? На нашей памяти остались комедии Шкваркина, Ромашова, Корнейчука, Катаева, Мдивани. Я хочу также сказать о том большом месте, которое в жанре сатирической комедии занимает Сергей Михалков. Не могу не назвать и последнюю работу Виктора Розова «Четыре капли» — несомненную удачу драматурга.

Жанр сатиры — сложный. У нас ведь нередко бывает так. Говорят: «Давай сатиру!» — а когда она появилась, говорят: «Не остро ли?» Да, да. Должно быть остро, а не плоско и примитивно.

Не пора ли подумать и о том, чтобы укрепить некоторые наши театры за счет талантливой российской режиссуры, из так называемой провинции, которая обрела опыт, знание современной жизни, понимание времени и партийности?

Театр всегда был трибуной общественного мнения. Порой мы автоматически повторяем эти слова, а порой стали, видимо, забывать их, когда на сценах уважаемых, даже академических театров появляются спектакли приглушенной тональности, поставленные как бы при вечернем свете.

Театр должен всегда оставаться трибуной нашего советского времени, быть ясным для народа и сильным в выражении патриотической любви к своему народу и к своей Родине!

Лев СОРОКИН

(СВЕРДЛОВСК)

В докладах, которые мы услышали на съезде, прозвучала забота о литераторах моей огненной земли. Я не оговорился, называя огненной землею Урал. Созидательный огонь на Урале всюду. Понятно, что этот огонь освещает и наш литературный цех, на его работе не может не сказаться высокий промышленный потенциал Свердловской области. Хочется, чтобы литературная продукция Урала была достойна умельцев огненной земли, чтобы критика, этот своеобразный ОТК, могла чаще ставить Знак качества на наших книгах.

Я не собираюсь перечислять все книги свердловчан. Скажу только, что приход молодой смены в литературу может поднять областную организацию на новый уровень, о чем свидетельствуют произведения В. Крапивина, Г. Бокарева, В. Туболцева, Н. Голдена.

Для этого не стоит жалеть ни сил, ни времени, как это было, когда В. Очеретин и В. Шустов помогли Н. Голдену пройти путь от первого рассказа до вступления в Союз писателей. Это пример литературного наставничества. Хочется, чтобы съезд призвал всех видных мастеров слова стать литературными наставниками. Это, на наш взгляд, самый верный способ быстрого омоложения писательской армии. Литературные наставники должны помочь молодым стать закаленными идеологическими бойцами, понять, что талант обретает общественное звучание, когда он обогащен жизнью, когда он отдан на служение народу, когда писатель становится еще и философом, и экономистом, и социологом.

Особенно это относится к молодым критикам. Они обязаны быть литературными первопроходцами, указывая писателям месторождения новых проблем и конфликтов.

После памятного постановления ЦК КПСС мы создали секцию молодых критиков, что их заметно активизировало. И все же критики растут медленнее прозаиков и поэтов. Молодые критики, как правило, прошедшие путь: школа — филологический факультет, берутся судить о книгах, часто совсем не зная того, что знают о своих героях авторы этих книг. Может быть, стоит подумать Литфонду СССР и журналам о специальных средствах для творческих командировок молодых критиков? А то сейчас областные газеты иной раз выдают за критические статьи субъективные заметки квалифицированного читателя. Может быть, честнее ввести постоянную рубрику читательских отзывов? Это, кстати, помогло бы выявить способных людей.

Мы в Свердловской писательской организации, чтобы проверить жизненность, правдивость наших книг, узнать о проблемах, которые волнуют сегодня рабочих, воинов, обратились к читателям. Встречи с ними всегда острый, конфликтный разговор о проблемах нашего времени. Например, на встрече с учеными-биологами для всех стало очевидно, что борьба за сохранение природы — это борьба не только за будущее земли, но и борьба за нашего современника, борьба за его характер. Мещанское, потребительское отношение к природе наносит непоправимый вред не только окружающей среде, но и калечит подрастающее поколение.

В заключение хочется заверить: свердловские писатели всегда стояли и будут стоять на твердых партийных позициях, пятилетку качества они считают своей! Чем выше будет мастерство писателей, тем более боеспособными помощниками партии они будут.

Виктор РОЗОВ

(МОСКВА)

Один молодой автор принес мне пьесу. Действие происходит на вагоноремонтном заводе. Я обсуждаю ее с автором и говорю: «Вероятно, у вас все верно, но читать вашу пьесу скучно». Но молодой автор говорит: «Все происходило именно так, я ничего не выдумал». Но творчество — это не списывание с натуры. Природа для художника — только строительный материал. Черпая материал из жизни, художник создает новую, «художественную» реальность. Она-то и обогащает реальную реальность. Она даже квинтэссенция реальности. Причем художественная реальность на сцене может быть с занавесом и декорациями, но может ничего не терять и без них.

Я отнюдь не хочу опорочить пьесы своих товарищей, написанные на исторические темы или о реально живущих сейчас людях. Мне очень нравятся «Большевики» М. Шатрова или новая пьеса А. Штейна об Александре Блоке, и все же лично мне не хватает в драматургии новых людей, сотворенных авторами.

Ведь именно в них бесценный элемент, излучающий особо воздействующую на меня энергию — энергию творчества. Факт — он может быть только трамплином для полета творческого воображения, даже сам по себе интересный и хорошо трактованный, но этого мало. Продукт творчества — это действительно радий: «В грамм добыча, в год труды», — и уже использовать эту энергию можно поразному, в самых разных целях. Важно, чтобы был элемент радия, излучающей его силы.

Мне кажется, сейчас распространен умственный подход к писанию пьес, а не творческий, и это досадно. Из умственного подхода к вещи возникают, на мой взгляд, два последствия. В центр внимания автора попадает не человек, а явления. Это особенно относится именно к драматургии. Актер, воплощающий пьесу, не может играть пейзаж или интерьер. Он может глубоко и тонко чувствовать всю гамму страстей человеческих — от восторженного экстаза до самых пределов отчаяния—и об этих восторгах и страданиях поведать зрителям, и зритель в процессе сопереживания чему-то научится, что-то поймет не только головой, но и сердцем, всем своим существом. Практический подход к пьесе даже с самыми добрыми намерениями коварен. Пьеса леденеет от излишества ума, от практичности.

Вторая опасность — спутать современность со злободневностью. Я люблю злободневные пьесы. Скажу даже — успех злободневной пьесы, да еще если она написана горячей рукой, часто превосходит успех пьесы и классической.

И эти злободневные пьесы делают свое доброе дело, но, к сожалению, когда это злободневное явление уходит в прошлое, пьеса умирает. Погоня за злободневностью приводит к тому, что золотой запас советских пьес не богат. А о нем надо думать. Золотой запас нужен всегда. Автор злободневных пьес похож на человека, у которого порок сердца, но он занозил палец и, забыв о своем больном сердце, занят вытаскиванием занозы. Дело важное, но не самое важное.

Мне кажется, часто наши театральные критики при анализе спектаклей и пьес мало уделяют внимания именно анализу работы с точки зрения — явление это искусства или явление иного порядка.

Пьесы не делаются, пьесы рождаются. Тогда это то чудо, на исполнении которого и хочет присутствовать зритель. Конечно, рождение на свет божий талантов ни от кого не зависит, но хочется думать, что верная ориентация, которую могут давать наши театральные критики, поведет авторов, особенно молодых, в сторону верной дороги. Я за то, чтобы наши критики дорого ценили грамм радия. Он — редкость!

● ОКОНЧАНИЕ НА 8-Я СТР.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Г. И. СЕРЕБРЯКОВОЙ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Галины Иосифовны Серебряковой секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«В день Вашего знаменательного юбилея сердечно поздравляем Вас, крупного мастера исторического романа, писателя-коммуниста более чем с полувековым стажем, боевого соратника и товарища, и желаем всего самого наилучшего.

Выйдя из семьи профессионалов-революционеров, Вы с самых зоревых, юных лет вступили в ряды большевиков, участвовали в битвах гражданской войны, в затем, получив образование, стали деятельным сотрудником центральных газет, постоянно находясь на наиболее ответственных, передовых участках идеологической борьбы.

Поэтому в Международный год женщины, с которым совпал Ваш творческий юбилей, особо приятно вспомнить, что начало Вашей писательской работы было положено именно книгой «Женщины эпохи французской революции», книгой, которая впервые вышла в свет в 1929 году, выдержала много изданий и разошлась большими тиражами не только у нас в стране, но и за рубежом.

По многим странам и континентам прошли также изданные на языках мира трилогия «Прометей» и роман «Предшествие», где ярко и талантливо запечатлены черты гениальных мыслителей, учителей и вождей рабочего класса — Карла Маркса и Фридриха Энгельса, их боевой дух, их гуманизм, несгибаемая сила оптимизма, их революционная страстность.

Советские читатели с большим интересом приняли и Вашу книгу «О других и о себе», где с присущим Вам мастерством рассказывается о встречах с В. И. Лениным, Н. К. Крупской, Ф. Э. Дзержинским, М. В. Фрунзе, А. М. Горьким, С. М. Кировым, Д. А. Фурмановым, с другими большевиками-ленинцами.

Наряду с творческой работой Вы всегда принимаете активное участие в общественной жизни Союза писателей СССР.

Ваш большой вклад в дело развития советской литературы отмечен высокими правительственными наградами — орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

От всей души желаем Вам бодрости, долголетия и новых творческих подвигов во славу партии и народа».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Если бы мифический герой Прометей взялся писать мемуары, то, наверное, главное внимание уделил бы не описанию своих страданий и мук, а поведал о жажде борьбы, верности идеалам, непокорности, стремлении к свободе, готовности вновь бороться за счастье людей!

Тем более — борцы-коммунисты. Как ни тяжелы бывают выпавшие на их долю испытания, они не заслоняют главного: служения великой цели — коммунизму, за осуществление которой они борются всегда и везде, и остаются верны ей до последнего дыхания.

Лучшие люди партии, борцы революции всегда были образцом для Галины Серебряновой. Им она посвятила немало произведений. Очерки, воспоминания о выдающихся большевиках-ленинцах составили запоминающуюся страницу творчества писательницы. Открывает а новелла о В. И. Ленине.

...С ре юционной темы начался п. е Галины Серебряновой в литературу. Первая же книга — о женщинах эпохи французской революции — принесла известность молодой писательнице. Следующее произведение — «Юность Маркса», положившее начало трилогии под общим названием «Прометей».

Тридцать лет отдано писательницей этому главному труду ее жизни. Художнически осмыслить громадный исторический материал, воссоздать образы Маркса, Энгельса, друзей и врагов международного пролетариата — эта титаническая работа под силу лишь человеку высокоидейному, глубоко убежденному в необходимости для людей такого полотна. Читатель нашел на страницах трилогии ответ на многие вопросы общественного развития, открыл для себя диалектику «ураганной силы» Маркс оной мысли, еще раз убедился в несокрушимости исторического движения народов к коммунизму. Всеми средствами, доступными художнику-коммунисту писательница убедительно доказывает, что учение Маркса и Энгельса впервые в истории человечества дало возможность познать научные законы развития общества, показать истинные движущие силы человечества, его прошлое, настоящее, будущее. Подвижническая работа Маркса открывается нам в трилогии с новой силой.

Книги Г. И. Серебряковой и сегодня вооружают в борьбе против ревизионистов марксизма и справа, и слева.

Писательница родилась и выросла в семье профессиональных революционеров. Сама начала сгущить революции с четырнадцати лет. Все ее творчество — это последовательное утверждение идеалов, которым посвятили себя лучшие люди эпохи пролетарского интернационализма.

Сделано много. За плечами — 50 лет творческого труда, писательский и гражданский подвиг. И он продолжается.

Павел БОГДАНОВ

Л. К. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Людмилы Константиновны Татьяничевой секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В День Вашего юбилея примите наши самые сердечные поздравления. Ваше поэтическое творчество широко известно в любом краю нашей необъятной родной земли. Знают его и в ряде зарубежных стран. Вы — автор более сорока поэтических сборников, заслуженно получивших и широкое народное признание, и высокую оценку: Вы — лауреат Государственной премии РСФСР. Ваш поэтический труд четырежды отмечен высокими правительственными наградами — орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени.

Вашей поэзии свойственны высокая гражданственность и лирическая взволнованность. Стихи Ваши всегда остросовременны. Главный герой Вашей лирики — советский человек — созидатель, труженик, воин. Магистральная тема Вашей поэзии — металлургический Урал, рабочий человек с мастерком в руке или у мартенов, доменных печей, женщины-труженицы, жены, матери, подруги, в целом трудовая, дружная, многонациональная рабочая семья.

На протяжении всей своей творческой жизни Вы много времени, массу энергии и сил отдаете общественной деятельности. Десять лет Вы отдали активной работа на посту ответственного секретаря Челябинской писательской организации, депутата Челябинского областного Совета депутатов трудящихся, избирались кандидатом в члены Челябинского обкома КПСС и членом районного комитета партии. С 1958 года Вы член правления Союза писателей РСФСР, а с 1965 года — секретарь правления СП РСФСР. На V съезде писателей СССР Вы были избраны членом правления Союза писателей СССР.

Много внимания и повседневной заботы Вы проявляете в деле воспитания новых молодых сил советской литературы.

От всей полноты чувств желаем Вам доброго здоровья и новых больших творческих успехов».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Людмиле Татьяничевой повезло. Она — с Урала, с того самого Камня великого, и востоку от которого пролегла Сибирь, а к западу «изначальная», черноземная и нечерноземная, полевая и индустриальная Русь-матушка. Место для духовного обзора, для очарования красотой, можно сказать, самое наиподходящее.

Юность Татьяничевой прошла у доменных огней первых пятилеток Челябинска и Магнитогорска. Там-то он и явился к ней, уральский Пегас — конь-огонь:

...Внезапный как стрела,
Конь-огонь.
Не знающий седла.

Явился из народной сказки, от каменного цветка Бажова и потребовал дара в благодарном слова красоты и мужества. И слово это нашлось! Стало тропинкой, а потом — дорогой, дорогой от строки к строке, от человека к человеку, от книги к книге, от Челябинска до Москвы и далее — по всей стране, через все, чем счастлив был народ, через все, что он выстрадал, — через войну к Победе, через послевоенное строительство — к космическому подвигу Гагарина... Все, все нашлось сердца поэта, все отзывалось в нам и сказывалось в слове — искреннем и нежном, искреннем и гневном, искреннем и гордом... И вот она — зрелость!

...Выйдет зрелость —
Конь мой коренной,
Крепкогрудый,
масти вороной.
Умница,
Послушный седоку,
Он меня подхватит
на скаку.
Дам ему отборного овса
И с надеждой
загляну в глаза:
— Конь мой сильный,
Конь мой коренной,
Расставаться не спеши
Со мной!..

Но, к сожалению, говорит поэтесса, у нее «есть и четвертый конь» — конь усталости, «конь студеных зим». И тут же как бы отталкивает эту мысль:

Но пока еще не время мне
О последнем
Говорить коне!

Верно, Людмила Константиновна! Верно. Не время! Порукой тому — маша любовь к Вам, любовь товарищей по перу, любовь многочисленных читателей Ваших. И, конечно же, Ваш уральский характер — озорной и неприклонный. И свидетельство тому — в Ваших же стихах:

Мы из тех,
Нестареющих,
Кто без устали трудится,
И раскованно верящих,
Что все лучшее —
Сбудется.
Мы из тех,
Непреклонных.
Смертью мечеными
в юности
Кто подходит с поклоном
Только к Правде
И к Мудрости!

Так держать, Людмила Константиновна!

Егор ИСАЕВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Николай РОГАЛЬ

(ХАБАРОВСК)

Писатели - дальневосточники, наш журнал «Дальний Восток» стремятся продолжать еще по инициативе Горького начатый рассказ о трудовых делах земляков, переменах в их жизни, коренных изменениях в облике самого края. Темы современности ныне определяют главное направление творческих поисков. После обсуждения на пленуме союза вопроса «Писатель и пятилетка» заметно возросло внимание к очерку, публицистике; в прозе проявляется стремление к более широкому охвату явлений, герой лучших наших произведений — человек труда.

Я мог бы назвать имена писателей, в творчестве каждого из которых главным стала современность: Павла Халова (его последний роман «Цель вижу»), Григория Ходжера (трилогия «Амур широкий»), Юрия Васильева и Георгия Халилецкого, Станислава Балабина и Николая Фотьева, Олега Щербановского и Владимира Клипеля; молодых литераторов: Игоря Еремина, Александра Плетнева, Вячеслава Сукачева, Бориса Машука, Владимира Коренева.

Наша многонациональная литература, призванная отображать жизнь народа, его свершения, вдохновляемая ленинской идеей коммунистической партийности, выполняет роль летописца эпохи коммунистического строительства.

Плодотворным и заслуживающим внимания является обнаружившееся в произведениях последних лет стремление рассматривать проблемы жизни «гражданской» и «военной» в комплексе, взаимосвязанно. Для писателей пограничного края это не только «специфика» — это их прямой гражданский долг!

У нас есть опыт совместной с издателями работы по выпуску нескольких серийных изданий: «Библиотека дальневосточного романа», «Дальневосточная героика», начато издание библиотеки строителя БАМа — «Мужество». Свое место в этих изданиях занимают книги о том, как русские люди — землепроходцы, крестьяне, мореходы — открывали и обживали земли нашего Приамурья, Приморья, Камчатки, Сахалина и Курильских островов... К сожалению, киностудии, Центральное телевидение и театры не учитывают пока по-настоящему актуальности такой тематики сегодня.

В большей мере, чем прежде, внимание союза должна привлечь краеведческая литература, которая возникла давно, живет и развивается, пользуется большим успехом у нашего и зарубежного читателя. В деле познания своей Родины, воспитания советского патриотизма, бережного отношения к природе — проблеме глобального значения — труд большого отряда писателей-краеведов нельзя переоценить. Не подумать ли нам о создании совета по краеведческой литературе?

Наш писательский съезд демонстрирует кровную, неразрывную связь творческой интеллигенции России с народом, с родной Коммунистической партией. В этом — залог новых успехов литературы России.

Виктор АСТАФЬЕВ

(ВОЛОГДА)

Из отдаления оглядывались на войну, разбираясь в ней и в людях, с которыми довелось воевать, жить, а следовательно, мыслить, двигаться вперед не только в смысле километров, но и в возрасте, я с удивлением обнаружил, что взвод управления артиллерийского дивизиона, в котором довелось мне воевать солдатом, живший одной жизнью и целью, работу выполнявший одну и ту же, разнился все-таки в чем-то далеко не маловажном.

Почти все молодые бойцы нашего взвода убиты или ранены, и не по разу ранены. Среди взрослых же, или «старичков», как мы именовали старших бойцов, урон совсем незначителен. И не потому, что они были слабее нас, меньше работали, меньше сделали, наконец, для Победы. Нет, просто они были мудрее нас, осмотрительнее; и, как это ни поразительно мне теперь сознавать, для Победы, для достижения мира на земле сделали больше не мы, шибко горячие, порой форсисто, но безволово воюющие, а они, эти спокойные, несуетные трудяги войны.

Что-то от тех наших, старых, добрых, домовитых солдат-окопников, перед которыми я чем дальше живу, тем ниже склоняю голову, осталось во фронтовиках, вступивших затем на разные трудовые поприща в том числе и на литературное.

Без шума, грома, без ужимок и битья себя в грудь кулаком, упрямо прокладывали свой путь в литературу вчерашние бойцы. Вот почему правомерностью стало, что к зрелому возрасту бывшие фронтовики в спокойном, вдумчивом, часто мучительном наступлении заняли ведущее положение в литературе. Бондарев и Быков, Юрий Гончаров и Михаил Алексеев, Абрамов и Носов, Тендряков и Нагибин, Курочкин и Крутилин, Богомолов и Константин Воробьев — вот далеко не полный поименный список бывших фронтовиков одного лишь поколения, без которого не только невозможно представить современную литературу, но которое и определяет ныне ее устойчивое положение.

Но не о себе уже забота фронтовиков, а о тех, кто составляет другую половину боевого взвода, и речь не о тридцати- или сорокалетних — и Распутину, и Белову, и Потанину, и Лихоносову, и Шугаеву, и Георгию Семенову нет надобности числиться в «молодых», они вполне самостоятельные, взрослые писатели, умеющие не просто профессионально, а высокопрофессионально вести свое литературное хозяйство. Речь о действительно молодых, точнее, о той части молодых, которые некуются не о литературе, а о себе в литературе. Над их произведениями, как заранее выданный вексель, можно прочесть вывеску: «участник» такого-то совещания, конкурса, семинара. Совещания-то и семинары все разные, в разных местах происходят, но есть в лице некоторых их участников стремление поскорее увидеть не столь даже свое произведение, а имя, жажда скорее мелькнуть в печати, попасть в Союз писателей.

...Нынешней осенью в глухой вологодской деревне ломали начальную школу на дрова и дом по соседству с нею. Я смотрел на самодельную азбуку, на самодельные стоячие счеты, на парты, сколоченные деревенскими плотниками, на весь тот бедный и священный для нас уклад и справу той школы, где все мы наяву, в натуре, так сказать, пользовались предоставленным правом на образование и откуда вышли в люди.

Бывая в современных школах, я радуюсь их современному устройству, быту, обстановке, радуюсь за детей, которые учатся в них, но все-таки люблю и никогда не перестану любить и быть благодарным той школе, где учился по самодельной азбуке читать и счету на палочках, сделанных из лучинок. Нетипично? Отстало? Деревни обречены на слом и вымирание — слышно беспрестанно и отовсюду. Но они еще не вымерли, они еще живут и работают, и в них, как правило, доживают свой век те люди, которым все мы, от мала до велика, обязаны. Это бывшие организаторы деревенской жизни, участники — большей частью инвалиды — войны, и их не сотни, не тысячи, их миллионы!

Споры о научно-технической революции и космическом будущем — хорошие и, наверное, нужные, но еще нужней забота о людях живых, и особенно доживающих; и не только о материальной стороне, материально-то они невзыскательные, благодарные труженики наших русских сел живут сейчас лучше. Им, поднявшим нас и государство, выдержавшим войну, все без остатка отдавшим для Победы, мы должны не только поклониться до земли, но и обязаны работать для них так же честно, самоотверженно, как работают они.

Михаил ЛУКОНИН

(МОСКВА)

Многонациональная наша поэзия представляет собой уникальный, удивительный для всего мира сплав поэзий, взаимосвязанный всем опытом исторической общности наших народов. И если, по общему нашему признанию, в этом сплаве связующей силой является русская поэзия, можно представить всю важность ее состояния и нашу заинтересованность в ее развитии.

Как поэт России я и горжусь, и одновременно разделяю с другими русскими поэтами чувство ответственности за высокую принадлежность к современной русской литературе.

Многое в нашей поэзии беспокоит и вызывает чувство неудовлетворенности.

Очень силен поток серости, он не убывает, к сожалению, пробивая себе дорогу на газетные и журнальные полосы, на полки книжных магазинов.

Главное в том, что критика в своей работе не создает критериев художественности и самобытности, она комментирует явления, не вскрывая всей глубины лучших произведений поэзии, обходила и обходит вниманием многих больших поэтов.

Нужен прямой, товарищеский разговор о том, как современная поэзия осваивает художественные идейные традиции советской литературы, как следует им, насколько она народна и отвечает ли ленинским принципам партийности. Именно в ослаблении идейной активности и внимания к насущным интересам времени и кроется причина заметного отставания поэзии от прозы.

Критика за время после соответствующего решения ЦК нашей партии по критике сделала одно большое и важное дело — предала забвению критическую дубинку, сдала ее в музей первобытной культуры. Но такое впечатление: сдать-то она сдала, а сама как-то растерялась, осталась как бы безоружной. Она стала вежливой, даже обходительной и даже галантной. Но жизнь требует борьбы за высоту и чистоту поэзии, и с критики никто не снимал задачи быть принципиальной.

Большой бедой нашей поэзии стало так называемое «мелкотемье», попросту говоря — бессодержательность, видимость поэзии.

Очень сильна у нас волна своеобразного поэтического «культурничества» — играя мускулатурой, поэты часто оперируют пустыми никелированными гирями. Это очень вредно. Талантливой, оснащенной всеми средствами художественной выразительности, нашей поэзии надо брать на себя большие задачи.

Вот к чему должна быть направлена критика, а она мельчит, ищет обходные пути. Так, например, кто-то вдруг решил разделить поэзию на интеллектуальную и на другую — всю остальную. И пошла растасовка! А еще придумали обиходный эталон — «тихая поэзия». Не знаю, кто придумал первый, но, кажется, первым попал в эти силки Владимир Соколов. Может быть, потому попал, что его годами замалчивала эта же самая критика.

Можно найти и «тихого» прозаика — вот он, Юрий Бондарев, с его «Тишиной».

Вообще этот термин лучше применим к критике. О скольких еще замечательных поэтах критика говорит так тихо, что ее совсем не слышно!

А судьбы поэтов! Разве это не предмет внимания критики? Подумайте, почему так часто гаснут наши молодые надежды? Это тоже — поле критики. А наукообразные уловки вроде «тихой» или «интеллектуальной» — это от слабости.

Поэзия не может быть не интеллектуальной, как не может быть не эмоциональной. Поэзия — это мысли сердца. Вот критика, конечно, должна быть интеллектуальной. Самая пора и для критики, и для поэзии посмотреть в лицо друг другу.

Многим критическим работам не хватает ощущения живого, игры мысли и слова, юмора, так необходимого в разговоре с людьми. Критике нужен стиль. Все это надо развивать у творческой молодежи, идущей в критику с университетскими рефератами под мышкой.

Хочу подчеркнуть, что все сказанное пусть критики не берут на себя. Речь идет о нашей критической атмосфере, о процессе, а мы, поэты, как известно,— тоже участники критики. Литературе сегодня очень нужно появление новых критических талантов.

Едва ли кто будет сомневаться в том, что поэзия — самая высшая форма движения слова во времени и пространстве. Пусть наше слово движется в направлении идейных, моральных и нравственных, коммунистически нравственных вершин нашего молодого и зрелого советского человечества, берет на себя большие задачи созидания.

Василий ЮКСЕРН-СТОЛЯРОВ

(МАРИЙСКАЯ АССР)

Ыван Кырля, известный марийский поэт и киноактер, исполнитель роли Мустафы во всемирно известном кинофильме «Путевка в жизнь», еще в 30-х годах, выражая чувства всех наших писателей, говорил: «Запел всем сердцем многострунным сегодня мой народ — Мари!»

Бьющееся в такт сердцам братских народов СССР «многострунное сердце народа мари» красочно проявляется в его художественной литературе. Литераторами Марийской республики лишь за отчетный период создано 11 романов, 37 повестей, выпущено около 50 стихотворных сборников, несколько трудов по литературоведению и критике, на сцене национального государственного театра поставлено более 10 новых спектаклей по пьесам наших драматургов.

Вот что такое «племя первобытное».

В нашей литературе активно участвуют Сергей Николаев и Миклай Казаков, Вениамин Иванов и Макс Майн, Геннадий Матюковский и Ким Васин, Александр Юзыкайн и Аркадий Крупняков, Миклай Рыбаков, Зинаида Каткова, Семен Николаев и др.

Современная марийская литература стала более емкой по тематике своей, идейной, содержательной, боевой по духу, яркой, выразительной, звучной по форме и художественным коллизиям. Все это дало ей возможность выйти на широкие просторы нашей страны: теперь книги марийских авторов читаются на 27 языках народов СССР и 9 зарубежных.

В 1975 году вступила в действие программа преобразования Нечерноземья, которая призвана сыграть историческую роль в судьбах огромного края в центре России — района колоссальных потенциальных возможностей, как сказал Л. И. Брежнев. Нечерноземье по праву называют второй целиной. Найти формы и методы для художественного преломления и воплощения того энтузиазма и того высокого трудового накала, которыми охвачены сейчас наши люди, — проблема номер один в творческой деятельности наших писателей.

К сожалению, эта большая, благородная тема в произведениях наших писателей, да и не только наших, находит пока еще воплощение лишь в очерковом жанре, художественной публицистике.

Вообще-то нужно сказать, что художественная публицистика девятой пятилетки стала заметным явлением литературной жизни. Бойцы этого жанра выпустили несколько книг очерков, посвященных труженикам сельского хозяйства. Но надо заметить, что не многим очеркистам пока удается раскрыть в полной мере и убедительно психологию сегодняшнего крестьянина — сельского рабочего. Это объясняется, очевидно, недостаточным знанием современной сельской жизни. В связи с этим заслуживает одобрения поход литераторов в село: Аркадий Крупняков и Геннадий Егошин стали членами коллектива сельских тружеников.

В последнее время вышло немало произведений на исторические темы. И вот приходишь к мысли, что не только среди писателей, но и теоретиков-литературоведов нет полной ясности в вопросах историзма. Принимая это во внимание, мне кажется, назрела необходимость провести научно-теоретическую конференцию по проблемам историзма в современной художественной литературе.

Владимир ПОПОВ

(МОСКВА)

С высокой трибуны нашего съезда хочу поговорить о славных деяниях нашего рабочего класса и напомнить о том, что мы, писатели, еще довольно робко осваиваем материк рабочей темы. Но прежде — о подвигах человека труда.

Свершения познаются в сравнении. Возьмем для сравнения первый год первой пятилетки и последний год девятой пятилетки.

Подойдем к старому металлургическому заводу. Все тогда делалось вручную — вручную под открытым небом грузили материалы для плавки, плечом толкали вагонетки к печам, вручную загружали материалы, потом начинали колдовать. За двенадцать часов колдовства выплавляли 30 тонн простейшей стали. Я говорю «колдовство», потому что и мастер не понимал того, что происходит в печи. Он варил сталь «на ощупь», по секретам, которые постигал годам к пятидесяти, и никому не открывал этих секретов.

А войдите сегодня в конверторный цех. Каждые 45 минут — 300 тонн стали. И какой!

Современный рабочий — это человек, который разбирается во всех нюансах технологии и охотно делится своими навыками и знаниями, потому что легко их получил. И если брать в общем объеме, то в первый год первой пятилетки было выплавлено 4,3 миллиона тонн стали, в последний год девятой пятилетки ожидаем получить около 142 миллионов тонн. Как говорится, комментарии излишни!

Существует мнение, что о производстве хорошо и правдиво может написать лишь человек, не один год поработавший на заводе или фабрике. Но Галина Николаева не работала ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности, а создала два прекрасных романа — «Битва в пути» и «Жатва». Необходимо изучить предмет, о котором собрался писать, тогда изображенное получится правдивым, достоверным.

Зайдем на «Уралмаш» — завод заводов, как называл его Максим Горький. Он выпускает гигантские экскаваторы весом 10 тысяч тонн с ковшом в 100 кубических метров. А заглянете в научно-исследовательский институт при «Уралмаше». Там трудятся шесть тысяч научных сотрудников, инженеров и техников.

Когда советские рабочие начали строить в Индии Бхилайский металлургический комбинат, один из английских промышленников сказал, что он съест первый фунт индийской стали, если это получится... Не знаю, выполнил ли он свое обещание, но специалисты дали нашей работе очень высокую оценку. Один индийский рабочий подошел ко мне в цехе и на русском языке сказал: «Я очень хотел бы, чтобы вы передали мои слова вашему правительству. Мы вам очень благодарны за то, что вы помогли нам построить такой прекрасный завод. Мы очень благодарны вам за то, что вы присылаете к нам таких прекрасных специалистов. Мы понимаем, что такой завод и для вас самих был бы не лишним, и такие специалисты тоже. Мы вам очень благодарны за это».

И такими успехами, право, нельзя не гордиться. А значит, нам есть что рассказать о советском рабочем классе.

Расул ГАМЗАТОВ

(ДАГЕСТАНСКАЯ АССР)

Мы пишем на разных языках. По отдельным вопросам и проблемам у нас могут быть разные мнения. Борение мыслей и столкновение чувств никогда не покидает и не покинет нас, потому что волнение — это профессия писателя.

Но в одном, главном, вопросе у советских писателей нет и не может быть разногласий — это в нашей сыновней любви к социалистическому обществу, в преданности ленинской правде нашей партии. По горным тропинкам вел нас великий Ленин на широкий простор. Сейчас мы боремся не за межи полей аула, мы, писатели, стоим на границе нашей любви, нежности, мужества, нашей ленинской правды повсюду, ибо ленинская правда проходит через все земли континентов.

Мы признаем и утверждаем в искусстве национальное, колыбельное, родниковое начало. Но мы отрицаем, отвергаем националистическое как антилитературное дело, ибо оно приводит к безыдейности, рассчитано на временный, собственный успех и не служит великим, благородным целям.

Послушайте названия последних книг и произведений некоторых авторов из моей республики. Одна книга названа «Аварские тосты». Но у аварцев нет других тостов, кроме одного: пусть хорошо живут хорошие люди. «Даргинские партизаны» — названа другая книга, как будто у даргинских партизан были какие-то особые, отличительные черты, которых не было у партизан других народов Советского Союза. А вот еще — «Лезгинская улица», «Кумыкские степи», «Лакские горы» и т. д. Дагестан этим авторам кажется, наверное,

слишком большой страной, и они пишут: Аваристан, Даргинистан, Лезгинистан, Кумыкия, Лакия и т. д. А чтобы придать своим произведениям национальный колорит, им дают прошловековые названия: «Дерхаб», «Тамада», «Тост», «Рог», «Бурка», «Хинкал», «Табун», «Скакун», «Аул», «Годекан» и др.

Не мешало бы этим авторам вспомнить о словах Гоголя: «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа».

Известно, что литература в нашей республике издается на девяти языках. Но теперь появился на свет и десятый язык — язык подстрочный. Это язык халтурщиков, а само явление — не что иное, как паразитизм. Десятый язык — это язык фальшивомонетчиков, а фальшивомонетчики в литературе опасны так же, как и в жизни. Печально, когда в московском издательстве выходит книга, которая не существует на родном языке, с которой не знакомы ни родной читатель, ни товарищи по перу, ни писательская организация, ни местное издательство. Люди, имеющие литературный навык, сперва пишут подстрочник, потому что они не владеют достаточно хорошо родным языком, потом русский писатель делает художественный перевод и издает это «творение» в Москве. А после автор или его родственник переводит книгу с русского на родной язык.

Явление, о котором я говорю, присуще не только Дагестану. Поэтому центральным издательствам не мешает консультироваться по поводу поступивших к ним рукописей с союзами писателей республик. Ибо судить только по одним подстрочникам хотя и можно, но трудно.

Если человек талантлив и признан мы используем метод убаюкивания этого таланта излишними похвалами. Не когда мы чувствуем необходимость сказать правду в лицо, нас останавливает культ звания. Когда мне присвоили звание народного поэта Дагестана, известный вам Абуталиб сказал: «Поздравляю, Расул. Теперь пиши, как хочешь. Никто тебя не станет критиковать».

Я же думаю, что звание дают затем, чтобы авторы лучше писали. Ибо званне — это не привилегия, а ответственность.

Писатель, если он дорожит своей литературной судьбой, нуждается не в уважении к своему званию, а в понимании. Но очень часто и со многими у нас получается так, что звание исключает понимание и дружит только с комплиментом, с похвалой.

Уходит еще один год. Скоро состоится большое историческое событие — XXV съезд КПСС. Партией начертаны большие планы будущего. Осталось последнее двадцатипятилетие нашего XX века. И с этой трибуны мы говорим нашей партии: советские писатели были и останутся сыновьями века и Родины. Чтобы приблизить прекрасное будущее нашего народа, мы создаем прекрасные произведения, полные любви и удивления.

Сергей ОРЛОВ

(МОСКВА)

В искусстве все познается в сравнении. Только художники создают живые практические критерии художественной истины. Задача критики и общественного мнения — достойно, правильно осмыслить их. Этим благородным и трудным делом занимался и наш съезд писателей России.

Российская проза — точнее сказать, роман и повесть — занимает в литературе 70-х годов главенствующее положение. Оно объясняется не только возможностями романа и повести, их емкостью и многомерностью, не только талантливостью мастеров, создавших их. И в поэзии, и в драматургии есть мастера не менее талантливые, и, может быть, они найдутся и в критике.

Большая литература создается на основе больших гуманистических идей, на основе реальных ценностей, которые исповедуют общество, народ, человечество.

Проза 70-х годов рождена идеями, проверенными в пламени Великой Отечественной войны. Она провозглашает моральные ценности, омытые кровью миллионов солдат. Цель ее — человек и его будущее на нашей земле. Проза эта не только о войне, но и о мирной жизни современной деревни или современного города. Характеры, созданные ею, предстают в гражданской работе, высоких моральных принципах и яркой духовной динамике.

Мне всегда были непонятны призывы критики к достижению некоего общего уровня. Уровень — это критерий, который должен идти по ведомству Комитета стандартов, а не литературы. Литературе он противопоказан. Уровень, это то же море, — безбрежен, ровен, одноцветен.

Я смотрел в словари и вчитывался в определения слова «критерий». Философский словарь говорит, что критерием считается «общественная практика». Я бы добавил к этому старинное определение, запечатленное еще на берестяных грамотах, в наказах древним архитекторам: «Рубить в высоту, как мера и красота скажут».

Живыми практическими критериями в наших литературе и искусстве, кроме тех, которые отмечены государственными комитетами по премиям, являются, по моему глубокому убеждению, да и судя по выступлениям на съезде, те художники, которые «рубят в высоту».

Это Юрий Бондарев с романом «Берег», Леонид Мартынов с новыми стихами, художник Андрей Мыльников с картиной «Прощание». Это и удивительная творческая судьба Василия Шукшина, создавшего с помощью сопредельных искусств еще один незабываемый национальный советский русский характер. Кто-нибудь скажет: характер? Ну и что, этого, дескать, еще мало. Мало? Разгадать этот характер на протяжении 58 лет пытались не только «советологи» Запада за письменными столами, но и огромные фашистские армии на полях сражений. Не получилось и не получится, хотя прав ленинградский поэт Глеб Горбовский: «Загадочная русская душа...» Какая чушь! Она открыта — настежь...» И, добавлю от себя, открыта — для мира, счастья и содружества людей!

Александр Пушкин, Лев Толстой, Антон Чехов, Некрасов, Горький, Маяковский, Шолохов, Твардовский — оглядываясь на них, сознеряя современную прозу с традициями и ежедневными заботами, трудом нашего общества, видишь, что в обозреваемых нами литературе и искусстве есть вершины, которые радуют, обнадеживают и освещают истинным светом то, что сделано людьми.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ГОД

МЫ ЖИВЕМ В ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

1975 год — Международный год женщины.

Среди книг, рассказывающих о недавнем прошлом, о славных страницах нашей отечественной истории, о наших современниках — книг хороших и разных! — немало таких, авторами которых являются женщины.

Сегодня на вопросы корреспондента «ЛГ» И. Баранчиковой о творческих делах, планах, встречах отвечают московские писательницы И. Гуро, И. Ирошникова, Р. Казакова.

Ирина ГУРО:

— Недавно вышла моя книга «Ольховая аллея», посвященная выдающейся немецкой коммунистке Кларе Цеткин. Работая над антифашистскими романами, я все более и более углублялась в исторический материал, все более уходила в прошлое Германии, к биографиям замечательных людей этой страны. Так и пришла к Кларе Цеткин.

Я побывала в местах, связанных с ее жизнью и деятельностью. И Клара Цеткин открылась мне в новом ракурсе — и как личность, и как борец, и как человек. Мы знаем о Кларе Цеткин еще не все. Знаменитое выступление в рейхстага стало звездным часом выдающейся революционерки. Вот об этом я и хочу написать.

1975-й для меня — год поездок. Побывала в Польше, Бельгии, Голландии, Люксембурге. Впечатлений много, но они пока отрывочны, расплывчаты, не слились в одно целое. В них еще надо разобраться. Естественно, путевые записи станут основой для новой литературной работы.

Ирина ИРОШНИКОВА:

— Чем знаменателен для меня этот год? В преддверии его вышла книга «Эльжуня», а в Польше, вторым изданием — повесть «Здравствуйте, пани Катерина!». Обе книги — о женщинах и детях, о последствиях войны, о судьбах людей. Замысел этих повестей родился там.

Я участвовала во Всемирном конгрессе женщин, проходившем в Москве. И запомнила, как одна из делегаток, Нина Гусева, рассказывала об Освенциме, о детях Освенцима. Это был печальный рассказ. На одних нарах с Ниной Гусевой находилась маленькая Людочка Везлюдова. Эта белорусская девочка еще мало прожила тогда на свете, но горя и страданий на ее долю выпало столько, что... В общем, слов не хватает. Потом судьба разлучила Нину и Людочку. И через много лет след Людочки отыскался в Польше.

Жизнь этих женщин стала очень близкой для меня, влилась в творческую биографию. Этой теме было отдано несколько лет.

И еще... Недавно получила письмо от рабочих-немеровцев, где были строки, напомнившие мне о тяжелых военных годах, когда вся страна работала на нужды фронта. На немеровском заводе трудилась в годы войны и я. Этому, кстати, была посвящена моя первая книга «Где-то в Сибири». И вот письмо, и снова — воспоминания. Не меркнет с годами непосредственная атмосфера тех дней, подвиг мальчишек и девчонок — героев тыла. Так тема поднялась из глубин памяти и, вполне возможно, обернется повестью.

Меняются времена, но основа остается все той же. Закономерна преемственность отцов и детей, нерасторжима связь поколений. Об этом я хочу рассказать в своей новой книге.

Римма КАЗАКОВА:

— Когда-то я написала: «Быть женщиной — что это значит? Какою тайною владеть?» Мне казалось, что суть тайны этой — в женственности, в обаянии, во всем, что противостоит грубоватой и простоватой мужской силе. И что-то во мне протестовало против прямолинейно и однозначно понятого равноправия между мужчиной и женщиной. Но вот случайно, листая книгу стихов Леонида Николаевича Мартынова, я наткнулась на старое его стихотворение, начинающееся словами: «Я знаю, что женщины тоже крылаты...»

- Кому отдала ты свое равноправье...» — с горечью обращается поэт к женщине, которую хотел бы видеть героиней драмы, а не уютной деталью комнатного интерьера.

Нежная и обаятельная, женщина не должна забывать, что она получила не только право носить брюки, иметь короткую стрижку, но и право занимать законное место на стройке, где возводится высотное здание нового мира.

СЕМЬ ДНЕЙ В ДЕКАБРЕ...

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ РАЗРЯДКИ

СССР — надежный партнер

Тот самый символичный британский лев. Деловит, хвост энергично вздыблен, в одной лапе чемодан, в другой — заграничный паспорт. Это лев-финансист, изъездивший мировые столицы, его чемодан сплошь в наклейках: Париж, Нью-Йорк, Токио, Амстердам... Такой картинкой открывается серьезный документ — бюллетень, выпущенный «Мидленд Банк», одним из крупнейших английских банков. Читая его, я узнал, что вскоре на побывавшем во многих путешествиях чемодане появится еще одно слово — «Москва».

Я видел этот посвященный англо-советским торговым отношениям бюллетень на одном из деловых приемов. Речь в нем шла о том, что торговля между СССР и Западом развивается успешно, что наша страна — «величайший и самый важный рынок в Восточной Европе», что в девятой пятилетке Советский Союз значительно расширил экономические связи с промышленно развитыми капиталистическими странами. Добавлю от себя, что в проекте ЦК КПСС к XXV съезду предусмотрено дальнейшее углубление и расширение таких связей на долговременной основе.

Банкиры, авторы бюллетеня, апеллируют и к коммерческой амбиции бизнесменов. В первых же строчках звучит напоминание: еще несколько лет назад Англия занимала первое место в торговле СССР с развитыми капиталистическими странами, сейчас же она — на восьмом. Недавно Москва, говорится тут же, заключила крупные сделки с фирмами из Японии, Франции, ФРГ, Ирана. «Мидленд Банк» считает, что Советский Союз — партнер надежный, отношения с ним взаимовыгодны, их следует поднять на новую ступень. Основанием для того служит долговременное соглашение между Англией и СССР, а также договоры, подписанные во время визита премьер-министра Г. Вильсона в феврале этого года в Москву. «Мидленд Банк» уверен, что эти соглашения «открывают немалые возможности для британских экспортеров». Трезвость и объективность оценок «Мидленд Банк», замечу, выгодно контрастируют с рассуждениями иных газет, для которых «выгоды из торговли с Западом извлекают лишь русские». К тому же оценки эти подкреплены шагом сугубо практическим. «Мидленд Банк» сообщает деловому миру Англии, что в новом году намерен открыть в Москве свое представительство. Этот аргумент, пожалуй, из числа самых весомых.

С Рональдом Новксом, одним из директоров банка — он руководит его заграничными операциями, — я встретился в Сити в многоэтажном здании на Грэйсчерч стрит.

— В последние годы наметились ощутимые сдвиги в торговле между Британией и СССР, — говорил он. — Увеличился объем торговли в целом, вопрос экспорту английских товаров в СССР, и мы уже на этом пути сделали наши деловые на все. Мы не забываем, что когда-то Англия была для Советского Союза партнером номер один. Надеемся сохранить эту позицию.

Я не удержался от напоминания, что мы не использовали многие благоприятные возможности для расширения экономических связей с СССР. Еще несколько лет назад коммерческие сделки были менее остроумными, английскому бизнесмену «жить» было значительно легче. Он ориентировался на знакомые рынки: Канада, Франция, Австралия. Но времена изменились. В результате нас значительно опередили в освоении русского рынка. Чтобы вернуть свои прежние позиции, Англии придется выдержать труднейшее состязание с конкурентами.

Банковский капитал играет все большую роль в укреплении экономических связей между Востоком и Западом. «Внешторгбанк СССР» является главным акционером «Московского народного банка», контора которого находится в Лондоне, а отделения — в ряде стран мира. «Московский народный» кредитует торговлю между зарубежными фирмами и советскими организациями. Но теперь и иностранные банки открывают свои представительства в СССР. Первым из них стал американский «Чейз Манхэттен Банк».

Что думает мистер Новкс о перспективах деловых контактов «Мидленд Банк» с СССР?

Новые масштабы мировой торговли потребовали более тесного, более непосредственного контакта с советским деловым миром. «Мидленд Банк» намерен участвовать в координации усилий партнеров между английскими бизнесменами и советскими организациями. Многие наши клиенты (и экспортеры, и импортеры) на первый год выгодно сотрудничают с СССР. Однако мы знаем, что отнюдь не все, кто хотел бы торговать с Советским Союзом, верно ориентируются в условиях вашего рынка. Задача банка — помочь им в этом.

Важно отметить, что изменения в темпе и масштабе мировой торговли, в частности, экономических отношениях между Англией и СССР связаны с переменами в международном политическом климате. Разрядка напряженности благотворно сказывается и на развитии торговли. Итоги Совещания по европейскую безопасность и сотрудничество в Хельсинки следует рассматривать, думается, как огромный политический шаг вперед. Решения Хельсинки чрезвычайно важны, но еще более важно претворять их в жизнь, наполнять реальным практическим содержанием в сфере торгово-экономической они должны основываться на взаимовыгодных соглашениях, на искреннем желании сторон способствовать развитию сотрудничества.

Эдгар ЧЕПОВОВ,
спец. корр. АПН и «Литературной газеты»
ЛОНДОН. (По телефону)

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ ПЛАНЕТЫ

Сейчас уже многое известно о так называемой ангольской «гражданской войне», под маркой которой империалистические и расистские силы развязали интервенцию против суверенной Народной Республики Ангола. Следующее в обозе ее моторизованными колоннами белых наемников и подразделений армии ЮАР руководство эмигрантских реакционных групп ФИЛА и УНИТА также не скрывает, кому оно обязано своими военными успехами. Однако кое-что нуждалось в подтверждении...

Совсем недавно официальные лица в Вашингтоне, стремясь успокоить американцев, у которых еще свежа в памяти дерзкая им стоившая вьетнамская авантюра правящих кругов, утверждали, что каков бы то ни было военное участие США в событиях в Анголе исключается. Подтвердил это и государственный секретарь Киссинджер.

Тем не менее правда об участии США в трагических событиях в этой африканской стране вскоре начала обрастать фактами, как снежный ком. Командование национальной армии Народной Республики Анголе продемонстрировало «свежее», согласно маркировке, североамериканское оружие, захваченное в качестве трофеев у интервентов. Затем стали известны и маршруты «воздушного моста», по которому американские самолеты перебрасывали военные грузы силам вторжения.

Чем дальше, тем больше вездесущие американские журналисты раскопали сведения, что еще в июле Соединенными Штатами было выделено 10 млн. долларов на оказание военной помощи ФНЛА и УНИТА, которые кстати, именно в это время отважились на открытое вооруженное выступление против демократических сил Анголы. Оказалось, что ангольские дела уже давно были предметом горячих столкновений в госдепартаменте США, что руководитель бюро по делам Африки Натаниэл Дэвис покинул в августе свой пост, так как не хотел участвовать в сомнительной операции.

Пока в госдепартаменте и конгрессе США только начинали разгораться споры вокруг тайных операций правительства в Анголе, появились новые факты. Американская печать сообщила, что ЦРУ уже отправило дополнительную военную помощь интервентам не 25 млн. долларов и собирается столько же направить в ближайшее время. Затем появились интервью с вербовщиками, которые открыто и безнаказанно набирали в США наемников из числа воевавших во Вьетнаме военных специалистов, а затем под видом «медиков» переправляли их в Анголу. А это противоречило уже не только заявлениям представителей госдепартамента США, но и американским законам, так как вербовка граждан США на службу в иностранных армиях законодательством запрещена.

Вполне понятно беспокойство, которое охватило не только простых американцев, но и многих конгрессменов, что Америка опять оказывается втянутой в некрасивое и опасное дело, теперь уже на стороне южноафриканских расистов и дискредитировавших себя в глазах Африки предателей.

«Мы не знаем, кто оплачивает это дело», — заявил было йоганнесбургской газете «Стар» бывший американский морской пехотинец Барт Бонер, приехавший воевать в Анголу. Однако затем этот «медик» показал, что хорошо разбирается в политических тонкостях: «Имеется много потенциальных источников — южноафриканские, заирские и португальские предприниматели, а где-то за кулисами может действовать даже и американский капитал».

Да, этот капитал действует, вкупе с теми, кто поставил перед собой цель задушить Народную Республику Анголу.

Э. Б.

ШТРИХИ

ОТСТАВКА ЕПИСКОПА

Монсеньор Сальваторе Балдассари, которого прозвали «красным епископом» Равенны, был вынужден под давлением Ватикана подать в отставку. Дело в том, что он известен своими левыми взглядами.

Сообщая об этом, лондонская «Таймс» пишет также, что январий Рима кардинал Уго Полетти в интервью, которое он дал представителям печати, признал: папа и его окружения «весьма озабочены» успехами коммунистов на выборах в Италии. В политических кругах именно с этим связывают отставку епископа Равенны.

ПРАВО НА БЕЗОПАСНОСТЬ

«Фигаро» подвела итоги опроса общественного мнения на тему «Безопасность граждан». Только 49 процентов опрошенных заявили о своем доверии французской полиции.

СУДЬБА ЧЕМПИОНА

Западногерманский журнал «Квик» рассказал об отчаянном положении в котором оказался шестикратный чемпион Европы и двукратный чемпион мира по фигурному катанию Ганс Юрген Бомпар. Покинув спорт, Бойчер безуспешно пытался создать в ФРГ группу балета на льду, потом занялся антрепренерством, гастролировал в разных странах, попал в руки мошенников, разорился и сейчас с трудом зарабатывает на жизнь.

Так живут палестинцы, изгнанные со своих земель израильскими оккупантами
Из американского еженедельника «Уорлд мэгэзин»

Очередная карательная операция израильской военщины в арабском квартале города Наблус.
Из французской газеты «Фигаро»

ЕЩЕ РАЗ О ГРУБОЙ ФАЛЬШИВКЕ

До чего же все-таки вымуштровены «свободные», «независимые», «либеральные» писаки! Самые солидные газеты, теле- и радиоцентры, как по команде, бросаются в атаку.

Сперва выпустила фальшивку не экраны английская Би-би-си. Потом 1-я программа французского телевидения продемонстрировала сей «фильм», представив его как репортаж о «советском трудовом лагере», где «в страшных условиях» содержатся «политические заключенные». Ну могло ли отстать от своих коллег итальянское телевидение?! Оно показало «фильм», сообщив и точный адрес: мол, дело происходит в Риге.

«Голос Америки» не стал мелочиться, объявив, что такая же картина во всех исправительно-трудовых лагерях Советского Союза. А уж радио Канады, не боясь прослыть безнадежно провинциальным, заявило громче всех: «По канадскому и американскому телевидению были показаны отрывки из документального кинофильма о советских концлагерях... Фильм произвел сильное впечатление в Европе». Вот так, ни больше ни меньше!

А тем временем, чтобы время не простаивало в эфире бесследно, свой маневр начали буржуазные газеты. Передача по телевидению стала поводом для антисоветской кампании на страницах печати. Фальшивка обрастала все новыми таинственными и даже «героическими» подробностями. Парижская «Монд», например, писала: «Хотя анонимный любитель пользовался мощным телеобъективом, остается загадкой, как смог он так близко подойти и столь секретному и тщательно охраняемому объекту. Подобное смелость, вероятно, доступна лишь «свободному» жителю зоны заключения, недоступной обычным смертным, даже советским».

Что же было показано в этом «фильме», снятом «неизвестным лицом» и вызвавшем такую шумиху на Западе? Начать с того, что передаче длилась немногим больше четырех минут. На экране были видны «вахта» строение. Потом — забор, колючая проволока, сторожевая вышка. Промелькнула группа людей в сопровождении солдата со сторожевой собакой на поводке; французский комментатор заявил, что показанное сцене представляет собой выводок арестованных на работы. И в заключение на экране появилось несколько грузовиков с людьми; на бортах машин были видны буквы «ЛАБ», «ЛАТ», «ЛАГ», и тот же комментатор авторитетно пояснил, что в грузовиках находятся арестованные, буквы же означают принадлежность машин к трудовым лагерям — ведь «ЛАГ»...

И это все! Для профессиональных антисоветчиков и антикоммунистов такого «фильма» было достаточно, чтобы поднять шумиху (был бы повод!).

...И вот мы в «лагере».

— Узнаете? — спросил я начальника Рижской исправительно-трудовой колонии Александра Ивановича Антонова, разложив перед ним кадры из «сенсационного фильма».

Александр Иванович долго разглядывал фотографии.

— Узнаю, — сказал он, наконец. — Но это же не колония, а стройка, где работают некоторые из осужденных.

Мы отправились на эту стройку, которая ведется в одном из районов Риги, спокойно приблизились к «секретному и тщательно охраняемому объекту», к которому, как оказалось, может подойти и «обычный смертный».

Запечатленные в «фильме» строения — это временные дома для сезонных рабочих, которые вот-вот снесет экскаватор: здесь вырастут многоэтажные корпуса. Что касается охраны, вышки и проволоки, можно сказать со всей определенностью: пока не стройке будут работать осужденные к лишению свободы, естественно, будут приниматься и меры к их охране. Не стройке в Риге нет сложной системы дверей с хитроумными запорами: их функцию выполняют несколько часовых.

...А. И. Антонов предложил мне самому обойти все жилые, рабочие и учебные помещения — отыскать «политзаключенных». Я долго ходил по колонии, расспрашивая десятки людей. Среди них были осужденные за грабеж и за мошенничество, за изнасилование и за разбой, за хулиганство за кражи, за тяжкие автоаварии с человеческими жертвами. Но «борцов за свободу», о которых так печется западная пропаганда, не оказалось ни одного.

Зато «прогулка» по колонии дала возможность наглядно увидеть, в каких условиях содержатся те, кто отбывает здесь наказание. Я бы погрешил против истины, если бы сказал, что это условия санаторные. Нет, здесь отбывают наказание, здесь царит строгая дисциплина, твердый распорядок дня, здесь работают шесть, а не пять дней в неделю, по восемь часов. Здесь далеко не каждый день «крутят» художественные фильмы, лишь несколько раз в году дают свидания с родственниками — словом, жизнь в колонии никак не назовешь привлекательной...

И, однако, сколь ни суровы эти условия, в них нет ничего, что унижало бы человеческое достоинство. Напротив, людей, тяжко провинившихся перед обществом, стараются приобщить к культуре и знаниям, воспитать у них трудолюбие, уважение к человеческой личности. В колонии — средняя школа одиннадцатилетка, укомплектованная педагогическими кадрами высшей квалификации. Профтехучилище готовит строительных рабочих — оно оборудовано первоклассным инвентарем, дорогостоящими механизмами. Десятки людей занимаются в кружках технического творчества. Многие, отбыв «срок», становятся квалифицированными специалистами народного хозяйства, продолжают образование.

В спортзале тренировались баскетболисты, в клубе самодеятельный эстрадный оркестр готовил новогоднюю программу, в процедурных кабинетах и стационаре поликлиники врачи лечили заболевших, в читальном зале библиотеки проводили свободное время любители чтения. Подчеркнем: свободное время... Потому что прежде всего в колонии положено трудиться. И трудиться как следует! Но не «задарма», а в соответствии с советским законодательством. Я зашел в бухгалтерию — там готовили расчет с одним из осужденных, чей срок пребывания в колонии истекал на следующий день. Завтра ему вручат заработанные деньги, и он выйдет на свободу...

Оставалось поставить маленький эксперимент за пределами колонии — проверить, действительно ли ее автомашины «законспирированы» кодом «ЛАГ», разгадать который сумели только проницательные «советологи» из французского телевидения. На центральной рижской улице мы остановили «Москвич» под номером ЛАГ 00-25 — оказалось, что это машина завода детских игрушек и сувениров. «Волга» с номерным знаком ЛАГ 00-68 принадлежала Союзу писателей Латвии. «ЛАГ», «ЛАТ», «ЛАБ» — с номерными знаками таких серий по республике бегают десятки тысяч автомашин. Ай да «советология», ай да специалисты! За что только деньги им платят...

— Ну, как вы нашли условия заключения? — спросил, прощаясь, начальник колонии А. И. Антонов.

— Да ведь расскажу обо всем, что увидел, и «свободная» пресса на Западе тут же заявит: очередная выдумка советской пропаганды.

— Что ж, — усмехнулся Александр Иванович, — нам скрывать нечего. А на каждый «чих» этой «свободной» прессы не наздравствуешься.

...В этой связи, однако, уместно напомнить, что Заключительный акт хельсинкского совещания прямо указывает на то, что средства массовой информации должны действовать во имя разрядки, а не против нее, во имя расширения и упрочения сотрудничества, во имя создание атмосферы доверия между народами и государствами, а не для разжигания ярости и отчужденности между ними. Государства — участники общеевропейского совещания, выразив стремление к развитию взаимопонимания и дальнейшему улучшению отношений, решили, как подчеркнуто в Заключительном акте, «продолжать и дальше усилия с целью прогресса в этой области, отмечая важное значение распространения информации из других государств-участников и лучшего ознакомления с такой информацией...».

Разве провокационное выступление французского телевидения — органа официального, как и шумиха, поднятая в этой связи другими средствами массовой информации на Западе, способствует осуществлению принципов, провозглашенных в историческом хельсинкском документе? Тем более что выступление это основано на грубой фальшивке, о чем неопровержимо свидетельствуют приведенные выше факты.

Или кто-то на французском, английском, американском, канадском, итальянском и пр. телевидении полагает, что клевете и информация — это одно и то же?

И. ГОРЯЧЕВ

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОНИ САМИ

ВЫСЛУЖИВАЕТСЯ ПЕРЕД ЗАПАДОМ

Многие органы мировой печати различного направления, комментируя решение Нобелевского комитета о присуждении премии мира А. Сахарову, подчеркивают, что этот жест направлен против разрядки и, конечно же, не имеет ничего общего с деятельностью в защиту мира. Об этом вызывающем, по мнению шведского журнала «Пакс» выборе Нобелевского комитета служащем лишь целям западной пропаганды, уже говорилось на страницах «Литературной газеты» в выступлениях французского публициста Маиса Леона, норвежской и норвежской писательниц Мари Досон и Турборг Недреос и других материалах.

На днях английская газета «Таймс» опубликовала статью своего нью-йоркского корреспондента, в которой приводится мнение трех бывших советских граждан, уехавших за океан, о брошюре Сахарова «Моя страна и мир». Вот выдержки из статьи «Таймс»:

Русские, недавно поселившиеся в Нью-Йорке, обнаружили, что жить на Западе — далеко не так сладко, как они думали. Некоторые настолько несчастливы, что предприняли попытку возвратиться в Советский Союз, а другие теперь критикуют д-ра Андрея Сахарова, ядерного физика, за то, что он смотрит на Запад слишком идеалистически.

Трое из них недавно обратились в д-ру Сахарову в открытым письмом, в котором обвиняют его в отсутствии объективности, когда он пишет о Западе, что в особенности относится к его последней книге «Моя страна и мир». Они утверждают, что д-р Сахаров недооценивает серьезные проблемы, которые существуют сейчас в западном обществе.

Они обвиняют его также в наивности в связи с тем, что он утверждает, будто западные правительства — это альтруистические и гуманные правительства, верящие в права человека.

В качестве примеров вообще Запада они указывают на терроризм, экономический кризис, олигополии, националистические и расовые конфликты, рост преступности, духовную опустошенность и отсутствие идеалов. Таковы, говорят они, некоторые из основных черт западного общества сегодня, но д-р Сахаров их не замечает.

Авторы письма утверждают, что их собственный опыт жизни на Западе помог им набраться от иллюзий. Очевидно, на них произвела большое впечатление разница между уровнем жизни богатых и бедных на Западе. Все трое подчеркивают этот момент в своем открытом письме д-ру Сахарову. Они считают, что он переоценивает высокий уровень жизни в Соединенных Штатах, забывает о высокой арендной плате, о стоимости пользования газом электроэнергией и телефоном... Американский рабочий, заявляют авторы письма, на уплатил бы описания жизни американцев, данного д-ром Сахаровым.

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЯ

ИМПЕРИЯ АФЕРИСТОВ

Последний раз его видели 30 июля в ресторане «Красная лисица» в одном из пригородов Детройта. До этого он сказал друзьям, что должен встретиться с «Тоней Джеком» — Антони Джекалоне, известным главарем мафии.

Сел в машину... и пропал. И только сейчас власти, основываясь на показаниях осведомителей ФБР и свидетелей, пришли к выводу, что его тело перевезли за сотни миль из Детройта в Нью-Джерси. Там труп зарыли на закрытой уже шесть лет свалке, принадлежащей Филипу Моснато, ближайшие друзья которого — известные гангстеры в городе. Газета «Ньюсдей» указывает, что решение о казни было санкционировано высшими главарями преступного мира.

Убитого звали Джеймс Хоффа. Он долгие годы был руководителем крупнейшего профсоюза шоферов грузовых машин и складских рабочих. «Тимстеров» — так называют членов этого объединения в США — насчитывается 2,2 миллиона человек.

«Тимстеры и гангстеры» — так назвал статью об этом профсоюзном объединении американский журнал «Ньюсуик». В этом сравнении нет ни грана преувеличения. Связи боссов профсоюза с боссами мафии общеизвестны. Не случайно двое из трех последних руководителей профсоюза за свои темные дела сидели в тюрьме...

Особенно «прославился» Джеймс Хоффа. Один только перечень его темных дел занял бы много страниц. Тут и скандальные аферы в земельным участками во Флориде, предназначенными для продажи рядовым членам профсоюза. И создание фальшивых профсоюзных ячеек, во главе которых были поставлены отпетые преступники Нью-Йорка. И разбазаривание пенсионного фонда «тимстеров». Наконец «обыкновенные убийства» тех, кто пытался перечить руководству профсоюза. Единственная вина Ллойда Хикса, например, заключалась в том, что он попытался баллотироваться на пост председателя отделения профсоюза во Флориде вопреки советам неизвестных «доброжелателей». Это стоило ему жизни.

В 1967 году терпению слуг жителей Фемиды пришел конец, и Хоффа был посажен за решетку. К любопытному выводу пришла тогда сенатская комиссия конгресса США, занимавшаяся расследованием этого дела: «Хоффа возглавляет империю аферистов, члены которой не брезгуют никакими грязными делами и действуют по принципу «зачем аферисту голодать, если он может стать функционером профсоюза».

Но даже в тюрьме Хоффа продолжал оставаться номинальным руководителем профсоюза до середины 1971 года, когда его освободили из заключения с условием, что он не будет заниматься профсоюзной деятельностью вплоть до 1980 года.

Выйдя на свободу, Хоффа пытался вернуться к руководству профсоюзом. Но главарям преступного мира, контролирующим «тимстеров», он уже был не нужен. Как утверждают американские органы печати, Хоффа был убит в тот самый момент, когда твердо решил публично поведать о связях руководства «тимстеров» с мафией.

Хоффа уже не заговорит. А его преемник Фрэнк Фицсиммонс продолжает руководить профсоюзом в тесном контакте с преступным миром.

Я. БОРОВОЙ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ГАЛИЛЕЕ

СИОНИЗМ — РАСИЗМ

Недавно газета «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Многомиллионный государственный план развития Галилеи, осуждаемый его противниками как плохо скрытая попытка «иудаизировать» эту область с преобладающим арабским населением, вызвал у них протест и возмущение. Пятилетний план предусматривает резкое увеличение еврейского населения, которое в настоящее время составляет только 45 процентов общего количества, а также развитие жилищного строительства и промышленности в еврейских поселениях...»

Не сообщение «Нью-Йорк таймс» было не совсем точным. Дело в том, что сионистский замысел «разбавить» арабское население на севере Израиля давно уже не только планируется, но и осуществляется. Пишущий эти строки мог лично убедиться в этом на месте. Операция проводится без всякой маскировки, и о цели ее говорят не одни только противники. «Иудаизация Галилеи» является политикой правительства и так же хорошо известна израильтянам, как политика «вьетнамизации» жителям США.

В настоящее время отторжение арабских земель в этом районе достигло такого размера, что тысячам арабов, чтобы иметь какую-то работу, приходится ежедневно ездить в другие города.

Наступление на самые элементарные человеческие права в Галилее является лишь одним из примеров расистской сущности сионизма. Арабы в Израиле — это граждане второго сорта. Насилие и подавление, которым подвергается население на оккупированных территориях, можно сравнить с гонениями на негров сельскохозяйственного юга США два десятилетия назад.

В последние годы развиваются все более тесные связи между сионистами в Израиле и расистами в Южной Африке, вплоть до военного сотрудничества. Можно с полным правом сказать, что антисемитами являются сами сионисты, а не критики их теории. Об этом достаточно наглядно свидетельствует дискриминация в отношении темнокожих евреев, иммигрировавших в Израиль из стран Ближнего Востока.

Карп БЛОЙС
«Пипляз уорлд» (США)

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

Обсуждаем проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»

Деловой разговор.

Так проверяют точность изготовления режущих инструментов

Появление в печати проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии совпало с радостным событием в жизни коллектива Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе. Указом Президиума Верховного Совета СССР предприятие награждено орденом Ленина.

Досрочно выполнив задачи пятилетки, предприятие освоило выпуск новых, отвечающих современным требованиям высокопроизводительных автоматических линий и станков. С замечательной трудовой победой станкостроителей поздравил Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР. Включившись в предсъездовское соревнование, коллектив завода обязался до конца года выпустить более чем на 7 миллионов рублей сверхплановой продукции.

Фотоочерк А. ХРУПОВА и В. КУРЫШЕВА

НЕОБХОДИМО ЕЩЕ ШИРЕ РАЗВЕРНУТЬ ВСЕНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ЗА ДОСТИЖЕНИЕ ВЫСОКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ТРУДЕ, ВЫПОЛНЕНИЕ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЛАНОВ, СДЕЛАТЬ ВСЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕСЯТАЯ ПЯТИЛЕТКА СТАЛА ПЯТИЛЕТКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ, ПЯТИЛЕТКОЙ КАЧЕСТВА ВО ИМЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РОСТА НАРОДНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ.

(Из проекта ЦК КПСС)

Наладчик Е. Свирин один из первых на заводе начал работать в счет десятой пятилетки

Здесь собирают уникальные станки

Наладка электронных блоков для автоматических линий

ПРОПУСК В ЗАВТРА

Г. ЛЕЗГИНЦЕВ

СПРОСИТЕ любого человека, не имеющего отношения к проектированию: кто такой проектировщик? В лучшем случае вам ответят, что проектировщик — это тот, кто чертит. Готовит чертежи для строительства. Можно было бы примириться с этой второстепенной ролью, если бы она была уделом только досужих разговоров. Но, к сожалению, с представлениями о некоей подсобной функции проектировщика мне не раз приходилось сталкиваться и в среде специалистов.

Я далек от желания затевать пресловутый спор о курице и яйце и не стал бы начинать важную для меня статью с детских упреков, если бы не последствия, вызванные недопониманием роли проектировщика в современном строительстве. Вопрос упирается не в спор «кто важнее?», а в то, каким должно быть сегодня советское проектирование, чтобы отвечать задачам, поставленным перед нами партией.

Мнение о второстепенной роли проектировщика весьма небезобидное и не нейтральное, довольно часто ему сопутствует хула в его адрес. Стало почти традицией — в случае чего бросить камень в проектировщиков. Медленно идет строительство — виноваты они, вовремя не дали чертежей! Плохо работает запущенное предприятие — все дело в проекте: документация ни к черту не годилась!

Почему так получается? Потому что проектировщики выпускают конечный документ — проект, по которому строят и эксплуатируют предприятие. Проект — последнее, ответственное слово, и что бы там ни случилось дальше: пусть даже не подтвердятся данные, которые готовили для проекта другие специалисты, другие учреждения (например, о наличии сырья для строящегося завода), все это уже не принимается во внимание. Справедливо ли это? В общем — да. Проектировщик должен предусмотреть все детали, состыковать все звенья сложной распадающейся цепи различных исходных материалов, которые «закладываются» в проект.

Задача проектировщика — создать предприятие которое к моменту ввода в эксплуатацию окажется на уровне мировых достижений технической мысли. Для того чтобы выполнить эту задачу, проектировщик, во-первых, должен не только быть в курсе передового отечественного и зарубежного опыта, но и располагать глубокими данными об ожидаемых достижениях науки, о перспективах развития техники, то есть тем комплексом сведений, которые принято называть научно-техническим прогнозом. Во-вторых, эти предстоящие научно-технические достижения непременно должны учитываться в любом проекте, в противном случае построенное предприятие неизбежно будет отражать вчерашний день. Наконец, в-третьих (и в-главных!), проектировщик должен быть уверен, что полученные им данные научно-технического прогноза отражают реальное положение вещей и к определенному времени будут претворены в жизнь.

Соблюдение этих условий служит проектировщикам единственной гарантией успешного выполнения поставленных перед ними задач.

Прошло шесть лет, предприятие стали вводить в эксплуатацию — и тут выяснилось, что его мощность можно повысить еще на одну треть! Не удивительно, за это время появилось новое оборудование, новая технология. Мы перерассчитали проект. Совет Министров СССР утвердил повышенную мощность комбината. А сейчас фактическая его мощность в полтора раза больше, чем предусматривалось в первоначальном проекте.

Сколько нелестных слов услышали мы за время строительства комбината, сколько упреков в некачественном проектировании! Еще бы! Мы же сами предложили переделать проект, нарушив главную заповедь: «Спроектировал — не меняй!». А если разобраться, были ли мы виноваты? Нас просто «подвел» технический прогресс. Мы не сумели его предвидеть. Мы не знали, что реально может принести нам НТР завтра.

Через несколько лет, на ученные горьким опытом мы начали проектировать другой крупный горно-обогатительный комбинат. В проекте предусмотрели все то, что могут дать автоматика, телемеханика, электроника, машиностроение, металлургия, строительство, эргономика ко времени ввода предприятия в строй. Учитывая ожидаемые достижения науки и техники, мы только за время подготовки расчетов смогли в три с половиной раза увеличить первоначальную проектную мощность будущего предприятия. К 1980—1985 годам ее можно будет повысить еще на 35—40 процентов.

Рассчитали все... Но мы совсем не уверены, что построенный комбинат не окажется безнадежно устаревшим... Ибо вступают в силу факторы, от проектировщиков уже не зависящие.

Речь идет о печальной и неизбежной метаморфозе, которую претерпевает даже самый лучший проект, пока он материализуется и становится явью. Когда я думаю об этой метаморфозе, мне вспоминается старая шутка на тему о школьных сочинениях, что Гоголь де изображал тип человека, который одной ногой упирается в прошлое, а другой приветствует будущее. Мне кажется, мы тоже «одной ногой» стараемся войти в завтрашний день, но другой прочно увязли во вчерашнем.

Не хотел бы, чтоб меня поняли превратно. Я знаю, что среди проектировщиков встречаются и специалисты довольно низкой квалификации. Ошибки в проектах бывают и по вине самих проектировщиков. Но сейчас я имею в виду моральное старение к началу эксплуатации предприятий, сооружаемых по интересным, современнейшим проектам.

Чем объяснить эту закономерность? Несогласованностью всех звеньев, участвующих в создании предприятия. Как ее избежать? Жесткой координацией в области научно-технического прогнозирования.

Проект осуществляется сегодня так.

Прежде всего возникает разговор о сроках. Сроки начала строительства и сроки выдачи проектной документации не увязываются. Строитель требует чертежи, их еще нет, строителя нажимают — у них план. Начинается бешеная спешка.

Наконец проект готов. Но попадает не в строителям, а поступает на экспертизу. Здесь происходит необъяснимое. О сроках, которые еще вчера были святая святых, сегодня кроме бы вовсе забывают: экспертиза длится иногда дольше, чем создавался сам проект!

Бывает и так: проект утвержден, сроки строительства намечены, а денег на строительство нет. Проект лежит, ждет своего часа — и неотвратимо морально стареет. Спустят деньги, придется весь напряженный труд начинать заново.

Получив задание, проектировщики обращаются к смежникам: его интересует новое, наиэффективнейшее оборудование и наисовременнейшая технология. Смежники прикидывают свои возможности и дают рекомендации. Однако никто не может гарантировать, что они выполнят обещания.

Вопрос с оборудованием стоит особенно остро. На строительный и пусковой период обычно планируется оборудование уже существующее, выпускаемое вашими заводами, с последующей заменой на новое более эффективное, которое машиностроители, согласно своим прогнозам предполагают и обязуются выпустить к определенному сроку. Соответственно этому в проекте рассчитываются и мощность предприятия, и производительность труда. Но сроки проходят и уходят — а обязательства не всегда выполняются, и новые предприятия, оборудованные маломощными агрегатами, выглядят анахронизмом.

Так было с многими предприятиями.

А чего стоят наши отношения со строителями! Строитель — это же царь и бог, он сам принимает решения, сам может изменить проект, сам устанавливает сроки. Строителя часто берут проектировщиков за горло. Правда, и строителям не сладко. И у строителей нередко нет нужного оборудования, и их подводят смежники, и у них горе с поставками.

Но так уж сложилось все привыкли, что беды строителя — это главное горе и его нужда — самая главная.

Строитель диктует законы стройке, исходя из своих возможностей. Не учитывать эти возможности — значит мечтать о воздушных замках, идти же на поводу у них — значит забыть о требованиях прогресса и НТР.

В нашем строительстве сложился странный парадокс. Известно, чем современнее строительная технология, тем дешевле должно обходиться и сооружение предприятия. Получается же часто наоборот. Дешевле всего обходится дедовский, несовременный способ: строители считают нерентабельным и лишенным смысла ради какой-то одной, пусть даже сложной стройки заводить новую технологию. А со старой быстро не поработаешь. Вот и получается, что большинство наших строек — долгожителя, вместо положенных 3—4 лет мы возимся с ними лет по 10—15. За это время не то что проект — человек состарится!

Случается и так, что из-за необеспеченности материалами, оборудованием построенное наконец предприятие по существу не соответствует запроектированному. В проекте предусматриваются прогрессивные строительные материалы, конструкции с высоким уровнем сборности, особые теплоизоляционные панели. На деле оказывается, что нужных стройматериалов нет, конструкции не устраивают строителей, потому что нет нужного крана — нечем вести монтаж; обещанные же панели заводы не поставляют, вместо них в ход по старинке идет кирпич — в результате все долго, несовременно и дорого. Гораздо дороже проектной стоимости.

За всю свою долгую жизненную практику я лишь раз был свидетелем отменной работы строителей. По проекту, в котором участвовал наш институт, возводился горно-обогатительный комбинат. Строители возвели и пустили его за 23 месяца. Правда, там, на месте существовала прекрасная строительная организация, были свои материальные и транспортные ресурсы, хорошие кадры. Сыграла свою роль и льготная оплата труда... Но факт остается фактом: при хорошей организации дела можно закончить сложную стройку и за неполных два года. Под хорошей организацией я имею в виду не льготную оплату, а предусмотренную, рассчитанную взаимосвязанность действий. Конечно, наладить ее на какой-то срок, в пределах одного строящегося предприятия легче, чем повсеместно. Но задача в том и состоит, чтобы эта взаимосвязанность стала основным, незыблемым принципом при проектировании в строительстве. Только при долговременной координации действий проектировщиков со всеми сопряженными звеньями их работа перестанет быть тратой сил впустую, они смогут выполнять свою основную функцию — осуществлять связь между наукой и производством, влиять на темпы технического прогресса, на эффективность общественного производства и капитального строительства.

Достижима ли эта задача? Да, достижима. Способ ее решения — массовое долгосрочное научное прогнозирование.

Еще не так давно, в то время, когда наука и техника развивались не такими стремительными темпами как сейчас, научные исследования, проектирование и планирование народного хозяйства были вполне самостоятельными областями деятельности.

Планированием занимались главным образом экономисты, в проектировании и научно-исследовательских работами специалисты равных отраслей (горняки, строители и т. д.). Результаты проектных и научно-исследовательских работ утверждались, а на их основе составлялись планы строительства новых предприятий, рассчитанные на 5—10 лет. Научно-технический прогресс, предстоящий в эти 5—10 в более лет, обычно не учитывался, да для этого и не было специальных материалов — наука о прогнозирования научно-технического прогресса отсутствовала.

Ярким примером глубоко научно перспективного планирования был знаменитый план ГОЭЛРО, создававшийся при жизни и под руководством В. И. Ленина. Он составлялся как раз с учетом тенденций развития науки и техники. Мы воочию убедились, какой блестящий результат это дало.

В свое время к плану ГОЭЛРО и связанным с ним планам первых советских пятилеток зарубежная пресса отнеслась скептически. Но с тех пор положение полностью изменилось, и планирование на основе долгосрочных прогнозов прочно заняло место в арсенале мер капиталистического хозяйствования.

Сейчас на Западе, и особенно в США, разработка научно-технических прогнозов и их применение в научно-исследовательской, проектной, строительной практике стали просто знамением времени. Масштабы исследований растут. Таких темпов роста история науки еще не знала. А само это явление получало красноречивое название «бум прогнозов». (Спада этого бума, впрочем, не предвидится.) Западные экономисты утверждают, что доллар, вложенный в прогнозирование, оборачивается пятьюдесятью долларами чистой прибыли. Обоснованные прогнозы позволяют выбрать оптимальные цели научно-технического прогресса и сосредоточить на достижении этих целей силы и средства науки и промышленности.

Наше общество, свободное от противоречий капиталистического мира, открывает неизмеримо более широкие возможности для использования преимуществ направленного научно-технического прогресса. Научно обоснованное прогнозирование должно стать составной частью проектирования, научных исследований и планирования. Создание любого промышленного комплекса должно проектироваться в увязке с межотраслевым планированием (производство, энергетика, транспорт, стройиндустрия, соцкультбыт). На решение этой задачи нас постоянно нацеливает партия.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» говорится: «Улучшить качество и сократить сроки разработки и экспертизы проектов и смет. Совершенствовать планирование проектных работ. Укреплять материально-техническую базу проектных организаций. Принять меры к своевременному обеспечению строек и объектов необходимой проектно-сметной документацией».

УЛУЧШИТЬ ПРОЕКТНО-СМЕТНОЕ ДЕЛО, ПОВЫСИТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОЕКТНЫХ, КОНСТРУКТОРСКИХ И НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ВЫСОКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ПРОЕКТНЫХ РЕШЕНИЙ.

(Из проекта ЦК КПСС)

Наша страна — это огромная строительная площадка. Новые заводы, фабрики, электростанции, железные и шоссейные дороги... Говоря о комплексном развитии обширного района в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали, товарищ Л. И. Брежнев отмечал, что решение этой задачи на огромной мере зависит от работы планово-экономических органов и проектных организаций. Можно с уверенностью сказать, что их роль и ответственность вообще будут непрерывно возрастать в ходе нашего коммунистического строительства».

Назревшим проблемам в деятельности проектных учреждений посвящена статья писателя Георгия Лезгинцева. Много нет возглавляющего научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт.

...ВСЕМЕРНО РАЗВИВАТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА, А ТАКЖЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ...

(Из проекта ЦК КПСС)

НАУЧНАЯ БАЗА ПЛАНОВ

«Какие проблемы будет решать экономическая наука в десятой пятилетке?»

НА ВОПРОС «ЛГ» ОТВЕЧАЮТ:

Академик А. Г. АГАНБЕГЯН,

директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР

— Закончился большой этап в жизни коллектива нашего института. В минувшей пятилетке мы принимали активное участие в разработке 15-летней перспективы (1976—1990 годы) развития народного хозяйства СССР, РСФСР, сибирских районов. И, конечно, наиболее детально занимались десятой пятилеткой.

Нам предстоит обобщить этот период работы, создать более эффективные экономико-математические модели, которые помогли бы выполнить следующий цикл долгосрочного прогнозирования (до двухтысячного года).

В проекте ЦК КПСС, в главе о развитии науки, сказано: «Улучшить систему управления научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими организациями, планирование и финансирование научных исследований».

Мы в Институте экономики Сибирского отделения АН СССР разработали сейчас, если можно так выразиться, пятилетнюю стратегию исследований. Она предусматривает подготовку к 1978 году комплексных научных документов по перспективным проблемам развития экономики страны а период после 1980 года. Хочу особо подчеркнуть слово «комплексных», ибо наш коллектив состоит из специалистов разных профилей и мы намерены в большей мере, чем до сих пор, объединить в прогнозных разработках широкий народнохозяйственный подход с отраслевым и территориальным аспектами, с анализом социальных проблем, с технико-экономическими исследованиями.

Наряду с подготовкой обобщенных документов, носящих прогнозный характер, мы будем углубленно заниматься важными узловыми проблемами. И, конечно, наиболее детально занимались десятой пятилеткой. И, народнохозяйственных — это ускоренное развитие машиностроения и реконструкция на основе его всех других отраслей хозяйства. Из региональных — освоение района Байкало-Амурской магистрали. Из социально-экономических — проблема будущего развития деревни и эффективного использования кадров. В методологическом плане мы должны будем завершить работу по увязке в единую систему народнохозяйственных, отраслевых и территориальных моделей — для перспективного планирования.

Будем, как прежде, готовить кадры экономистов в Новосибирском государственном университете — это задача нашего института. В 1976 году организуем специальный факультет повышения квалификации хозяйственных руководителей. Задумали перейти к активным методам обучения с широким использованием деловых игр, ситуационного анализа и т. д.

И последнее: надеемся, что любимое наше детище — журнал «ЭКО» в десятой пятилетке станет ежемесячным. Мы хотели бы превратить его в настольное пособие по научным методам управления для хозяйственников.

Доктор экономических наук В. Н. КИРИЧЕНКО,

и. о. директора Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР

— Думаю, читателям «ЛГ» нет нужды объяснять, что планированию в наше время предшествуют глубокие научные исследования. Сам термин — «научное планирование» — предусматривает это. В широком смысле «работают на план» сотни лабораторий и институтов. Но есть и специфическая задача: непрерывно совершенствовать методологию принятия плановых решений. Этим и занимается наш НИЭИ. Принадлежность его к Госплану СССР определяет непосредственную тематику.

Программы основных наших исследований предназначены уже для одиннадцатого пятилетнего плана, поскольку научные исследования опережают планирование.

Если попытаться коротко систематизировать направления нашей деятельности, то можно сказать, что они охватывают, во-первых, выработку методики, по которой можно осуществлять плановые расчеты, добиваться сбалансированности всех заданий между отраслями, увязывать их с различными научно-техническими и социально-экономическими программами. Среди вопросов совершенствования балансовых методов планирования следует выделить проблему дальнейшей разработки методологии межотраслевого баланса. Институт на протяжении многих лет под руководством академика А. Н. Ефимова внес значительный вклад в исследование и анализ этих проблем. Теперь наиболее актуальны вопросы совершенствования полученных результатов применительно к практике планирования; эти разработки нам и предстоит осуществлять. Во-вторых, я должен выделить круг тем, связанных с прогнозно - аналитическими исследованиями, позволяющими в динамике предвидеть развитие планируемых процессов. Законы управления требуют постоянно учитывать обратные связи. Мы будем выявлять тенденции и социально-экономические последствия реализации заданий в течение всего спланированного периода и за его пределами. Затем — разработка временных масштабов планирования: годовых, пятилетних, долгосрочных. Надо сказать, что наибольшего нашего внимания потребует именно перспективное планирование, и особенно вопросы эффективности общественного производства, уровня жизни, ряд других социальных проблем.

Многое в нашей работе будет носить поисковый характер. Скажем, экономико-математические методы использовались пока лишь для решения более или менее локальных задач. Предстоит опробовать их в значительно более широких масштабах. В сущности, речь идет уже о том, чтобы использовать экономико-математические расчеты в планировании всего хозяйства страны. Задача решается на путях построения автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР). Это сложная проблема, сразу, силами одного научного коллектива ее не решишь. В нынешней пятилетке будут продолжены работы и в этом важнейшем направлении. Надеемся, что АСПР будет функционировать при планировании народнохозяйственной перспективы не одиннадцатую пятилетку и более отдаленное будущее. Предстоит оснастить АСПР методологически, теоретически — я хочу подчеркнуть, что это наисложнейшая и отнюдь не только техническая проблема. Пожалуй, меньше всего техническая, хотя, разумеется, предполагается использование и самых современных электронных систем.

В проекте ЦК КПСС поставлена задача: «Осуществить меры по совершенствованию ПЛАНИРОВАНИЯ». К деятельности научных работников нашего института это имеет самое непосредственное отношение. У наших сотрудников на календаре, можно сказать, уже одиннадцатая пятилетка. Это естественно: планирование опережает производство, экономическая наука своими исследованиями призвана опережать плановую практику.

Я ПРИЕХАЛ в вологодский поселок Шексну с намерением рассказать о здешних мелиораторах. Люди попались приветные, работа их вся на виду: было болото — стало хлебное поле, что еще надо для очерка, садись и пиши...

Карты-козыри перепутал Василий Иванович Кулаков из совхоза «Чернеевский». Занимая должность агронома-мелиоратора, он ревниво и зорко следил за работой мелиораторов на совхозных полях. Им что, рассуждал Кулаков, получат денежки на прощание, сделают совхозу ручкой, а случись, допустят ошибку, а то и явную халтуру — беда, ищи потом под землей, где неисправна дренажная система. Лучше сразу при ее закладке проследить, чтобы ошибок не было. Потому и вникал он в каждую мелочь.

— Вот, — сказали ему, — корреспондент из Москвы будет готовить статью о мелиораторах.

Кулаков взглянул на меня, лицо его с косой метиной шрама, до того вполне серьезное и вдумчивое, обратилось в улыбку.

— Трудно придется, — сказал он негромко, но с заметной иронией и, как мне послышалось, с сочувствием. — Хотя всегда можно что-нибудь присочинить. Приукрасил — готово, читай, кому не лень.

— Но почему же все-таки трудно? — переспросил я.

Он и на сей раз не погасил улыбки, только вдобавок еще и голову на плечо приклонил, как бы прицеливаясь, можно ли правду пальнуть или порох истратится напрасно.

— Потому и трудно, — ответил он, — что без гипербол в таком деле не обойтись...

Казалось, радоваться надо — многим бедам, связанным с запущенностью Нечерноземья, скоро конец, а он, чудак-человек, тревожится да еще предостерегает от увлечения гиперболами. Но, к сожалению, Кулаков во многом прав — тревога его обоснована. И от моих первоначальных планов ровным счетом ничего не осталось.

Но почему же «ничего»? Ведь от того, что Кулаков ввел меня в некоторые тонкости мелиорации, люди, о которых предстояло писать, ничуть не изменились. Как работали они, не покладая рук, так и продолжали. Все не выдумка и не божья воля, что вчерашние пустоши и кочкарник действительно превращаются в пашню, — это живое дело людей. И вместе с тем передо мной открывались вещи, которые мало радовали.

Первое, что возмущает Кулакова, — это качество работ. Я уточнял: не только в «Чернеевском» — по всей Вологодской области в течение года не было ни одного мелиоративного объекта, который был бы принят с оценкой «отлично». Зато треть объектов получила оценку «удовлетворительно». А в совхозе «Политотделец» сумели уложить дрены с обратным уклоном. Умудриться надо! Это все равно, если бы строители поставили дом крышей вниз...

ИТАК, вологодское поле. Какое оно? На Валдае говорят: «У нас много пейзажу, но мало фуражу». Вологодцы могут повторить это же самое — красоты и простору им не занимать, однако урожаи с «пейзажной» земли слишком незавидны. Если речь о хлебном колосе — скорее представится воображению Кубань, Украина. А что Вологда? Ее куль муки в замесе общего каравая незначителен. Нечерноземье, известно, продовольствием полностью себя не обеспечивает — завозит из других районов страны.

Велика ли в том вина его — не берусь судить. Не надо забывать: всегда и много находилось у нас неотложных дел, на таежных реках строили плотины и города, в степях осваивали целину, среди пустынь прорывали каналы — все было срочно и первоочередно: требовался быстрый хлеб, хлопок, электричество... В спешных заботах, казалось, некогда оглянуться на сердцевину нашей земли, откуда есть пошла Россия. Дошло до того, что полл и сенокосы зарастали ивняком вперемежку с ольхой и березой, иная нивка не превышала по размеру гектара — трактору не развернуться. Корову прокормить — что называется, из рукава трясти приходилось.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР» стало поворотной вехой в биографии этого края. Интенсификация сельского хозяйства, отмечал Леонид Ильич Брежнев, позволит значительно поднять производительные силы этой зоны, по существу как бы освоить новую целину...

Новая целина. Это многие миллионы гектаров пашни, сенокосов и пастбищ, которые избыточно переувлажнены или заросли кустарником и мелколесьем. Только мелиорация, и ничто больше, способна поднять их плодородие. Мелио — коренное улучшение, врачевание земли...

По размеру площадей, требующих врачевания, Вологда занимает третье место после Пскова и Свердловска. Ее мелиоративный фонд составляет один миллион 172 тысячи гектаров. При самых скромных затратах на эти работы из государственной казны выкатывается цифра с длинным рядом нулей. Вот почему экономное расходование средств и повышение качества работ приобретает первостепенное значение.

— Посмотрите сюда, — приглашал при мне Кулаков мастера участка и показывал глубокую лужу на том месте, где уже была засыпана дрена. — Это ж явный брак. Стоит вода — значит, дрена не работает. Не могу же я над душой у каждого стоять. Совесть поимейте.

Мастер не покраснел, не застыдился: подумаешь, какая срунда, возьмем и переделаем.

— Только и знаем, что «переделаем», — сказал Кулаков рассерженно. — Делать да переделывать ума не надо. А почему без переделки не можем?

Действительно, почему? Ведь те миллиарды, что отпущены Нечерноземью, дубля не имеют, а всякие «удовлетворительно», граничащие с «плохо», — пущенные на ветер, напрасно потраченные деньги. Откуда это неприличное расточительство?

Причин много. И главная — недостаток грамотных, надежных кадров.

Я расскажу об одном из лучших мелиораторов — Викторе Кораблеве. Он работает в Шекснинской ПМК уже много лет, на многоковшовом экскаваторе укладывает дренаж. Без преувеличения, он работает за двоих — за три года с небольшим выполнил задание пятилетки. Отмечен медалью «За трудовую доблесть». Помню тот жаркий день конца мая, когда мы впервые с ним встретились. Был обеденный час, люди глушили трактора и прямиком, через поле, группами и поодиночке уходили в деревню, где их кормили в совхозной столовой. Но в дальнем углу, за ручьем, приглушенный полуденным зноем и расстоянием, жужжал без остановок одинокий мотор.

— А что там, в столовой? — Виктор Кораблев достал мятую пачку «Беломора» и закурил. — Это остыло, того не досталось, только у раздачи зря простоишь. И разве это харч — блюдечко вермишели? Туда ходить — время терять. Мы уж на ходу, из сумки.

Он был спокоен и уверен в себе. Даже придирчивый и строгий Кулаков говорит, что за ним контролеров ставить не надо, без них чин — 106. Будто печать какая на мелиорации.

За минувшие десять лет, как созданы передвижные механизированные колонны, в некоторых ПМК не построено ни одного метра жилья. Если добавить, что производственное строительство развивалось столь же бурно — ни тебе нормального гаража, ни тебе мастерской, — то многое прояснится.

Шекснинская ПМК еще кое-как выкручивалась. Это не Тотьма или Кич. Городок, куда лишь раз в году, весной, по большой воде, на баржах завозят грузы. В Шексне под боком и железная дорога, и автотрасса. Пусть в прошлом году на жилое строительство ПМК не получила ни копейки — и прежде не густо бывало, — однако три шестнадцатиквартирных домика ярко-красного кирпича стоят, как три пачищенных самовара.

— Строили почти что самовольно. Что из того, что не отпускали средств? Мы миллионами ворочаем, неужели не изыщем несколько тысяч рублей на фундамент? А как фундамент заложил, тогда легче: и материалы выбьешь, и деньги. Ан, домик и вырос, — рассказывает начальник ПМК Вениамин Порфирьевич Забегаев. — Под лежачий камень, знаете... А его шевельнешь, кое-что и ухватишь.

Забегаев не скрытничает, «опыт» не прячет, однако и ему ясно, что вся его акробатика и мудрек — не выход. Тот же Кораблев восемь лет мыкался по частным квартирам да баракам — лишь на девятом году въехал в квартиру. Другие по-прежнему в вагончиках живут, снимают углы, их ничем мелиорация не держит. А с сезонника велик ли спрос?

Что еще должен иметь мелиоратор, но не имеет? Детские сады и ясли. У Кораблева двое детей — девочка и мальчик. Чтобы пристроить их в садик, жене его, Лиде, пришлось рассчитаться в ПМК и устраиваться на другое производство. Многие женщины, уволившись, вообще никуда не устраиваются — детей одних не бросишь. Оставляет желать лучшего и снабжение мелиораторов... Весьма ощутимая сторона быта, и аукается она там, на участках, где объекты при сдаче в эксплуатацию вместо «отлично» получают позорные «удочки».

И других немало причин, мешающих Кораблеву развернуться во всю силу возможностей. Когда, помню, ни придешь к нему — вечно он экскаватор чинит-латает. На аварийный случай, как запасливый солдат, хранит в кабине в потрепанном рюкзаке подшипники, резиновые патрубки и всякую другую необходимую мелочовку. Прикинет — из пустяка день прокукуешь, ожидая помощи, потому что у ПМК с участками нет ни радио-, ни телефонной связи. А «прижимает» ой-ой как часто.

Единое мнение мелиораторов: существующий экскаватор для тяжелых суглинков слишком слаб — двигатель нужен не менее чем на восемьдесят лошадиных сил. Нужна иная, усиленная, рама. И обязательно пускач для зимней заводки. По старым обычаям мелиорация считалась занятием сезонным: с ударами мороза полевые работы сворачивали до весеннего тепла — тогда без пускача обходились. Последнее время укладывают дренаж круглый год.

Легко сказать — зимний дренаж. Мало что техника, не рассчитанная на мерзлый грунт, увечится, как наказанная за провинность. А людям какая маета? Заиндевелые экскаваторы по утрам не заводятся, аккумуляторы «садятся». И тогда люди зажигают под картером ведро соляры, «поджаренную» технику цепляют на буксир к трактору и таскают, пока не заведется. Откуда терпение браться?

Да, Таллинскому экскаваторному заводу есть к чему приложить конструкторскую мысль. Заодно и кусторезам подкинуть бы силенок, чтобы не «клацались» они каждому кусту по три, четыре раза, а «двинули разок — и чисто».

— Мучает и капремонт. Это уже на нашем вологодском ремзаводе. Там как? — рассказывал мне Кораблев. — Подчистили, подкрасили, на «Колхиду» погрузили — катись, парень, домой. Я предлагал: давайте еще на заводской территории опробуем отремонтированный экскаватор, что не так, на месте исправим. Разве послушали? Вот и пишем безответные рекламации. В нашей мехколонне 15 экскаваторов, из них три стоят у забора, остальные чинят через день. А будь вся техника на ходу — и качество работ было бы лучше, и можно легко полтора плана давать, а так и одного не тянем.

ТЕПЕРЬ другая сторона медали. В Шексне не преминули похвастать результатами мелиорации. Сразу же за выездом из Шексны, по левую руку, расстилается огромное ровное поле. Было здесь в прошлом трясинное болото. «Барбач» называлось: «трактора и те тонули». Показывали и другие обновленные места. «Здесь утки гнездились...», «А здесь сплошной был иняк...» Имея на то право, люди гордились своей работой.

В «Чернеевском» тоже успели вкусить от мелиорации. Раньше самое крупное поле было гектаров в семнадцать, теперь — за сотню. Раньше не знали, что такое сцеп сеялок, и одной-то тесно было развернуться, это где-нибудь на Кубани или в Казахстанских степях привычно. Русский север сцепов не знал, но и тут настала пора дать технике простору. Заметно стала расти урожайность полей. Словом, грех вроде попрекать мелиораторов, что они напрасно едят хлеб. Но...

В совхозе наряду со словами искренней благодарности за их труд накапливается вполне оправданное недоумение. Почему, собственно, и зачем они осушают... холмы? Заболоченные луга — там ясно, отводится перенизбыток влаги. Но горы-то?

— Весь участок у деревни Ребячьево составляет 350 гектаров. Мы считаем, что ровно треть осушать не надо, пустая трата государственных средств. (Это директор совхоза Анатолий Васильевич Юшин.) Низа надо. Кто спорит? А верха? Просто в толк не возьмем. Много тысяч зря ухлопаем.

— У нас немало площадей, которые действительно необходимо осушать, бывшие покосы и пастбища заросли кустарником и лесом, но мелиораторы леса боятся, сторонятся его. (Главный агроном Игорь Николаевич Соловьев.) Можем для наглядности проехать, показать в натуре.

«Натура» пояснений не требует. Осушаемый участок, начинаясь от Ребячьева, доходит до деревни Симоново. Далее — другой участок. Их разделяет клин мелколесья с вкраплинами болотных блюдец. Кочки. Осока. Сюда бы мелиораторов! Однако вопреки логике и просьбам совхоза «клин» из проекта исключен, и сама идея мелиорации перевернулась с ног на голову: что требует осушения — не осушается, что не нуждается в осушении — сушат. Поневоле в совхозе сложилось мнение, что мелиораторы берут работу полегче. В лесу да болоте морока: пни, коряги, техника вязнет — а на горах и чистенько, и сухо, план легче выполнять.

Хотелось знать, что думает на сей счет Виктор Кораблев, рабочий-передовик, победитель социалистического соревнования.

— Будь моя воля, — ответил он, — я на этом участке не стал бы укладывать дренаж. Ни к чему. В крайнем случае, клал бы дрены пореже. Но у нас проект, а проект — закон, и он подлежит исполнению. «Законников» на селе никто не знает, они тихо приехали, составили «бумагу» и тихо уехали. Попреки достаются на долю Кораблевых, кто коптится и мерзнет в экскаваторах и тракторах и за чужие ошибки платится своим именем.

Начальник ПМК Забегаев может вспомнить и то, как скрепя сердце они под благородным знаменем мелиорации — улучшения земли — давили, уничтожали природу.

Текла речка Пишковка, петляла, окуналась в омуты, рыба водилась... Спрямили по проекту Пишковку — мелкая канава, в кочках пройдешь, не замочишься. И с речкой Имай то же.

Сколько таких канав понарыто!

Горькие, непростые чувства будит природа, затиснутая в геометрические линии. В упоении легкой победы, чего доброго, немудрено запахать и тот родник, с которого начинается Волга.

— Зачем оголять ландшафт, стричь под гребенку? — спрашивает Забегаев. — Не только родники беречь, с болотами и теми осторожность не повредит. Мы наловчились сбрасывать воду, а и ее беречь надо.

В Шекснинском колхозе «Заря» мелиорируется площадь около пяти тысяч гектаров, встанешь на краю — что степь расстилается. И вместе с тем колхозников тревожит такой размах — земля-то их исконно лесная. Колхозники не выдержали и отстояли от ножа бульдозера, вопреки всем проектам, две куртины ельника: может, рыжиков придется солить, может, просто отдохнуть, а то в деревне жить и не видеть леса.

Накладки в проектах — не от злого умысла. Скорее от желания упростить задачу, достичь экономии. Только экономия оборачивается боком. Ошибки и просчеты не становятся легче лишь потому, что допущены не намеренно. Все равно им миллионная цена, цена гибели малых рек.

Неужели во избежание «просчетов и ошибок» приостанавливать мелиорацию? Конечно, нет! Кому положено, пусть поучится. Ради великого дела, которое легко загубить, если не проникнуться к нему уважением и любовью, не понять глубинных его корней и смысла.

К сожалению, времени на «учебу» нет — фронт Нечерноземья открыт, машина запущена, переучиваться придется на ходу. Слава богу, есть у кого. Прибалтика и Белоруссия освоили эту науку наперед российского Нечерноземья. Их опыт — руководство и порука успеха. Кстати, многие мелиораторы белорусского Полесья по собственному почину едут в Вологду. Толковые, знающие специалисты — и это обнадеживает, вселяет оптимизм.

В НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЕ РСФСР РАЗВЕРНУТЬ РАБОТЫ ПО КОМПЛЕКСНОМУ РАЗВИТИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СВЯЗАННЫХ С НИМ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ОСУЩЕСТВИТЬ МЕРОПРИЯТИЯ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ И ИНТЕНСИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА, РАСШИРИТЬ РАБОТЫ ПО МЕЛИОРАЦИИ ЗЕМЕЛЬ, ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧИТЬ НА ЭТОЙ ОСНОВЕ ПРОИЗВОДСТВО ЗЕРНА, ПРОДУКТОВ ЖИВОТНОВОДСТВА, ЛЬНА, КАРТОФЕЛЯ И ОВОЩЕЙ.

(Из проекта ЦК КПСС)

РОЖДЕНИЕ ПОЛЯ

С. МАКАРОВ

Новгород и Псков, Рязань и Калуга, Вологда и Кострома — здесь сердце России. Теперь этот большой и древний край — нечерноземная сторона — на пороге огромных и важных перемен. О первых успехах и неизбежных трудностях, которые сопутствуют рождению новой деревни, пишет в своих заметках журналист С. Макаров.

НОВГОРОД и Псков, Рязань и Калуга, Вологда и Кострома... Наша история, наш отчий дом. Довелось не так давно мне быть под Костромой на Чухломском озере. От райцентра через водную гладь, как на сказочном острове Буяне, на высокой горе поднимались крутобокие маковки монастыря.

— Красиво? — спросил водитель попутного грузовика. — Реставраторы говорят, монастырь — большая ценность, в золотое кольцо России будто включен.

И я подумал тогда, что, конечно же, хорошо, что «включили», и вообще что создали это «кольцо», что хранить старину великое и святое дело. Но разве этого достаточно? Вот подправят ее, подзолотят, по туристским маршрутам хлынут гости — и свои, и заморские, — будут жужжать кинокамерами, дивясь мастерству неизвестных зодчих, а потом дружно усядутся в автобус и покатят по шипучему асфальту к очередной достопримечательности.

Но ведь мы — не туристы. Хозяева. Мы от рождения и навеки обручены невидимым кольцом и с этой неброской землей, и с этой древностью, которая помогает нам осознать собственное национальное достоинство. Хозяева! Чем измерить наш долг перед этой землей?

И еще подумалось. Все, что уже началось на Нечерноземье — пусть с оступками, промахами, но началось, — это совсем не реставрация, не позолота, а сотворение новой деревни, новой жизни. И новой земли.

Поселок ШЕКСНА, Вологодская область

Фото Н. ДРУЖИНИНА

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ЛГ» В ИНСТИТУТЕ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ ВОСПИТАНИЯ АПН СССР

КОГО МЫ РАСТИМ?

ИТАК, настала пора подвести некоторые итоги разговора, который вызвал большой интерес наших читателей и длился на страницах «Литературной газеты» весь уходящий год. Получено около тысячи писем. Многие из них опубликованы. В дискуссии приняли участие известные литераторы, философы, педагоги. Среди них — писатели Юрий Нагибин и Леонид Жуховицкий, старший научный сотрудник Института философии АН СССР Генрих Батищев, старший научный сотрудник Института общей педагогики АПН СССР Юрий Азаров и другие.

Какие же вопросы поставил в своем письме «Кого мы растим?» саратовский инженер и литератор В. Серов? На первый взгляд вовсе и не дискуссионные.

Автор письма ратовал за воспитание в наших детях, в подрастающем поколении прежде всего «бойцовских» качеств, то есть твердого характера, решительности, умения постоять за наши идеалы, выступая против слабоволия, эгоизма, против воспитания «хлюпиков». Разве этот тезис В. Серова вызывает возражения? Нет, конечно. Очевидно, что в этом своем устремлении В. Серов прав.

Второй тезис В. Серова состоял в том, что для достижения этой цели — формирования «бойцовского характера» — требуется жесткая система воспитания, отбрасывающая сострадание к слабости, допускающая даже жестокость. Такие качества, как доброта, чуткость, отзывчивость, деликатность, ставились В. Серовым под сомнение, они-то, эти качества, якобы и свойственны «хлюпикам». Это положение касается уже не цели, а средств воспитания. Ясно и без дискуссии, что тут В. Серов не прав, вступает в противоречие со всей гуманистической системой нашего воспитания.

Так о чем же тогда спор?

Тем более что главные цели воспитания нам ясны: мы воспитываем строителей нового общества, мы формируем гармонически развитую личность, мы хотим видеть наших сыновей и дочерей стойкими, граждански активными, верными идеалам отцов.

Тем более что и средства воспитания нами в основном и главном выработаны: успехи советской педагогики, покоящейся на принципах коллективизма, гуманизма, равенства и уважения к личности воспитуемого, очевидны.

Есть, однако, один вопрос, он наиболее часто повторялся в читательских письмах, чисто педагогический вопрос, который можно сформулировать так: да, мы бесспорно должны воспитывать наших детей добрыми, гуманными, отзывчивыми, всегда способными прийти на помощь другому человеку, но при этом добиться и необходимой твердости характера, решительности, способности отстаивать свои принципы. Как этого соединения, сплава добиться на практике? Вот тут уже есть место для обмена мнениями, для разных точек зрения.

И еще. Что следует воспитывать сначала? В возрастной последовательности? «Бойцовские качества», силу характера, а потом уж — гуманные принципы и убеждения? Или наоборот: сначала гуманные, нравственные принципы, а потом уже «бойцовские качества», силу для отстаивания принципов и идеалов?

Об этом-то в основном и шел спор вокруг письма В. Серова.

Выдвинутые читательской дискуссией житейско-педагогические вопросы в более общем, более строгом виде можно сформулировать так: 1. Специфика семейного и школьного воспитания. 2. Соотношение идейного и нравственного в воспитании детей.

Институт общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР, высоко оценив значение дискуссии «Кого мы растим?», предложил провести на своей территории с участием своих ведущих научных сотрудников заключительный «круглый стол» по письму В. Серова. Редакция охотно приняла это предложение. На обсуждение были вынесены упомянутые выше вопросы. За «круглым столом» — представители всех лабораторий и секторов института. Диспут фактически принял форму научно-практической конференции по наиболее злободневным вопросам воспитания. В прениях выступили:

М. А. Алемаскин — заведующий сектором, кандидат психологических наук, О. С. Богданова — заведующая лабораторией, кандидат педагогических наук, Л. А. Богданович — заведующая лабораторией, доктор медицинских наук, И. И. Вершинова — старший научный сотрудник, кандидат философских наук, Р. Г. Гурова — заведующая сектором, кандидат философских наук, Т. К. Зайчикова — младший научный сотрудник, М. В. Кабатченко — ученый секретарь института, кандидат педагогических наук, М. В. Коваль — заведующая сектором, кандидат педагогических наук, В. В. Исеенофитов — старший научный сотрудник, В. И. Лейбсон — старший научный сотрудник Института художественного воспитания АПН СССР, кандидат филологических наук, А. С. Меликсетян — старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук, С. В. Мягченков — заведующий сектором, кандидат педагогических наук, А. М. Низова — заведующая отделом, кандидат педагогических наук, И. В. Перани — старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук.

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Вопрос о том, как сочетать в воспитуемом доброту, чуткость, терпимость и другие гуманные качества с твердостью, с качествами «бойцовскими», оказался в рамках проблемы специфики семейного и школьного воспитания не случайно. Само письмо В. Серова наглядно продемонстрировало пренебрежение этой спецификой. В. Серову, например, не нравится, что его дочь смотрит по телевизору мультфильмы, ему бы хотелось, чтобы она вместо этого читала «Овод».

— В. Серов не понимает, что дома, в семье воспитательная программа складывается из несколько иных компонентов, чем в школе или, скажем, в пионерской организации. — сказала А. М. Низова. — Принципы воспитания в школе и в семье должны быть общими, иначе они вступят в конфликт, но в школе преобладают содержательные, а в семье эмоциональные начала воспитания. В семье воспитательным эффектом обладает прежде всего личный пример родителей. Назидательные начала здесь обычно менее эффективны. И то, что В. Серов хотел бы эти эмоциональные возможности исключить из сферы как раз семейного воспитания, таит в себе опасность неоправданного ожесточения ребенка.

— «Сильная личность» — вот что дорого прежде всего В. Серову, но, говоря диалектически, сила — тоже вещь относительная, — заметил И. Б. Первин. — Я думаю, что В. Серов много шишек заработал в этой дискуссии именно из-за своего пренебрежительного, негуманного отношения к слабости и к так называемым слабым. Он признает только «добро с кулаками». Но там, где только «кулаки», там вскоре появляются и «локти». И вот уже В. Серов обрел себе сторонников, которых, по-видимому, совершенно не хотел бы иметь. Его в дискуссии поддержали приверженцы «бойцовских локтей» для отвоевывания себе «теплого местечка под солнцем». Не о таких «бойцах» писал В. Серов, но вот что значит впасть в крайности, быть недиалектичным в суждениях. Нет, родители должны прививать детям любовь к человеку, к его неповторимой индивидуальности. А нетерпимыми, конечно, следует быть, но лишь к качествам, несовместимым с нашими моральными принципами. Обычные человеческие слабости сами по себе не являются таким родом пороком.

Если бок о бок с воспитанием мировоззренческим, идейно-политическим не идет воспитание нравственное — элементарной порядочности, честности, человеколюбия, то усвоенные высокие принципы, за которые справедливо ратует В. Серов, могут повиснуть в воздухе, не стать руководством к действию в жизни. А может быть и еще хуже: возникает некая «мини-нравственность», мир делится на «своих» и «чужих». Именно отсюда возникла та парадоксальная ситуация в дискуссии «Кого мы растим?», при которой верный принцип В. Серова о необходимости воспитания «бойцовского характера» был воспринят как призыв энергично отстаивать интересы «своих» и пренебрегать интересами «чужими». Банальна истина, что человечество любить легко, трудно полюбить соседа. Но этому надо учить именно в семье.

А. М. Низова: Если ребята видят, что нет истинной любви между отцом и матерью, то взывать насчет любви к ближнему бесполезно. Эти ребята вырастут циниками, они будут убеждены: нет никакой любви и ближнему. Это очень важный момент в формировании таких качеств, как способность к сопереживанию, сочувствие к чужой беде, способность к справедливой оценке поведения и поступков «чужих» людей.

Семейное воспитание основывается на чувстве родства и на чувстве общения. Родство или товарищество — что важнее? Очень часто родители становятся на позицию: «Ах, тебе товарищ дороже брата родного!» Иногда у ребят хватает мужества сказать: «Дело не в том, родной или не родной, а в том, хороший он или плохой». Но не так редко принцип родства берет верх над принципом справедливости, принципом нравственности.

В. И. Лейбсон: И все же вопрос, который поставил В. Серов, сложнее. Зря Серова подозревают в том, что он якобы против доброты. Против доброты никто не выступает, все — за. Но он за то, чтобы добро было активным, а не пассивным. Тут-то и начинается проблема. Когда был высказан довольно актуальный лозунг, что «добро должно быть с кулаками», многие сделали вывод, что в практической жизни важнее всего «локти». И В. Серов за доброту. Он просто сделал акцент на «бойцовском характере». Но, когда человек считает, что для достижения цели хороши все средства, то сама цель качественно видоизменяется. Это общеизвестная истина. И если родители в воспитании своих детей сделают упор на «кулаки», на «локти», на высвобождение энергии для достижения цели любой ценой, то дети могут со временем заметно видоизменить саму цель, если не забыть ее совсем. Об этой опасности никогда не надо забывать.

Тут спокойное течение беседы было прервано. Послышались реплики из зала. В. Серов прав в одном и очень важном: надо приучать детей и борьбе, и преодолению трудностей. Жизнь сложна, в ней еще много недостатков, есть отрицательные явления. Как добиться, чтобы дети выросли стойкими, не поддавались дурному влиянию, не мирились со злом?

М. В. Кабатченко: Да, жизнь сложна, полна напряжений, и мы должны так построить воспитание ребенка, чтобы в этих неизбежных жизненных напряжениях он стойко удержался, умел найти выход из стрессовых ситуаций и не наделал глупостей. Мне кажется, что это действительно главный вопрос, поднятый В. Серовым. Надо этому учить, что и пытается, как мне показалось, небезуспешно делать В. Серов в отношении своей дочери...

А. С. Меликсетян: Как? Читая вслух «Овода» и запрещая смотреть мультфильмы? Морализируя? Может быть, я выскажу крамольную мысль, но мы, педагоги, какие-то неисправимые моралисты. Пора подумать о том, как воспитывать, не морализируя. Правильно здесь говорили, что, по крайней мере, в семье главный воспитательный фактор — личный пример. Существует такой сомнительный афоризм: нет плохих учеников, есть плохие учителя. Я бы высказал другой афоризм, как мне кажется, более близкий к истине: нет плохих родителей, есть чужие, неподходящие, несовместимые люди, которые вступили в брак и родили детей. У таких родителей ничего с воспитанием не получится, сколько бы они ни морализировали, потому что у них нет единых согласованных задач воспитания.

Эта реплика вызвала резкие возражения. Нет спору, неудачный брак — не лучшая почва для семейного воспитания, но надо же быть реалистами: неудачные браки существуют и будут существовать, и в них рождаются дети. И в неудачных браках родители заинтересованы вырастить хороших, добрых и в то же время защищенных перед трудностями жизни детей. В этом им должна помочь взрослая педагогика.

Нет, не педагогика — для взрослых, но учебники по воспитанию детей, а именно взрослая педагогика, то есть система воспитания самих родителей. Как отмечалось за «круглым столом», этот раздел педагогики у нас еще слабо разработан.

Не нам только прозвучали слова: «все родители заинтересованы», — возникла новая волна спора.

М. В. Кабатченко: Следует говорить и о пониженной экономической заинтересованности родителей в воспитании своих детей вследствие высокого уровня социальных гарантий, обеспечиваемых нашим обществом. Так же как мы говорим о встречающейся в некоторых случаях пониженной заинтересованности человека в общественном труде и анализируем причины этого. Мне думается, одна из причин вот какая. Сегодня наши дети существенно отдалены от процесса материального производства, от дела, которым занимаются их родители. Раньше мы знали, чем занимаются наши папы и мамы. Мы видели их в труде, и даже, как могли, сами в нем участвовали. Сегодня родители куда-то уходят, откуда-то приходят, и дети об этом ничего не знают. В то же время родителей мало заботит, кем станут их дети, когда вырастут. Это снижает ответственность за воспитание. Не участвуя в профориентации, в подготовке своего ребенка к будущей трудовой деятельности, тяжело вырабатывать в нем такие качества характера, как стойкость, отсутствие инфантильности, умение отстаивать верные принципы.

РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА: Это очень важно и очень верно. Над этим надо всем нам серьезно работать, но когда ставятся рядом, как синонимы, понятия «трудовое воспитание» и «профориентация» то допускается большая ошибка. Школа сегодня уделяет внимание профориентации, но это не трудовое воспитание, это не использование труда как стимула и средства нравственного формирования личности, в всего лишь подготовка и исполнению в будущем новой производственной функции. Когда трудовое воспитание и в школе, и в семье практически сводится к профориентации, то здесь трудового воспитания еще нет, оно едва ли на сегодня к тому.

М. В. Кабатченко: Согласен. Я прежде всего говорю именно о трудовом воспитании, о том, что необходимо разработать серьезную систему участия детей в производительном труде и по возможности именно совместно с родителями, рядом со взрослыми. В селе это решается довольно просто и дает замечательные результаты. Достаточно сослаться на опыт школ Ставрополья. В городе при огромной шкале самых разнообразных профессий и специальностей родителей — задача намного сложней, но надо искать хотя бы подступы к ее решению. Я бы сказал, что само семейное воспитание без воспитания трудового сводится к нулю. Или даже хуже того — оказывается со знаком минус, дает те отрицательные последствия в виде эгоизма, иждивенчества, неприспособленности, что, собственно, так и обеспокоило В. Серова.

Участники «круглого стола», споря с неверными педагогическими постулатами В. Серова, подчеркивали тем не менее, что автор письма «Кого мы растим?» вынес на обсуждение важнейший наш вопрос — о повышении ответственности родителей за воспитание своих детей. То, что формирование такого качества, как жестокость, недопустимо, в этом все были единодушны — и наши читатели, и участники «круглого стола». Если попытаться выявить эмоциональный заряд состоявшегося разговора, то можно смело утверждать, что в его основе было категорическое неприятие жестокости во всех ее формах и проявлениях, ибо жестокость чужда нашему обществу, нашей системе воспитания.

Но многие выступавшие обращали внимание на другое — на безответственность, на равнодушие иных родителей к сложной проблеме воспитания детей, на попытки «откупиться» от этой проблемы, да и от самих детей, созданием им того материального комфорта, который сам по себе, без соответствующих воспитательных усилий, может сыграть отрицательную роль. Никто сознательно не воспитывает жестокость, а если В. Серов даже попытается внушать своей дочери пользу жестокости, то она скорее всего не последует подобным внушениям. Жестокость детей — это чаще всего как раз продукт равнодушия и безответственности родителей. Об этом, кстати, лишний раз свидетельствует опубликованный недавно в «ЛГ» очерк Евг. Богата «Урок». Суд, перед которым оказались девочки, с необъяснимой жестокостью избивавшие свою одноклассницу, скрупулезно выявил именно этот фактор — равнодушие родителей к формированию нравственных качеств своих детей, их безответственность. Конечно, нередко причина этой безответственности — родительское неумение, педагогическая беспомощность.

Довольно, говорили участники «круглого стола», винить во всем одну лишь школу. Школа далеко не все может, а значит, и не за все в ответе. Надо разрушить стереотип «всеохватной ответственности школы. Сегодня внимание общественности должно быть сосредоточено на семейном воспитании, на его специфике. Это первый вывод, к которому пришли участники «круглого стола».

А школа, в свою очередь, имеет свои упущения и недостатки, и о них речь пошла дальше. Спор перешел ко второй проблеме.

ИДЕЙНОСТЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Наиболее обстоятельно об этой проблеме говорил С. В. Мягченков:

— Соблюдаем ли мы принцип своевременности в мировоззренческом, идейно-политическом формировании личности? И не ведет ли несоблюдение этого принципа к страшному упрощенчеству? Посмотрите, как усваивают дети в ином детском садике схожие социально-политические понятия: «революция — это когда народ прогнал капиталистов», «эксплуатация — это когда капиталисты грабят народ», «социализм — это когда всем живется одинаково хорошо и весело». Когда дети приходят в младшие классы школы, такой упрощенный подход нередко сохраняется. Едва ли верно осуществлять на уровне понятий идейно-политическое воспитание детей младшего возраста.

Сухомлинский делал это иначе. Он говорил: «Мировоззрение — не только система взглядов на мир... но и субъективное состояние личности, проявляющееся в ее мыслях, чувствах, воле, деятельности». То есть все идейно-политическое воспитание должно быть пронизано нравственным содержанием, иначе оно не будет воспитывать, а будет формировать начетчиков, людей, которые могут повторить любую прописную истину, но не способны ни на какие поступки.

Тут-то и возникает вопрос о специфике воспитания в школе и в семье. Семья воспитывает прежде всего своим нравственным климатом, своими нравственными отношениями, своим нравственным примером. Школа воспитывает прежде всего идейно-политическим содержанием, идейно-политическим климатом, идейно-политическими отношениями, идейно-политическим примером. Но и семья, и школа воспитывают всем своим образом жизни, всем своим укладом, всем своим духом.

Участники «круглого стола» говорили о том, что нельзя ограничивать воспитание детей рамками семьи и школы, что необходимо привлекать к воспитанию общественность, что нужно создавать такие условия, при которых дети могли бы проявлять свою общественную активность, свою гражданственность, свою нравственность.

Участники «круглого стола» говорили о том, что нельзя ограничивать воспитание детей рамками семьи и школы, что необходимо привлекать к воспитанию общественность, что нужно создавать такие условия, при которых дети могли бы проявлять свою общественную активность, свою гражданственность, свою нравственность.

Участники «круглого стола» говорили о том, что нельзя ограничивать воспитание детей рамками семьи и школы, что необходимо привлекать к воспитанию общественность, что нужно создавать такие условия, при которых дети могли бы проявлять свою общественную активность, свою гражданственность, свою нравственность.

Фото Н. СВИРИДОВОЙ и Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО

ИНГЛИШ? ФРАНСЕ? ДОЙЧ? ЧТО МЕШАЕТ

ПУБЛИКАЦИЕЙ ЭТОЙ СТАТЬИ РЕДАКЦИЯ ПОДВОДИТ ИТОГИ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

РАЗГОВОР о проблемах изучения иностранных языков, начатый статьей Г. Силиной («ЛГ», № 42, 1974), вызвал большой интерес у читателей. Ситуация, вызвавшая его, хорошо известна каждому по собственному опыту — иностранный язык учат годами, но мало кто преуспевает в его изучении настолько, чтобы быть в состоянии пользоваться своими знаниями в практической деятельности. А между тем международные контакты у нас постоянно расширяются и углубляются.

Приходится организовывать курсы и, оторвав от работы, посылать учиться людей, в чьих дипломах красуются вполне положительные оценки. Сколь ясна сложившаяся ситуация, столь же ясно ставился и вопрос: что надо предпринять, чтобы быстро и существенно улучшить преподавание иностранных языков?

ИЗ ИСТОРИИ...

Откуда же взялась эта болезнь? В чем причина того, что, как показывают опросы, только примерно восьмая часть работников научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро — героев НТР, успешно окончивших вузы, способны сами, без помощи переводчика разобраться в иностранной статье?

Напомним историю вопроса. В 1961 году Совет Министров СССР принял постановление «Об улучшении изучения иностранных языков». В нем констатировалось, что «в подавляющем большинстве лица, оканчивающие общеобразовательные средние школы, средние специальные и высшие учебные заведения, иностранным языком владеют слабо; незначительный запас слов и формальное знание грамматики не позволяют им переводить иностранный текст без словаря. Особенно недостаточны навыки разговорной речи. Серьезные недостатки имеются в подготовке преподавателей иностранного языка». Ставилась цель — «практическое овладение иностранными языками». Для этого предлагалось построить обучение таким образом, чтобы оно «максимально способствовало выработке у учащихся навыков разговорной речи и перевода иностранного текста без словаря». В неязыковых вузах объем аудиторных занятий устанавливался не менее 240 часов. Намечалась широкая программа выпуска учебных кинофильмов, грампластинок, книг, использования радио и телевидения. Казалось, дело наконец-то будет поставлено должным образом.

Увы, дальнейшее развитие событий похоже на возвращение сжатой пружины в первоначальное положение. В 1964 году Минвуз СССР концентрирует обучение языку (обязательную часть) на первых двух курсах, что подрывает самую идею об изучении его в интересах будущей специальности, поскольку специальное образование начинается после второго курса. В 1965 году в неязыковых вузах отменяется вступительный экзамен по иностранному языку. Тем самым этот предмет в школе превращается как бы во второстепенный, что, естественно, еще более ухудшает знания выпускников школ. В 1967 году официально узаконивается снижение объема обязательных занятий до 210 часов, на первое место снова ставится умение читать.

Утвержденная в 1974 году вузовская программа повторяет недостатки своей предшественницы. В ней приводится такая формулировка: «Под практическим владением понимается использование языка специалистами в их практической деятельности». И далее: «Практическое владение языком означает такую речевую деятельность, которая дает возможность читать оригинальную литературу...» (Выделено нами.— Ред.). Ни одно из девяти данных в толковом словаре Ушакова определений не толкует речь как чтение.

Выполнение задач, намеченных в постановлении 1961 года, требовало, в частности, и перестройки методики преподавания. Но практически все осталось по-старому.

Участники дискуссии вновь отметили те же недостатки в деле изучения иностранных языков: несоответствие учебных программ духу времени (Г. Силина, «ЛГ», № 42, 1974; В. Гуськова, Б. Гвоздович, Б. Бунтяков, «ЛГ», № 50, 1974; Н. Горелов, «ЛГ», № 4, 1975), плохую обеспеченность школ и вузов техническими средствами обучения (Г. Силина, «ЛГ», № 42, 1974; Н. Дащенко, «ЛГ», № 47, 1974), слабую подготовку многих преподавателей (Б. Ноткин, «ЛГ», № 20, 1975).

Дискуссия об изучении иностранных языков не оставила наших читателей равнодушными. На каждую публикацию редакция получала множество писем. Писали со всех концов Советского Союза, приходили письма из-за рубежа. Но во всей этой почте оказалось одно-единственное письмо от организации, ответственной за изучение языков, подписанное заместителем министра высшего и среднего специального образования СССР Н. Егоровым. Другие организации устранились от разговора. Что ж, отсутствие ответа — тоже красноречивый ответ, показатель меры заинтересованности в порученном деле.

Некоторые товарищи, уклонившись от делового обсуждения насущных проблем, все же реагировали на наши выступления. Правда, выбранная ими для этого форма в некоторых случаях была, мягко говоря, довольно странной. Такова была реакция научно-методического совета по иностранным языкам Минвуза РСФСР на статью В. Гуськовой, Б. Гвоздовича и Б. Бунтякова «Валуны равнодушия» («ЛГ», № 50, 1974). В статье, в частности, говорилось о том, что научно-методический совет Минвуза РСФСР подготовил проект вузовской программы, отвечающей требованиям времени, учитывающей современные достижения науки, дал рекомендации по перестройке учебного процесса. Но перед самым завершением работы совет был «распущен и заменен новым. Энтузиасты перестройки в него не вошли. Выполнять намеченные планы оказалось некому». Так ли уж удивительно после этого, что, обсудив публикацию, «члены президиума (нового, реорганизованного совета. — Ред.) единодушно отметили ненаучный характер статьи, спекулятивный подход к обсуждению серьезных вопросов программы»? Уважаемые члены президиума разослали свое единодушное мнение во все вузовские центры республики. Им не хватило всего одного экземпляра — для редакции «ЛГ» — и времени для обсуждения на наших страницах «серьезных вопросов программы».

Теперь об ответе заместителя министра высшего и среднего специального образования СССР Н. Егорова.

«Учебные планы всех специальностей вузов, — пишет он, — крайне перегружены, и выделить большее количество часов на изучение иностранного языка не представляется возможным». Но ведь нам мы видели, имеет место УМЕНЬШЕНИЕ установленного Советом Министров СССР в 1961 году обязательного минимума в 240 часов! «В условиях научно-технического прогресса, — пишет далее Н. Егоров, — специалисты должны систематически знакомиться с литературой по профилю своей специальности и обладать некоторыми навыками устной речи, необходимыми им в случае посещения зарубежных стран. Это находит свое отражение в программах... в виде двух самостоятельных целевых установок: во-первых, читать литературу по специальности... и, во-вторых, принимать участие в устном общении...» Нам снова приходится напоминать постановление Совета Министров СССР. Владение иностранной разговорной речью рассматривалось в постановлении не просто как средство общения в внезодических выездах за рубеж, а в первую очередь как основа практического владения языком.

В заключение в ответе высказано обнадеживающее заявление: «Министерство постоянно уделяет большое внимание совершенствованию методики преподавания иностранных языков. Так, в течение длительного времени экспериментально проверяется методика ускоренного обучения, основанная на методе профессора Г. Лозанова, применительно к вузам. Изучение опыта работы в данном направлении... позволит обобщить и внедрить в практику все то положительное, что связано с совершенствованием методики обучения иностранным языкам». Что же, будем надеяться.

МОЖНО УЧИТЬ БЫСТРЕЕ!

Многие выступавшие на страницах «ЛГ» и приславшие письма в редакцию предлагали в качестве одного из главных путей улучшения языкового образования в стране обратить самое пристальное внимание на интенсивные методы обучения. О них говорилось в статье Г. Силиной, открывшей дискуссию, в интервью с болгарским профессором Г. Лозановым («ЛГ», № 13, 1975), в статье В. Гуськовой, Б. Гвоздовича и Б. Бунтякова («ЛГ», № 50, 1974), в статьях Н. Русаковой («ЛГ», № 13, 1975), А. Леонтьева («ЛГ», № 30, 1975).

Некоторое время назад редакция за «круглым столом» обсудила положение дел с развитием интенсивных методов обучения у нас в стране. Были приглашены представители организаций, чья работа связана с необходимостью знать иностранные языки, видные ученые — лингвисты, педагоги, психологи.

Тон обсуждению задал профессор А. Леонтьев, отметивший, как и ранее в своей статье («ЛГ», № 30, 1975), что интенсификация учебного процесса должна стать основным направлением современной педагогики вообще, а не просто частным методом в преподавании иностранных языков.

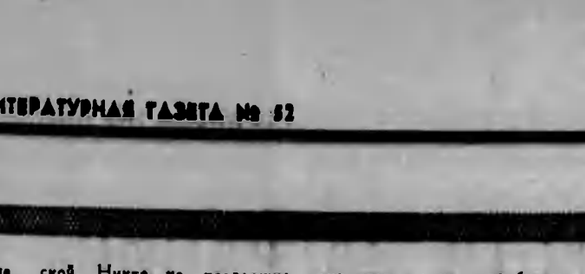
— Разработанная нами так называемая эмоционально-смысловая методика, опирающаяся на идеи советской психологической школы Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, болгарского профессора Г. Лозанова, и достижения современной лингвистики позволяют сократить сроки обучения языку до двух-трех месяцев, — сказал в своем выступлении доцент Н. Шехтер. — За это время наши выпускники получают языковой запас и навыки устной речи в таком объеме, что вполне могут свободно разговаривать с иностранцем, читать и переводить зарубежную газету, или статью по своей специальности. Конечно, они не становятся тонкими лингвистами, речь их и в фонетическом, и в грамматическом отношении уязвима для критики, пишут они тоже не совершенно безошибочно, но если бы средний выпускник среднего неязыкового вуза обладал такими знаниями, не нужно было бы ни этой дискуссии, ни этого нашего сегодняшнего разговора и Минвуз мог бы считать свою задачу в этой части полностью выполненной. Часто ссылаются на затруднения с преподавателями. Но это более кажущееся, чем реальные трудности. Наш опыт показывает, что «традиционному» преподавателю достаточно трех-четырех месяцев, чтобы овладеть интенсивной методикой. Есть, конечно, и действительные трудности: острая нехватка на кафедрах современных технических средств — магнитофонов, лингафонов, кинофильмов, диапозитивов и так далее.

Профессора Ф. Вассин, И. Вельвовский говорили в своих выступлениях о том, что интенсивные методы обучения дают возможность усваивать значительно больший объем информации со значительно меньшими усилиями со стороны учащегося. Вместе с тем в отдельных выступлениях и полученных редакцией письмах звучали нотки сомнения в эффективности нового направления. Позицию этой «стороны» выразила за «круглым столом» профессор З. Цветкова.

— Должна сказать, что я никак не разделяю тех восторгов и надежд, которые высказываются последнее время по поводу интенсивных методов обучения иностранным языкам. Пока же появляющиеся рекламные и необоснованные статьи сеют смуту в умах неспециалистов. К сожалению, важная проблема повышения эффективности преподавания, которая должна решаться на серьезных основах и с учетом их-

но-эстетическое воспитание Сухомлинский старался положить на нравственную основу, на конкретную жизненную фактуру, он побуждал детей переживать идейные образы. Он говорил: «Слово «коммунист» дети слышат очень часто. Я стремился к тому, чтобы в их сознании это слово и понятие сливалось с самыми яркими, самыми благородными образами борцов за освобождение нашего народа от эксплуататоров... за коммунистических преобразование общества». Поэтому для младших школьников проводился большой цикл бесед о коммунистах: «Люди с пламенными сердцами». Это был принципиально иной подход: сложное понятие ребятам не разжевывалось, не растолковывалось, а как бы само складывалось в их воображении через конкретное со-

ЗАКАНЧИВАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ ПИСЬМА САРАТОВСКОГО ИНЖЕНЕРА В. СЕРОВА

держание жизни борцов-революционеров. Так с самого начала формировались стойкие идейные убеждения, а не набор куцых, упрощенных знаний, не пропущенных через себя, не осмысленных и не пережитых.

Идейность, в конечном счете, есть высшая нравственность. Но только тогда, когда идейные принципы стали убеждением, когда они не хранятся в памяти лишь для произнесения правильных, грамотных речей, а действительно становятся руководящими принципами всей нравственной жизни человека, всех его поступков, его слов и дел. Школа иногда не справляется с самым важным и сложным звеном — формированием убеждений. Здесь методика и научные основы недостаточно разработаны. Поэтому практика подчас дает отрицательные результаты несмотря на широкий размах массовых и впечатляющих мероприятий.

Я хочу привести такой пример. Работая я много лет с одной учительницей-фронтовичкой. Она прошла от Москвы до Пруссии санитаркой, выносила с поля боя раненых. Эта учительница рассказала мне удручающий случай. Готовясь к 30-летию Победы, она с классом делала большой красочный стенд. И вот когда стали обозначать победный путь 1-го Белорусского фронта, на нее нахлынули воспоминания, она плохо себя почувствовала. Она сказала ребятам, что дальше продолжать работу не может, пойдет домой. В этот день в школе был вечер. И вот все ребята — любимый класс! — метнулись на вечер. Только двое из них донесли макеты до учитель-

ственного заряда в душе ребенка, хотя нам-то кажется, что эти мероприятия более всего служат целям воспитания. А знаете, почему этот парадокс получается? Турпоход — обязательно, сбор металлолома — обязательно, не пришел — подвел класс, вечера — обязательные и т. д. Открается проблема выбора. Гораздо легче заставить сделать правильно. Но педагогика заключается в том, чтобы воспитать у ребенка потребность правильно делать, а это возможно тогда, когда в реальном процессе воспитания есть ситуация нравственного выбора. Нравственное воспитание эффективно, когда человек может поступить и так, и вдак и должен сам решить, как поступить правильнее, нравственнее. Нравственный выбор должен быть делом его собственной совести.

Мы же нередко диктуем, приказываем, как надо поступать, грозим карами, не доверяя совести ребят. Так она у них подчас и остается неразвитой. И вслед за этим, естественно, остается неразвитым чувство ответственности, чувство вины за проступок. Ученикам 7-х и 8-х классов, которые допускали нарушения дисциплины, был задан вопрос: кто виноват в твоем проступке? Ребята отвечали: пионерская организация, классный руководитель, комсомол. И далеко не все написали: я сам. Если виноваты все, кроме меня, то никогда не будет ни доброго человека, ни борца!

В. И. Лейбсон: Когда нет работы совести, тогда и самые высокие принципы и идеалы, внешне усвоенные, могут стать лишь атрибутами собственного удобства и комфорта. В свое время «Литературная газета» писала о мальчиках с гитарами, какие они нехорошие и сколько вреда от них. Но сейчас я бы назвал другое явление: «мальчики с портфелями» — появились такие. Они очень благопристойны, опрятно одеты, с хорошими манерами, и они знают, чего хотят. Слова они говорят правильные, а стремятся только к одному — к личному успеху.

С. В. Мягченков: Все взаимосвязано. Если допускаются беспринципность, цинизм, приспособленчество в обращении с большими, высокими принципами нашей жизни, то ато приводит к тому же самому в нравственных представлениях. Вы посмотрите, как сегодня некоторые ребята проявляют свою «доброту» по отношению к учителю, свою «заботу» о нем.

Вызываю подростка на беседу, он нетерпеливо ерзает:

— Хорошо, я ато знаю. Может быть, кончим?

— Почему?

— Меня хоккей ждет. Вы уже беседу провели, свой рабочий план выполнили. Что вы хотите от меня еще? Я все заранее знаю, что бт меня требуется. Вы не будете тратить время, и я на хоккей успею!

А одной учительнице нашей он же сказал: «Ника Федоровна, зачем вы так стараетесь, выкладываетесь, вас так и до пенсии не хватит!» Школьники научились распознавать чисто служебную функцию учителя и нередко стремятся вступить с ним в бесконфликтно-договорные отношения.

В. В. Ксенофонтов: Не сами ли порой этому учим? Ребята очень чутки к тем элементарным нравственным качествам, о которых мы здесь говорим, — справедливости, честности, правдивости и т. д. Но что получается? Учителя призывают ребят быть честными людьми, честными тружениками, внушают им высокие идеалы. Но дальше происходят следующие вещи. Мой сосед, ученик 8-го класса, должен отработать трудовую практику — 50 часов. Он уходит в школу в 9 часов утра и приходит через полтора часа, говорит: «Все в порядке, учительница отпустила». И так раз, два. Потом, случайно оказавшись в школе, я увидел список, где написано: такого-то числа отработал 4 часа, такого-то 4 часа, 4 часа... Я спрашиваю: «Послушай, друг, ты приходишь через полтора часа, а числится почему-то четыре». — «Это учительница. У нее дома дела. Ей некогда». Учительница своей рукой ставит четыре часа вместо полутора... Антипедагогичность этого примера очевидна. Но он очень характерен для проблемы, которую мы обсуждаем: расхождение между словом и делом. У нас действительно встречается «мини-нравственность», нравственность для узкого круга: я тебе не мешаю, ты мне не мешаешь, нам обоим хорошо, мы хорошие люди. А о большом мире мы знаем много красивых слов, но он нас мало касается. Его и обмануть не грех, как с этими приписками часов производственной практики...

К какому же второму выводу пришли участники «круглого стола»?

По их мнению, основная и наиболее опасная ошибка В. Серова состоит в том, что он отрывает мировоззренческое, идейное воспитание от нравственного. Будь борцом за высокие коммунистические принципы, а там уж не важно — добрый ты или жестокий, деликатный или приверженец грубой силы. Участники разговора отмечали, что дело тут не в одном лишь заблуждении В. Серова. Как видно из приведенных примеров, в некоторых случаях и школьная воспитательная практика как бы отодвигает на второй план формирование элементарных нравственных качеств ребенка. Можно ли, однако, забывать, что идейно зрелый, мировоззренчески зрелый человек — это человек с прочным нравственным фундаментом? А если нравственного фундамента нет, то возникает опасность при всей правильности мировоззренческих установок воспитания создать в известной степени циничный продукт, вырастить приспособленца.

Участники разговора подчеркивали: обсуждавшиеся проблемы столь сложны, что подвести все итоги, ответить на все вопросы невозможно даже на столь представительной встрече.

— Этим «круглым столом» «Литературной газете» не удастся закрыть начатый ею интересный и очень важный разговор, — сказал М. А. Алемаскин.

Ну что ж, мы ведь заканчиваем обсуждение только письма В. Серова, которому выражаем искреннюю признательность за постановку актуальных вопросов воспитания, вызвавших заинтересованную и, может быть, порой более резкую, чем хотелось бы, полемику с автором письма. Что же касается самих проблем воспитания подрастающего поколения, то они по-прежнему будут в центре нашего внимания, и страницы «ЛГ» открыты для их постановки и обсуждения.

ОТДЕЛ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

СТАТЬ ПОЛИГЛОТОМ

спериментальных данных, не имеет базы для проверки различных новых методов, выбор которых зависит от целей обучения, от соотношения родного и иностранного языков. Вопрос о новых методах обучения, поднятый «ЛГ», очень важен, но он должен решаться серьезно и без демагогии.

Что ж, подобная точка зрения высказывается не впервые, но большинство поддержало интенсивные методы обучения. В конце концов, истина познается не в споре, а в правильно поставленном, объективном эксперименте. Об одном из таких экспериментов рассказала, в частности, кандидат филологических наук Г. Китайгородская, один из пионеров внедрения интенсивных методов в стране, до самого недавнего времени руководившая суггестопедической секцией языковых курсов в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени М. Тореза.

— Сегодняшний уровень наших знаний и умений позволяет обучить студента языку за пять недель, — сказала она. — Это будут не очень глубокие знания, с которыми он, впрочем, сможет свободно разговаривать с иностранцем, читать газету. Но и профессиональному знанию языка, знанию на уровне выпускника «вилла» можно обучить всего за пять месяцев. Так как же, зная это, имея готовые методики, квалифицированных преподавателей, можно терпеть, что после пяти лет из языкового вуза выходят специалисты со знанием одного языка, максимум двух?! Мы считаем, что современный инженер должен и может знать три-четыре языка, а специалист-филолог — не меньше шести-восьми. И помочь в решении этой задачи могут методы интенсивного обучения.

Вот что показывает объективное сравнение. Два года в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени М. Тореза шел эксперимент по сравнению результатов обучения по интенсивной методике и по ныне господствующему «сознательно-сопоставительному» методу. И когда обоим направлениям были предоставлены одинаковые условия, выяснилось, что интенсивное обучение значительно эффективнее.

На пути внедрения интенсивного обучения в широкую практику стоят не только нерешенные научные проблемы, но и административные препятствия. Об этом говорил Г. Трайнин, заведующий сектором курсового обучения Главного управления народного образования Мосгорисполкома. В его ведении находятся хорошо всем известные платные городские полуторагодичные и трехгодичные языковые курсы.

— Конечно, три или даже два года учебы — срок для взрослого человека малоподходящий, — сказал он. — Поэтому мы давно хотим организовать в нашей системе ускоренные курсы. И никаких объективных трудностей мы бы не встретили. Преподавателей можем найти хоть завтра. Что касается оборудования, то это для нас тоже не проблема. И тем не менее ускоренных курсов у нас пока нет, и не известно, удастся ли их создать.

Дело в том, что процесс интенсивного обучения, легкий для студента, требует огромной физической и интеллектуальной нагрузки преподавателя. Поэтому обычный режим его работы — месяц занятий и две недели подготовки к ним. У нас же предусмотрена только почасовая форма оплаты за время, фактически проведенное со студентом, совершенно не подходящая для ускоренных курсов, поскольку обычная годовая нагрузка преподавателя в 840 часов в этом случае нереальна. Она должна быть не выше 500, максимум 600 часов. При этом, как нетрудно понять, все равно получится гигантский рост «производительности труда» — минимум в восемь раз. Стараясь как-то решить вопросы оплаты, мы просили Министерство просвещения РСФСР разрешить нам открыть лабораторию новых методов обучения со ставками, соответствующими ставкам институтов Минвуза. Оплата предполагалась, естественно, из наших же средств. Но нам не разрешили сделать это.

Академик АПН СССР А. Петровский в своем выступлении выразил отношение Академии педагогических наук СССР к развитию интенсивных методов обучения в стране и как бы подвел итоги высказанных на «круглом столе» мнений.

— Интенсификация обучений — не дань проходящей моде, а неизбежное следствие и настоятельное требование научно-технической революции, — сказал он. — Следствие, потому что развитие науки сделало возможным появление принципиально новых методов преподавания. Требования, потому что резкое увеличение получаемой научной информации заставляет увеличивать скорость ее усвоения. Чтобы поспевать за веком, мы должны учить быстрее. Эта тенденция должна стать всеобъемлющей, коснуться и школ, и вузов, распространиться на преподавание всех дисциплин. Такова программа-максимум. Для выполнения ее нужны большие научные исследования во многих областях педагогики, психологии, медицины, специальных дисциплин. Нет никаких сомнений в том, что проблема ускоренных методов обучения иностранным языкам вступила в новую фазу разработки и практического внедрения педагогических и психологических концепций, инициатором которых был болгарский ученый, профессор Г. Лозанов. Академия педагогических наук СССР с большим интересом относится к возможностям, которые открывают новые методы обучений. Вместе с тем мы понимаем, что необходимы глубокие исследования возможностей этих методов, условий их применения. Но уже сейчас нужно выпускать в практику то, в чем мы уверены. Для систематизации имеющегося опыта, координации работ и научных исследований в этой области мы недавно создали при Академии педагогических наук проблемный совет по психологии и методике интенсивного обучения иностранным языкам, в состав которого вошли компетентные специалисты в этих областях. Председателем совета утвержден профессор А. Леонтьев. Ближайшая задача совета — обсуждение состояния исследований и практической разработки интенсивных методов. Следует подумать о создании специальной лаборатории проблем интенсивного обучения, где могли бы изучаться все аспекты этого процесса. Жизнь не ждет, приходит время переходить к практическим действиям.

РЕДАКЦИЯ полностью присоединяется к этим словам и хочет надеяться, что результаты не заставят себя ждать.

Проведенная дискуссия о проблемах изучения иностранных языков подтвердила наличие еще многих «больных» вопросов в этой области, ее участники предложили некоторые пути их решения. Теперь слово за организациями, от которых зависит принятие этих решений.

ОТДЕЛ НАУКИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Академик **М. В. НЕЧКИНА**

ДЕЛО ДЕКАБРИСТОВ

«...Их дело не пропало»
В. И. ЛЕНИН

Слова Ленина, приведенные в эпиграфе, всем хорошо известны. Они взяты из его статьи «Памяти Герцена» и входят в периодизацию революционного движения России, развернутую там Лениным. Нет работы о декабристах, в которой не цитировался бы этот знаменитый текст. И все же в дни, когда вся страна отмечает 150-летие со дня восстания первых русских революционеров, хочется еще раз вернуться к смыслу этого глубокого, разностороннего, волнующего понятия: «их дело». В чем же оно состоит — дело декабристов? Почему оно «не пропало», несмотря на разгром восстания 14 декабря в Петербурге, несмотря на гибель восстания Черниговского полка у деревни Трилесы на заснеженных полях Украины? Несмотря на страшную казнь пятерых и сибирское заточение и изгнание 121 «государственного преступника»? Встречается и упрощенный ответ: дело их не пропало, потому что они «разбудили Герцена», — вот и все. Но чем же, как они его разбудили? Почему он проснулся? И почему, развернув революционную агитацию, он нашел такой сильный, многоголосый отклик тех, кто подхватил, расширил, укрепил, закалил эти идеи, тех, кто вышел из «узкого круга» на более широкую связь с народом, кто сам потом вырос в «молодых штурманов будущей бури» (В. И. Ленин)?

На все эти вопросы мы находим многократные ответы у Ленина. Первый — несколькими абзацами выше, в той же статье, «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол»... встал горой за освобождение крестьян», — пишет Ленин. Да, действительно, борьба за сокрушение крепостного права, за освобождение крестьян — в числе самых первых, самых основных декабристских традиций, она — неотъемлемая часть «дела декабристов». Но Ленин не ограничился сжатым, прямым указанием на одну из сильнейших традиций движения. Он обратил внимание и на моральную ее сторону. Ведь декабристы были дворянами, крепостное право владения крестьянами было их правом, их привилегией, они могли бы жить беспечно, извлекая из этого права огромные материальные выгоды и предаваясь жестокому разгулу неограниченной власти человека-владыки над человеком-рабом. «Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальщиков», да прекраснодушных Маниловых, — продолжает Ленин, цитируя герценовские образы. — «И между ними, — писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-подвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболения».

Всей этой моральной нищете выросшего на крепостном праве дворянства Ленин, соглашаясь с Герценом, противопоставил «людей 14 декабря». Декабристы — сами дворяне написали на своих знаменах лозунг уничтожения дворянства, уничтожения крепостного права, их собственной дворянской привилегии. Это отречение от своих прав во имя велений своей совести, своих убеждений, конечно, тоже «дело декабристов». Они учили этому молодое поколение. Ленин прямо поставил тут вопрос о формировании мировоззрения декабристов в сложной классовой обстановке, сильнейшее сопротивление которой надо преодолеть, чтобы завоевать передовые убеждения.

В 1917 году, в день памяти 9 января 1905 года, Ленин прочел в Цюрихе для собравшейся в Народном доме молодежи «Доклад о революции 1905 года». «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами», — говорил Ленин в этом докладе. Подчеркнутые нами строки прямым и точным образом свидетельствуют о вкладе в «дело декабристов», являются его элементом. Декабристы были не только революционными борцами против крепостного права, но и против самодержавия. Это другое — крупнейшее — слагаемое «дела декабристов», органически соединенное с борьбой против крепостного права. Оба эти лозунга, поднятые личным подвигом «людей 14 декабря», и концентрируют в себе смысл «пробуждения» Герцена.

Не декабристы «придумали» эти лозунги! Их величайшей заслугой было именно то, что они увидели их в реальной жизни России, вглядываясь в нее, поняли, как назрели эти задачи в жизни их родины, как кровно нужно было ей их решение. Глубокое понимание реальности — высокий критерий для оценки деятельности революционера. Это тоже входит в их дело, заполняет его существо. Старый феодально-крепостной строй разлагался, отживал свой век, освобождая элементы нового — капиталистического — строя, прогрессивного в ту эпоху. Крепостничество и самодержавие оказывались тормозами для развивающейся, полной сил молодой страны. Это поняли «лучшие люди из дворян» (Ленин), выйдя на Сенатскую площадь под этими лозунгами с оружием в руках во главе трех тысяч солдат, поднятых на восстание их призывными речами. Восстание 14 декабря в Петербурге было разгромлено. Восстание Черниговского полка на юге потерпело поражение. Но восстание декабристов всколыхнуло страну.

Дворянские революционеры — декабристы были классово ограничены. Они боялись самостоятельного действия народных масс. Они хотели революционных преобразований для народа, но не через народ. Пробудить его к самостоятельному выступлению не входило в их задачи, пугало их. Но «лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ» — об этом говорит Ленин.

Давно известно из исторических исследований, что даже сразу после восстания декабристов на юге волна крестьянского движения прокатилась по украинским деревням, около которых двигались восставшие черниговцы: крестьяне требовали «воли», вспоминали прежние выступления против крепостного права. Ходили слухи о «Гонтином сыне», который явился на расправу с помещиками. Усмирять крестьян пришлось воинской силой. Новая публикация архивных материалов, вышедшая к настоящему юбилею[1], открывает перед нами ранее неизвестную картину крестьянских волнений вокруг Петербурга и в Петербургской губернии сразу после восстания декабристов. В первой половине 1826 года значительно усилилось крестьянское движение против помещиков. Крестьяне требовали освобождения от крепостного права. С самодельным оружием — пиками, дубинами, с топорами в руках — крестьяне шли против вооруженных воинских частей, усмиряющих движение. Николай I был вынужден до конца следствия и суда над декабристами издать — 12 мая 1826 года — фактически обращенный к крестьянам манифест, полный свирепых угроз тем, кто осмелится требовать «воли». Манифест опровергал слухи о том, будто бы готовится отмена крепостного права. Манифест было велено повсеместно читать в течение 6 месяцев.

Объективно весь этот отклик народа также относится к делу декабристов, которое «не пропало», входит в него. Оно уже начало жить своей жизнью, оно существовало в историческом процессе, хотя деятели, его создавшие, уже поднимались к кронверку Петропавловской, к валу, на котором возвышалось пять виселиц.

Стоустая молва разнесла слухи о восстании и казни декабристов по всей России. В конце января 1826 года, когда еще шла первая волна арестов, в шуйскую полицию привели рабочего ситцевой фабрики Николая Рогожкина, который «дерзновенно» рассказывал другим фабричным, что его императорское величество «вступил на престол усильно» (то есть насильно. — М. Н.), будто присяга требована была на верность подданства «посредством пушечных выстрелов», что, будь он тогда в Петербурге, и он взял бы ружье и убил бы кого-нибудь, потому что в то время «и генералов били». Судьба Рогожкина неизвестна.

Живший в Петербурге сапожник, очевидец событий, переехав потом в другие места, всюду рассказывал о восстании на Сенатской площади, поясняя, что господа требовали для крестьян боли «за 1812-й год». Сапожника так и называли «декабристом».

Документальные материалы рисуют живую картину распространения по России слухов о движении — их нельзя исчерпать в короткой статье. Потаенная солдатская песня «Собирайся, мелка чернядь, собирайся на совете показывала, что восставшие солдаты знали и некоторые конкретные замыслы декабристов, — например, о плане войти с площади в Сенат и требовать подписания манифеста к русскому народу. «Не в показанное время да царя требует сенот (в Сенат. — М. Н.) ...» — пелось в песне, и строка эта крайне смущала исследователей фольклора: они долго не знали, как ее объяснить. Песня была распространена чрезвычайно широко по всей России.

Волна народного движения объективно несла в себе память о деле декабристов, ставила его на очередь перед следующими революционными поколениями.

Герцен сказал, что «пушки на Исаакиевской площади разбудили целое поколение». Он сам принадлежал к этому поколению. Общественную важность явления подчеркивает Ленин, указывая на великое значение преемственности революционных поколений.

Мы располагаем документальными данными, чтобы узнать, в какой именно — самой ранней, конкретной — форме возникла эта преемственность. Напомним о ней, она — начало большого явления. Она также входит конкретным звеном в объективное значение дела декабристов.

Казнь над декабристами совершилась 13 июля 1826 года. Ритуал своего торжества над восстанием Николай I разработал лично. Это был комплекс весьма театрализованных «очистительных молебствий». Первое из них должно было состояться на Сенатской площади, аналой и священники должны были находиться именно на том месте, где убили Милорадовича. Во время молебна все войска должны были стоять «как бы случайно» на тех же местах, что и во время восстания. Знамена и штандарты должны были быть «при налое». Пехота, сняв воинские головные уборы, становится на колени. Фейерверк должен был вознестись на Елагином острове — в то лето летней резиденции императора. Все это должно было проходить 14 (!) числа июля.

Сходное «очистительное молебствие» состоялось 19 июля в Москве, куда уже переехала для коронации почти вся царская семья и двор. (Николай между этими датами и перебрался из Петербурга в Москву.)

Об этом московском молебствии нам расскажет знакомый голос:

«Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием. Середь Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийства. Вся царская фамилия молилась, около нее сенат, министры, а кругом, на огромном пространстве, стояли густые массы гвардии, коленопреклоненные, без кивера, и тоже молились: пушки гремели с высот Кремля. Никогда виселицы не имели такого торжества: Николай понял важность победы! Мальчиком четырнадцати лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, я тут, перед алтарем, осквернен-ным кровавой молитвой, я клялся отомстить казненных и обрекал себя на борьбу с этим троном, с этим алтарем, с этими пушками».

Этим мальчиком был Александр Герцен.

Потом вместе со своим другом Николаем Огаревым Герцен принесет свою знаменитую клятву на Воробьевых горах — посвятить всю жизнь избранной ими борьбе.

Революционная встафета не имела перерывов: Герцен развернул революционную агитацию.

Самым главным для Николая I было стереть у народа, у дворянства — у всех! — память о декабристах, заставить забыть о них. Пусть от них не останется и следа! Многим казалось, что так и будет. Ф. И. Тютчев писал: «О жертвы мысли безрассудной, вы уповали, может быть, что станет вашей крови скудной, чтоб вечный полюс растопить! Едва, дымясь, она сверкнула на ледяковой громаде льдов, зима железная дохнула — и не осталось и следов».

Поэт ошибся — следы остались. И не только следы — осталось дело революционеров. Надежды реакции не сбылись.

В годы революционной ситуации — 1859—1861 гг. — дело декабристов также не было забыто. В знаменитой революционной песне (автором ее вероятнее всего был В. С. Курочкин) говорилось об этом так:

Поднялись в то время на злодеев
Кондратий Рылеев,
Да полковник Пестель,
да киевье
Вовре честные.
Не сумели в те поры мы сивла
Отстоять их дело,
И сложили головы за братий
Пестель да Кондратий.

Строки этой замечательной песни еще раз подтверждают слова Ленина о том, что революционную агитацию Герцена, пробужденного декабристами, подхватили и расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы.

Помянули дело декабристов и пролетарские революционеры на высшем этапе революционной борьбы России, когда пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе масс и повел к революционной борьбе миллионы крестьян. Прокламационные листовки революционной социал-демократии вспоминали о декабристах. Нередко эти прокламации выпускались накануне 14 декабря, в честь первого революционного выступления в России. Листовка «К 75-летию 14 декабря 1825 г.» была издана в декабре 1900 года в Петербурге одним из комитетов рабочей организации. Она содержит такие строки:

«75 лет прошло с тех пор, как Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев, Каховский, Рылеев положили жизнь свою за свои убеждения, и мы, духовные внуки их, стоим перед той же силой, которая сломила их. Сила эта — русское самодержавие, самодержавие, которое задерживает правильный рост социалистического движения, которое губит в зародыше тысячи сил и жизней. Открытая борьба с ним будет первой борьбой русского пролетариата, победа над ним — первым шагом рабочего класса на пути его неудержимого, триумфального шествия под сенью Красного знамени социализма»[2]. Листовка Екатеринославского комитета РСДРП подробно разбирала причины неудачи декабристов: передовые дворяне понимали, что надо уничтожить «крепостное рабство и самодержавие». Но, даже опираясь на солдат, они не могли бы победить: для победы «нужны большие силы, для этого недостаточно преданности и самоотверженности горстки борцов, необходимо участие народных масс». Прокламация завершалась тремя лозунгами: «Вечная память борцам за свободу — декабристам!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!»[3].

Видная в агитационное значение этих призывов, мы можем еще раз ощутить исторический смысл дела декабристов, хотя оно и отдалено от нас временем в полтора века. Когда-то декабристы, дворянские революционеры все же помогли последующим поколениям революционных борцов «разбудить народ». Лозунги декабристов, обогащенные, расширенные и поднятые на новую высоту, включались в борьбу последующих поколений революционной России. Призывы к уничтожению пережитков крепостничества, тяжело давивших на развитие огромной страны, и лозунг свержения самодержавия включались в сложные новые требования последующих поколений. Понадобилось столетие революционной борьбы, чтобы наконец окончательно сбалить царизм и уничтожить остатки феодально-крепостнических отношений.

«Не пропадет ваш скорбный труд», — пророчески говорил декабристам Пушкин. «...Их дело не пропало», — ответил Пушкину голос Ленина из будущего века.

В стране победившего социализма, в стране, строящей коммунизм, мы чтим память декабристов — первенцев свободы России, зачинателей нашей революционной борьбы.

[1] К. Г. Ляшенко. «Листовки РСДРП о восстании декабристов». «Вопросы истории», № 12, 1975.

[2] Центральный государственный исторический архив. Фонд 1405. Опись 530, од. хр. 88, л. 184.

[3] В. Д. Черныщов. Документы о крестьянском движении в 1826 году. «Вопросы истории», № 6, 1975.

В МИРЕ БЕСПРАВИЯ

ШТЫК ПРОТИВ ПЕРА

«Чернильная душа, скоро тебе, видно, придется глотать свинец вместо чернил. До тебя дошло, чернильная душа!»

«Каудильо», Буэнос-Айрес, 6 ноября 1975 г.

ЧИТАЯ эти слова в редакционной колонке правого периодического издания, аргентинский журналист Эриберто Кан хорошо понял, что террористическая организация, известная под названием «Антикоммунистический альянс Аргентины», угрожает его жизни. Кан, политический репортер левой ежедневной газеты «Опиньон», издающейся в Буэнос-Айресе, навлек на себя смертельную опасность, написав нынешним летом серию статей, раскрывающих связи Хосе Лопеса Рега, который до недавнего времени был очень влиятельной фигурой в правительстве. Появление материалов Кана привело в итоге к изгнанию правого политического деятеля. Теперь репортер за это расплачивается.

Кан считает, что у него есть три возможности: игнорировать опасность; бежать из страны, на чем настаивает его семья; или ответить на угрозу единственным оружием, которым он располагает, — печатным словом. Журналист избрал третий путь. Он опубликовал заявление, в котором говорится, что если что-то случится с ним или с его женой и годовалой дочерью, ответственность ляжет на «Каудильо» и поддерживающие его организации... У Кана нет телохранителей, и он ходит один по улицам Буэнос-Айреса, где террористические группы похитили и убили многих людей, в том числе еще одного репортера «Опиньон» Хорхе Мани.

Журналисты стали объектом запугивания и террора во многих латиноамериканских странах. В Чили содержится в полной изоляции Марсия Скантлбери, тридцатилетняя журналистка и бывшая «королева красоты». Ее арестовали и подвергли пыткам агенты Национального разведывательного управления — зловещей чилийской тайной полиции. Стало известно, что в результате пыток она не могла есть, потеряла почти все волосы и на какое-то время лишилась рассудка. Говорят, что в руках тайной полиции находится также журналистка Глэдис Диаз. В Парагвае и Уругвае стало обычным избивать и сажать в тюрьмы всех непокорных работников печати, а в Доминиканской Республике и Гватемале в течение этого года несколько журналистов были убиты. В Бразилии агенты тайной полиции будят среди ночи многих работников печати и уводят их на «допросы», во время которых журналистов избивают, пытают электрошоком...

В настоящее время Аргентина, по-видимому, стоит на первом месте по размаху террора. В этом году в стране произошло 620 политических убийств. От преследований не гарантированы даже самые безобидные работники печати. Так, например, в конце прошлого месяца была похищена Анна Базуальдо, обозревательница мод женского журнала «Клаудиа».

«Мы живем, как на войне, — сказал Роберт Кокс, издатель газеты «Буэнос-Айрес геральд», которая последовательно выступает против террора, — а журналисты находятся не передней линии огня».

Из американского журнала «Ньюсуик»

Полицейские разгоняют демонстрацию американских индейцев, выступающих в защиту своих гражданских прав. Фото из американской газеты «Дейли уорлд»

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ В БАОКЕ № 7

13 лет, 1 месяц и 14 дней провела Елена Кудвин в качестве «душевнобольной» в закрытом отделении неврологической клиники в Гамбурге. И лишь по прошествии этого срока врачи, судьи и официальные инстанции признали, что женщина была вполне нормальной.

МАРТ 1958 года. Начало весны. Елена Кудвин прибыла поездом из Дюссельдорфа в Гамбург, чтобы подыскать себе новое место работы в качестве прислуги.

Полчаса спустя ее задерживает полицейский патруль. «Обычная проверка»,— заверяет офицер. Оказывается, накануне несколько человек звонили по телефону в полицейский участок и сообщили о какой-то женщине, которая в состоянии явного смятения бродила по парку и, возможно, нуждалась в помощи.

Елена Кудвин с раздражением реагирует на эту встречу с полицейскими. С ними она сроду не имела никаких дел. Она предъявляет удостоверение личности, объясняет, что ищет работу.

Тем не менее полицейские предлагают ей следовать за ними в участок. Основание: полицмейстеру Гансу Кюльке кажется — и впоследствии он внесет это в служебный протокол, — что в этой «беспризорной и беспомощной» женщине заметны признаки «явного смятения и помрачения сознания».

Кюльке спешит проконсультироваться с врачом «Скорой помощи». Услышав о «помрачении сознания», доктор Линнехоголь отдает распоряжение: «Оформить госпитализацию даже против воли пациентки в интересах ее же безопасности». (Г-жа Кудвин помнит, что так никогда и не видела в глаза врача, направившего ее в психолечебницу. Диагноз был поставлен по телефону.)

В тот же вечер Елену Кудвин доставляют в психиатрическое отделение гамбургской больницы Оксенцоль. В приемном покое делается запись: «Пациентка в ясном уме и полностью ориентируется...» И все-таки на следующий день д-р Эрдман просит местное ведомство здравоохранения подтвердить необходимость принудительной госпитализации. Мотивировка: «Речь идет о психозе, сопровождаемом бредовыми идеями. Г-же Кудвин чудится, будто половина Дюссельдорфа против нее...»

Родные и знакомые говорят о Елене Кудвин как о «милом и обходительном человеке». Чувствуя себя абсолютно нормальной и надеясь убедить в этом и врачей, она рассказывает им историю своей жизни.

Но это не вызывает никакой реакции.

Три месяца Елена Кудвин проводит в закрытом отделении, и кажется, вот-вот ошибка выяснится и все кончится. Главный врач больницы Оксенцоль сообщает в гамбургское ведомство здравоохранение, что «в итоге клинического лечения... уже нет оснований для принудительной госпитализации». 25 июля 1958 года суд первой инстанции района Гамбург-Вандсбек постановляет: «Решение о принудительном лечении отменяется».

Значит, дело с концом, подумал бы всякий нормальный человек. Но «доктора по нервам» так не считают. Они утягивают от пациентки решение суда о ее освобождении. Елена Кудвин продолжает содержаться взаперти в 7-м блоке — отделении для неизлечимых и социально опасных душевнобольных.

Проходят недели, положение г-жи Кудвин не улучшается. Она хочет быть по крайней мере полезной: ухаживает за больными, моет посуду, разносит еду, убирает постели.

Все это не мешает гамбургскому отделу социального обеспечения в октябре 1958 года охарактеризовать Елену Кудвин — эту бесплатную рабочую силу — как «перманентно нетрудоспособную» и поставить вопрос о преждевременном назначении ей пенсии. А это значит, что ежемесячно ей начисляется пенсия в размере 139 марок, которые она, однако, не получает на руки. Больница инкассирует эти деньги как компенсацию за стол и кров.

По прошествии еще нескольких недель затевается дело об установлении опеки. Во время официального собеседования Елене Кудвин не может ответить на вопрос, почему ее подвергают психиатрическому лечению, да еще вдобавок называет врачей и чиновников лжецами. Эксперт записывает: «Пациентка... является социально опасной»

Проходит еще 5 лет, и снова пересмотр дела. Новое решение гласит: «В соответствии с судебным постановлением об опеке дальнейшее пребывание в лечебнице одобряется».

Елена Кудвин покоряется своей судьбе. Но вот в октябре 1968 года ей попадается газета с сообщениями о деле юриста Имре Мюллера, которого на основании ложного подозрения несколько дней продержали в психолечебнице. Словно озарение, ее пронзает мысль о собственной участи. Она пишет Мюллеру и просит помощи. Мюллер называет ей адрес чешского д-ра Карла Финкенэгена. В свое время этот человек занимался делом Мюллера и содействовал за него перед дюссельдорфским административным судом.

Д-р Финкенэген не остается безучастным к судьбе Елены Кудвин и, добившись разрешения познакомиться с ее делом, предлагает осуществить его пересмотр.

Наконец, 1 февраля 1971 года прямо в 7-м блоке Оксенцольской психиатрической лечебницы происходит разбирательство. Оно длится не более 10 минут. Д-р Дуббер ошарашивает присутствующих лаконичной констатацией: «Г-же Кудвин не страдает бредовыми идеями».

В мае 1971 года следует решение суда первой инстанции района Гамбург-Вандсбек: всего одна строка на машинописной странице: «Постановление о принудительном содержании отменяется. Клаус, советник суда первой инстанции». После 13 лет, 1 месяца и 14 дней Елена Кудвин официально вновь признана нормальным человеком. Причину этой внезапной перемены в оценке ее состояния она так и не узнала.

Кудвин 70 лет. В январе этого года, поскольку решение об опеке над ней тоже отменено, она подала в гамбургский административный суд иск об отмене всех утверждений и приговоров, которые похитили у нее 13 лет жизни. Ответа она ждет до сих пор.

Нильс КУММЕР
Из западногерманского журнала «Штерн»

ПО ДОРОГАМ «ШЕСТИ ЗАГРАНИЦ»

КРИТИКА постоянно называла Бориса Агапова мастером научно-художественной прозы и одним из основателей этого жанра в советской литературе.

Титул был заслужен, но в нем содержалась неточность: ограничение. Ведь Агапов был широким публицистом школы тридцатых годов, безотказным к разной злобе дня. Главная тема — наука — не мешала этому, ибо он сосредоточивался на ней, а не замыкался. Агапов недаром называл писателя «открытой системой», непрестанно воспринимающей и отдающей, и сам был именно такой «системой».

«...Я люблю горы не как задник, повешенный для красоты над горизонтом, а как форму пространства, в которой мне удобно существовать. — Расшифровка следовала парадоксальная, точная, важная: — ...Что за карнизом? Что за уступом? Ведь не в том же дело, чтобы вскарабкаться выше предшественника (ненавижу чемпионство!). Но — увидеть! Но раскрыть вокруг себя, как зонт, горизонт...»

Это из «Шести заграниц» — так называется книга, оказавшаяся в жизни Бориса Агапова последней. Она — сборник очерков о его путешествиях разных лет: в победном мае сорок пятого — Германия, Австрия, Чехословакия, затем Япония, через двенадцать лет — Бельгия, позднее — Франция. (Последующие поездки — в Англию и США, будь он жив, может, легли бы в другую книгу.)

Здесь в каждом рассказе есть и пути, которые пришлось одолеть писателю, дорожные происшествия и невиданные пейзажи, города, люди иного воспитания, привычек, образа жизни, по-особому раскрывающиеся при общении. Однако назвать «Шесть заграниц» «путевыми очерками» трудно.

Потому что вместо эскизов — живопись, сочная и завершенная.

В сопоставлениях и противопоставлениях Агапов стремится лучше понять себя, нас. Точнее и выше ценить ценности общества, часть которого он сам. Не случайно в лучшем из повествований повторяется стихотворный рефрен:

Все слышится мне
милый стук часов
Над моею кроватью
в Москве...

Главное — он сделал читателя откровенным своим соучастником, и оттого ему, уже не постороннему, интересно, как Агапов исследует часть тревожного мира, в котором мы живем. Другую — не нашу часть.

Все по-своему.

По-своему увиден Берлин 1945-го, о котором столько было читано у других писателей, в том числе и у не уступавших в таланте и мастерстве. Кажется, будто я сам не раз ходил по усыпанному металлическим барахлом фашистских орденов и медалей полу райхсканцелярии — мрачного, тупо-помпезного сооружения, олицетворения и сердца нацизма.

Агапов заставил камни говорить об идеологии проклятого режима. Гигантские окна слева, гигантские двери справа — это строй, стоящий во фронт вдоль которого шествует начальство, сквозь который прогоняют холопов.

И, не торопя событий, он по-своему поведал, как начинала сползать одурь с немцев, которым годами промывали мозги — речами и плакатами, страхом и подачками, вырабатывая рабскую покорность и своим бонзам и колопское ощущение превосходства, коль в руках автомат, над всеми прочими.

Он был мастер: очерки о поездках отлично звучали в журнальных и газетных вариантах, публиковавшихся вскоре по возвращении.

И все же он оказался безжалостен к уже сделанному труду. Кстати, он не просто умел — он любил перетряхивать прежнюю работу. А тут, за двадцать восемь лет от начала его «хождения» в другой мир, стали старше и сам мир, и он. Агапов, и его читатель. И Агапов не мог не поделиться с читателем тем, что узнал и понял за эти годы, которые отделили его, прежнего, от нынешнего, складывающего книгу о «шести заграницах». Он тоже вошел в нее — Агапов 1973-го, последнего, в который он жил, став как бы вторым рассказчиком.

Исходный текст менялся в разной мере — иногда вставки, иногда новые главы. Но самый большой цикл — «Воспоминания о Японии»* просто родился заново и стал центральной повестью.

Она придала всей книге особую окраску и полноту, из-за которой в других частях можно было что-то опускать. Ощущение горизонта и ощущение стратиграфии мира, где в каждом историческом слое сталкивались в противоборстве две культуры. Псевдокультура кровавого самурайского эпоса «Тайхэйки» и сочинение 1944 года о поручика Хираяски, культа смерти, имеющего верности богу-императору, то есть всей механики всеобщего ожирения, древней и новейшей. И — культура истинная, человечная, воплощенная в поэзии «танка» и «хайку», в иронических «Записках у изголовья», в скульптурах Эниу, японского Пиросмани. В потрясающей трудоспособности крестьян и рабочих, делающих любой труд искусством, и в самоотречении гуманиста Татебэ, этого как бы японского Швейцера, отдавшего всего себя «любви к другим» — помощи безработным и нищим.

Агапов писал несколько лет назад в книге «Взбирается разум»:

«Макиавеллическое правило — «разделяй и властвуй», предложенное когда-то для борьбы человека против человека, оказывается, есть главный метод и в благородной области познания природы.

«Разделяй, научай и властвуй».

Так сбывается пророчество Шарля де Костера... о том, что «наступит время, когда грехи обернутся добродетелями...»

Он непрестанно «разделял» в «Шести заграницах», но не для того, чтобы разделить нас с людьми других стран, а чтобы постичь святое и черное, дружеское и враждебное, опасное в чужой жизни. Ибо, изучив мир, люди смогут властвовать событиями.

Событиями необходимо властвовать: ведь планета, на которой мы живем, одна-единственная для всех.

Борис ВОЛОДИН

Борис Агапов. «Шесть заграниц». Очерки. Издательство «Советский писатель». М. 1974.

* Под таким, по-моему, удачным названием эта повесть о Японии в 1974 году была напечатана в журнале «Москва». В книге это название опущено, видимо, из соображений композиционных. — В. В.

РЕЦЕНЗИИ

ЕВРОПА, КОНЕЦ 30-х

ДРАМАТИЧЕСКИЕ события в Европе конца тридцатых годов, когда мир неудержимо катился в пучину войны, по-прежнему привлекают внимание не только историков, но и писателей-публицистов. Новый роман Даниила Краминова «Сумерки в полдень» написан на эту тему. Хронологические рамки романа сжаты. Он охватывает период, непосредственно предшествовавший мюнхенской конференции. Речь идет об одной из самых позорных страниц в предвоенной политике правительств Запада. Участники конференции — Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини — с бесцеремонностью палачей расправились с территориальной целостностью и независимостью Чехословацкой Республики.

Как и почему такое могло произойти? История дала исчерпывающий ответ на этот вопрос. Для горе-правителей Англии и Франции того периода «Мюнхен» был сделкой, призванной «гарантировать» поход вермахта на Восток, против нашей страны.

Автор романа взялся осветить эту тему не только документальными, но и художественными средствами. Канва для писателя тут широкая, характеры персонажей просятся на перо публициста-международника.

Роман Д. Краминова построен на максимальной документальности и исторической достоверности.

Основное место действия романа — Лондон. Автор вводит читателя в салоны британской аристократии, правительственные кабинеты Уайтхола, конторы банков, компаний, под своды парламента, чтобы показать, как, во имя антисоветских замыслов реакции, готовилась сделка с агрессорами.

Достоверно, выпукло рассказывается о том, что происходило на встречах лидеров британских тори с фашистскими главарями.

В этот затхлый мирок врывается свежий ветер улиц и площадей с их кипящими страстями, обращенными против вдохновителей и проводников преступного курса, приведшего человечество к трагедии второй мировой войны.

Повествование ведется в основном от лица Антона Карзанова, молодого историка, направленного на дипломатическую работу в наше посольство в Лондоне в разгар кризиса, спровоцированного гитлеровцами вокруг Чехословакии. В каком непривычном, чужом мире он сразу оказывается!

На мой взгляд, этот образ не лишен ряда недостатков, и прежде всего схематичности. Чересчур легко ему удается завести в зарубежных условиях необходимые знакомства и получить нужную информацию. На деле, конечно, такая работа куда сложнее. Тем не менее все, относящееся лично к Карзанову и другим персонажам романа, — это второстепенное, подчиненное по сравнению с главным, ради чего задумана и написана книга. Как сам автор пишет в послесловии, ему хотелось показать тех, кто инсценировал и разыграл пролог к чудовищной драме — второй мировой войне.

Советская дипломатия стояла и тогда на переднем плане борьбы за дело безопасности. Автор рисует роль наших работников на этом поприще убедительно, без упрощения. Вовремя разгадать ходы дипломатии, направленной против нашей страны, сделать из них должные выводы — от этого многое зависело. Оценка событий при крутых поворотах требовала особой тщательности, возникали и дискуссии, споры о наилучших путях парирования враждебных действий врага комбинаций.

Да и сама работа за рубежом, тем более в таких острых условиях, таила немало подвохов, неожиданностей. В романе хорошо показано, какая требуется и смелость, и осторожность, для того чтобы идти на встречи, контакты с теми политическими и другими деятелями, которые, будучи осведомлены о закулисных, а значит, и о самых важных вещах, далеко не всегда симпатизируют нам. Тут можно говорить поистине о хождении по острию ножа.

Взявшись за такую тему, автор тоже в известном смысле дерзал. У нас еще мало произведений, в которых узловые проблемы международной политики освещались бы художественными средствами. Жанр трудный, но необходимый, и пола тут для творчества обширное.

Виктор МАТВЕЕВ

Даниил Краминов. «Сумерки в полдень». Роман. Издательство «Молодая гвардия». М. 1975.

РЕЦЕНЗИИ

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ПОД ДЫРЯВЫМ ЗОНТИКОМ

ГОД 1936-й. Среди лёссовых холмов малолюдной провинции Шэньси встречаются двое: полный энергии Мао Цзэ-дун, только что захвативший ключевые посты в руководстве КПК, и американский журналист Эдгар Сноу. Долгие откровенные беседы по широкому кругу вопросов — от предметов сугубо личных до проблем партийных и государственных, включая отношения с Коминтерном и СССР. Цель интервью — рекламирование Мао как нового «вождя» КПК. Итог — объемистая книга Сноу под символическим названием «Красная звезда над Китаем», тщательно просмотренная в рукописи заказчиком. Общий вывод Сноу неожиданно по тем временам: Мао — в лучшем случае аграрный реформатор, но никак не подлинный коммунист; если он возглавит компартию, а в будущем получит еще и государственную власть, то социализм в Китае строить не станет и превратится в противника СССР и союзника империализма. Ведь сам Мао заверил Сноу, что он еще с 20-х годов был «решительным сторонником американской доктрины «открытых дверей» и доктрины Монро». Г. Димитров, ознакомившись с записками Сноу, поручил Ван Мину, возвращавшемуся в ноябре 1937 года в Китай, передать Мао, что тот допустил отход от коммунистических позиций.

Минуло тридцать с лишним лет. 1970 год. Новая и последняя встреча давних друзей, теперь уже дряхлых старцев, в роскошной резиденции правителей Пекина. Пророчество оправдалось, тайное стало явным: «аграрный реформатор» превратился в ярого антисоветчика и антикоммуниста. Прощаясь со Сноу после многомесячных конфиденциальных бесед, Мао роняет фразу: он-де «всего лишь одинокий монах, бредущий по свету с дырявым зонтиком». Печальный итог, унылое признание, хотя и вряд ли искреннее до конца.

Эти эпизоды, не столь уж значительные сами по себе, символичны как вехи позорной деградации маоизма.

Измена маоистской клики принципам марксизма-ленинизма, ее открытое смыкание с воинственными кругами империализма — факт общеизвестный и неопровержимый. Но пока еще многим остается неясным вопрос: как могло все это случиться, в чем причины такого чудовищного политического преступления века? Недавно вышедшая посмертно книга Ван Мина, основанная на документах и личных воспоминаниях, проливает новый свет на тайные махинации маоистов, на идейные, теоретические, исторические и социальные причины падения Мао Цзэ-дуна.

Видный деятель Компартии Китая и международного коммунистического движения, член ЦК КПК в течение трех десятилетий, неоднократно входивший в Политбюро ЦК партии и представлявший интернационалистское направление, Ван Мин досконально изучил характер и повадки Мао, технологию маоистской пропагандистской кухни. Книга эта не только убедительное свидетельство очевидца. Это и суровый обвинительный акт против маоизма, против его «теории» и практики, политическое завещание ветерана революции, коммуниста - интернационалиста своим единомышленникам в партии, своему народу.

Ренегатство Мао Цзэ-дуна, пишет Ван Мин, произошло отнюдь не случайно, а «в результате систематически совершаемых им в течение длительного времени злодеяний». Решающими этапами эволюции маоизма автор считает «кампанию по упорядочению стиля» («чжэнфэн») начала 40-х годов и «культурную революцию» конца 60-х годов. Обе эти политические акции маоистов родят общие идейные и политические установки, закулисная и открытая борьба против марксизма-ленинизма, против коммунистов - интернационалистов, подкоп под идейные и организационные основы КПК, нацеленный на разрыв с социалистическим содружеством, с международным коммунистическим движением, на смыкание с силами мировой реакции.

Маоизм всегда был течением, глубоко чуждым научному коммунизму. «Как в области философии, политэкономии, — пишет Ван Мин, — так и в вопросах революции и социалистического строительства Мао Цзэ-дун был не просто фальшивым марксистом, прятавшим свой истинный облик под внешней оболочкой «марксиста», но и прямым противником марксизма». На словах Мао, конечно, клялся в верности марксизму, выступая «только» против ленинизма, изображаемого в качестве «русского марксизма». Он заявлял: «При создании маоцзэдунизма я сохраню марксизм. Я отвергаю только ленинизм. Мой подход к этому вопросу таков: ленинизм — это русский марксизм, ...маоцзэдунизм есть китайский марксизм». На деле же, как показывает Ван Мин, основу «китаизированного марксизма» Мао составляют идеи феодального монархизма с его махровым великоханьским китаецентризмом и культом сильной личности, обожествлением «сына неба» — средневекового варианта супермена. Под этим дырявым зонтиком, извлеченным из дворцового реквизита богдыханов, Мао и начал свое восхождение к вершинам власти. Характерная деталь: накануне образования КНР, когда Мао уже водворился в Пекине, политуправление Военного совета ЦК КПК, по его указанию, проводило в воинских частях официальные «разъяснительные» беседы на тему «Председатель Мао — новый император Китая».

И подобно бесчисленным основателям новых китайских династий, очередной «сын неба» террором и жестоким насилием внушал послушание своим подданным. «Мы должны брать пример с Магомета, который с мечом в одной руке и с кораном — в другой силой обращал людей в новую веру», — говорил Мао Цзэ-дун во время «чжэнфэна» 40-х годов. Другим его идеалом стал первый китайский император Цинь Шихуан, прославившийся сожжением книг и закапыванием живьем конфуцианских ученых.

«Конфуцианцы» в понимании Мао — это не только его политические противники, но и деятели культуры. Помимо всего прочего, «великий кормчий» претендует также на роль теоретика литературы, литературоведа и поэта, подвизающегося в жанре средневековой классики. А из всех видов литературной критики он, по свидетельству Ван Мина, неизменно отдает предпочтение критике насилием. Результат — десятки тысяч деятелей культуры, заточенных в «школы 7 мая».

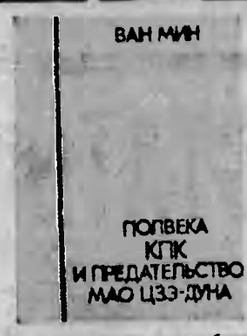
Ван Мин гневно клеймит воинствующий гегемонизм Мао Цзэ-дуна, его великодержавно - шовинистические китаецентристские представления о «небесной империи», отрицающие равноправные отношения с другими государствами. «Это и есть идейный источник чванливого крайнего национализма Мао Цзэ-дуна, денно и нощно мечтающего о владычестве своей маоистской династии над Азией, Африкой и Латинской Америкой, о гегемонии во всем мире», — пишет автор. Средством реализации этой бредовой мечты являются «приготовления к антисоветской войне и стремление к провоцированию мировой войны», нагнетание в стране обстановки военной истерии, принуждающей трудящихся жить в условиях военного контроля, влачить жалкое, полуголодное существование.

Глубокая враждебность гегемонистских замыслов маоистов коренным интересам китайского народа служит источником постоянных политических кризисов в Китае, обрекает маоистскую группу на изоляцию, а самого Мао ставит в положение «одинокого монаха». Но именно эта изолированность и обреченность маоистов, предупреждает Ван Мин, может толкнуть их на любую авантюру, способную ввергнуть мир в ядерную катастрофу.

То, что Мао Цзэ-дун стал «одинокий монахом», результат не только его измены идеям коммунизма и пособничества империализму. Это также неизбежный результат его вероломства, интриг, заговоров и жестоких репрессий, преследований и уничтожения всех его «близких соратников». В книге Ван Мина приводится длинный список людей, разуверившихся в «великом кормчем» и ставших жертвами репрессий. Среди них — Гао Ган и Пэн Дэ-хуай, Лю Шао-ци и Линь Бяо, Жао Шу-ши, Пэн Чжэнь, Чэнь Бо-да и многие другие. «Вот почему, — пишет Ван Мин, — Мао Цзэ-дун почувствовал себя «одиноким монахом», растерявшим авторитет, поддержку и помощь своих последователей, а на X съезде уже стал «идолом в храме королевских предков с трижды зашитым ртом». Болезненной подозрительностью ко всем («лучше я обойдусь худо с другими, только бы меня не обвели вокруг пальца»), деспотизмом и грубым насилием Мао Цзэ-дун, как отмечает Ван Мин, намного превзошел искренне почитаемого им и испокон веков ненавидимого большинством народа Цао Цао, печально знаменитого кознодея и вероломством. «За исключением, наверное, Цзян Цин, Мао Цзэ-дун теперь уже никому не верит. Вместе с тем никто уже не верит и Мао Цзэ-дуну».

В то же время, предупреждает Ван Мин, престарелый Мао по-прежнему остался диктатором, ни на йоту не поступился своей властью. Он опасен, этот «одинокий деспот» с дырявым зонтиком, он может причинить еще много бедствий китайскому народу и всему миру. И хотя маоизм обречен в силу непреложных законов истории, китайским коммунистам и народам всех национальностей Китая предстоит серьезная, трудная и сложная борьба.

Владимир ГЛУНИН

Ван Мин. «Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна». Политиздат. М. 1975.

XVIII Международный фестиваль документальных и короткометражных фильмов для кино и телевидения проходил — традиционно — под девизом «Фильмы всего мира — за мир во всем мире». В Лейпциг прибыли кинематографисты более чем из 50 стран. 180 фильмов было показано на конкурсе.

Подводя итоги, жюри по разделу кино отметило главным призом «Золотой голубь» советский фильм «Шел солдат...» «Серебряным голубем» награждены колумбийский фильм «Дети разбивающихся стран» и «Рожденные в Палестине» (Организация освобождения Палестины). По разделу телевидения «Золотой голубь» получил японский фильм «Мы ведем наблюдение за атомной базой». «Серебряный голубь» — «Португалия: тревожная осень» (СССР) и «Кому принадлежит революция» (Народная Демократическая Республика Йемен).

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

ЛОЗУНГИ НА СТАРЫХ БАНКНОТАХ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ В ЛЕЙПЦИГЕ

ВИДЕЛИ ли вы, как идет по пустыне верблюд, аккуратно ставя большие копыта на иссеченный ветрами песок? Как идет караван с грузом соли? Туареги... Название племени, будто вернувшееся из детских воспоминаний о столь отважных когда-то, а ныне порабощенных цивилизацией завоевателях пустыни. «Завоеванные завоеватели» — называет их сейчас французский фильм.

Этнографический очерк? Аудиовизуальная информация? Проиллюстрированный текст репортажа или, наоборот прочитанные вслух подписи к цветным картинкам? Характерные «грехи» недавнего прошлого документалистики.

Нет. Фестиваль явственно говорит о том, что искусство короткого фильма далеко ушло от наивной информативности. И двинулось в сторону художественного анализа и синтеза кинонаблюдений.

Приведем высказывание В. И. Ленина, его пожелание, чтобы хроника «...была бы образной публицистикой, в духе той линии, которую, скажем, ведут наши лучшие советские газеты».

Кто-то из участников фестиваля заметил, что есть два занятия, которым каждый любит предаваться с детства,— это смотреть картинки и слушать рассказы. Документальное кино предоставляет нам сразу обе эти возможности. Но лишь при наличии в произведении третьего компонента. Назовем его проблемой. Или мыслью.

Лейпцигский фестиваль, с гордостью заявляющий о себе как о фестивале политическом, расчертил свою географическую карту мира. И прежде всего он определил географию опасности. Разметил на полушариях горячие точки, тревожные зоны.

Создатели советского фильма «Португалия: тревожная осень» снимали его осенью 1975 года в северной Португалии, в районах страны, где нашла свой оплот реакция. Фильм В. Дунаева, В. Лисаковича и В. Филатовой состоит из ряда точно нацеленных разговоров с людьми, развертывающихся в отдельные новеллы. Синхронный репортаж обостряет ощущение достоверности происходящего. На основе документально зафиксированных фактов рождается фильм — социальное обличение.

Кинематографисты ГДР представили на фестиваль фильм о фронтовых операторах. Те из них, кто остался жив, в дни празднования 30-летия освобождении Германии от фашизма посетили Берлин. Ведя параллельное повествование, создатели картины «Фронтовые кинооператоры» то возвращают нас в прошлое (война и бесстрашные люди с киноаппаратами, запечатляющие историю), то снова переносят на мирные улицы города.

Люди, выходившие к экрану Лейпцигского фестиваля, были в большинстве своем молоды. Горячие точки планеты словно притягивают их. Перекидывая мост через десятилетия, продолжается традиция, рожденная боями в Испании, укрепленная сражением с фашизмом в эпоху второй мировой войны.

— Господин Петер Торбиорнсон, в своем фильме вы показываете, как живет народ Чили через два года после установления господства хунты. Как вам удалось собрать материал?

— После переворота в Чили я нелегально 8-миллиметровой кинокамерой снимал там три раза. Ведь чрезвычайно важно вывезти такие документы из страны...

Мы видели кадры шведского фильма, так и названного: «Чили — два года спустя». Да, это важно чрезвычайно. Многие чилийские кинематографисты вынуждены работать сейчас в других странах — на Кубе, в ГДР, в ФРГ. Но документалист — как газетчик. Сегодня он должен говорить о сегодняшнем. На кинопленках у чилийцев нет сегодняшнего чилийского материала. Их сменили у камеры коллеги из других стран.

В этом «перекрестном анализе» положения в мире снова раскрылось то, что стало уже профессиональной чертой, — благородство духа художников. Документалистика — словно глаз, увидевший время. И запечатлевший его.

Кадр из фильма «Шел солдат...»

В САМОЙ подлинности, в безграничной, казалось бы, достоверности документалистики таится своего рода парадокс. Нет ничего правдивей документа. И нет ничего тенденциознее произведения, построенного на его основе. Ибо документ, факт, — лишь материал, на который любит предаваться с детства,— это смотреть картинки и слушать рассказы. Документальное кино предоставляет нам сразу обе эти возможности. Но лишь при наличии в произведении третьего компонента. Назовем его проблемой. Или мыслью.

Лейпцигский фестиваль, с гордостью заявляющий о себе как о фестивале политическом, расчертил свою географическую карту мира. И прежде всего он определил географию опасности. Разметил на полушариях горячие точки, тревожные зоны.

Создатели советского фильма «Португалия: тревожная осень» снимали его осенью 1975 года в северной Португалии, в районах страны, где нашла свой оплот реакция. Фильм В. Дунаева, В. Лисаковича и В. Филатовой состоит из ряда точно нацеленных разговоров с людьми, развертывающихся в отдельные новеллы. Синхронный репортаж обостряет ощущение достоверности происходящего. На основе документально зафиксированных фактов рождается фильм — социальное обличение.

Кинематографисты ГДР представили на фестиваль фильм о фронтовых операторах. Те из них, кто остался жив, в дни празднования 30-летия освобождении Германии от фашизма посетили Берлин. Ведя параллельное повествование, создатели картины «Фронтовые кинооператоры» то возвращают нас в прошлое (война и бесстрашные люди с киноаппаратами, запечатляющие историю), то снова переносят на мирные улицы города.

Люди, выходившие к экрану Лейпцигского фестиваля, были в большинстве своем молоды. Горячие точки планеты словно притягивают их. Перекидывая мост через десятилетия, продолжается традиция, рожденная боями в Испании, укрепленная сражением с фашизмом в эпоху второй мировой войны.

— Господин Петер Торбиорнсон, в своем фильме вы показываете, как живет народ Чили через два года после установления господства хунты. Как вам удалось собрать материал?

— После переворота в Чили я нелегально 8-миллиметровой кинокамерой снимал там три раза. Ведь чрезвычайно важно вывезти такие документы из страны...

Мы видели кадры шведского фильма, так и названного: «Чили — два года спустя». Да, это важно чрезвычайно. Многие чилийские кинематографисты вынуждены работать сейчас в других странах — на Кубе, в ГДР, в ФРГ. Но документалист — как газетчик. Сегодня он должен говорить о сегодняшнем. На кинопленках у чилийцев нет сегодняшнего чилийского материала. Их сменили у камеры коллеги из других стран.

В этом «перекрестном анализе» положения в мире снова раскрылось то, что стало уже профессиональной чертой, — благородство духа художников. Документалистика — словно глаз, увидевший время. И запечатлевший его.

В САМОЙ подлинности, в безграничной, казалось бы, достоверности документалистики таится своего рода парадокс. Нет ничего правдивей документа. И нет ничего тенденциознее произведения, построенного на его основе. Ибо документ, факт, — лишь материал, на который ложится произведение. Потому так важна в документальном искусстве энергия мысли художника. Сила его индивидуальности. Принципиальность его позиции.

...Страшный по отобранному материалу фильм «Рожденные в Палестине». Нет нужды описывать лагеря палестинских беженцев. Кадры ужасающе правдивы. Однако и они не станут произведением искусства, не получив поясняющей их мысли. Фильм, снятый Организацией освобождения Палестины, — фильм анализа, фильм проблемы. Его цель — путем сложных политических и исторических ассоциаций разоблачить связь между сионизмом и фашизмом.

Политическая функция документального кинематографа не исключает, однако, необходимости художественного оформления материала, свидетельствовали ленты фестиваля. Это всегда трудно. А порой в тех условиях, в которых снимаются многие ленты, и просто невозможно. Но иначе не сделать шаг от информации к обобщению, от констатации факта к произведению искусства.

К лентам, в которых удачно найден художественный принцип, найден и доведен до конца, я отнесла бы фильм В. Хайновского и Г. Шоймана «Нужда в деньгах» (ГДР). Чили. Последние два года экономика страны переживает тяжелый кризис. Растет безработица. Обесцениваются деньги. Из оборота изымаются старые купюры. Тем более, что они... исписаны лозунгами, проклятиями хунте, словами восхищения Альенде. Генерал, исполняющий обязанности министра финансов, с возмущением демонстрирует перед камерой эти купюры. Мы видим надписи: «Да здравствует народное единство!», «Альенде жив!» — свидетельства ненависти народа к клике Пиночета, его гнева и возмущения.

В коротком фильме, впрямую базирующемся на материале реальной действительности, «форму» чаще, чем в других видах искусства, диктует материал. И тем не менее нельзя забывать «нормальные» драматургические законы создания произведения. Единство действия, интрига (здесь в особом понимании), вероятно, должна быть простой, несложной. Один сюжетный узел. Одно, так сказать, действие. В нем могут на равных принимать участие десятки людей. События — перенестись в разные пункты земного шара. Время — смещаться на десятилетия. И все же действие, сюжетный стержень должен быть один.

На экране Лейпцига были представлены самые разные жанры кино- и теледокументалистики. Я остановливаюсь на тех, которые в рамках фестиваля показались мне наиболее значительными. Публицистика, проблемный очерк. Еще — кинопортрет. Ведь может «сюжетом» документального фильма стать человек. Один человек.

Жан Дюмло в момате, где он родился... Жан Дюмло рассказывает. В ленте «Жан Дюмло — торжество жизни» мы видим одно и то же изображение. Пожилой человек с широким лбом все время смотрит в объектив. Говорит мне вам. Вспоминает. Перед нами проходит славная биография коммуниста, борца за мир. За окном постепенно сходит на нет сент дня. Лиловые пышные цветы, прижимавшиеся снаружи к стеклу, становятся серыми. Он говорит. В этом последовательном изложении героем своей жизни есть внутренняя напряженная динамика. Подспудное движение действа — история становления незаурядного характера.

Человек перед «кинокамерой»... Сложилось даже представление, что им может быть любой. Фестивальные фильмы были населены множеством лиц. Но ведь и обыкновенное «лицо» в искусстве интересно лишь тогда, когда оно особенное лицо. Человек на экране станет героем экрана, если мы угадаем в портрете индивидуальность, так сказать — личность. Означает ли это, что героем искусства может стать лишь человек необычайной судьбы? Нет. Не означает. И пример тому — венгерская картина «Хотя...». Речь идет о сельском докторе, девушке, вернувшейся на родину с дипломом. Пухлое молодое лицо, совсем и не красива, черные, без блеска глаза. Врач как врач. Только девушка эта... цыганка. Она смеется, что не любит слова «хотя». В деревне сперва говорили: «хороший доктор... хотя и цыганка». Преодоление этого «хотя» становится внутренним сюжетом картины — и перед нами встает своеобразная и драгоценная личность.

ЛУЧШИЕ военные ленты фестиваля, и те, в которых происходило контрастное сопоставление мира и войны, людей мира и людей войны, и те, что были лишь монтажом документов ушедших лет, опирались «на человека». Живого, в которого всматривается киноглаз. И ушедшего, оставившего после себя нечто значительное — благородную память.

Польский фильм «Я буду жить и после смерти» — монтаж рисунков, сохранившихся в фашистских лагерях. Люди, нарисовавшие их на клочках бумаги, на бетонной стене, на деревянной стойке нар, давно погибли. Но есть человеческие индивидуальности, отразившиеся в творчестве. И какие это сильные, прекрасные индивидуальности!

И о других значительных людях свидетельствовал экран. Картина К. Симонова и М. Бабак «Шел солдат...». Сперва мы присутствуем при своеобразном «представлении» героев фильма, кавалеров ордена Славы. Солдатского ордена. Вот они перед нами — сегодняшние. На войне были главными людьми — пехотинцами, танкистами, разведчиками. Что самое трудное на войне? Что самое страшное на войне? — спрашивает фильм. У каждого свой ответ. И как бы раскрывая смысл этого ответа, вплетается суровая военная хроника, монтируются фотографии. Создателями картины было просмотрено 3,5 миллиона метров старой хроники. Три года велась переписка с бывшими фронтовиками. Родилось большое произведение, фильм целеустремленной правды.

ОДНАКО камера в руках художника может быть не только оружием борьбы, но и орудием — орудием строительства нового мира, нового человека и его новой психологии.

О возвращении к мирной жизни, о труде и счастье рассказывают кинематографисты Южного Вьетнама (фильм «Город на заре»).

...Тихим ручейком впадает в море кинематографических бурь советская картина «Открывая мир» — о совсем юной девушке, приехавшей в небольшой приволжский городок, чтобы поступить на ткацкую фабрику. Скромная беленькая девушка встречает дружелюбие и поддержку. Вплетая в поэтическую историю становления этого юного характера другие, более зрелые и важные по общественному значению судьбы, авторы А. Новогрудский и И. Григорьев расширяют повествование, стремясь, чтобы фильм возможно ярче отображал советский образ жизни.

...На экране — другая девушка. И другая судьба. Кинематографисты ФРГ привезли в Лейпциг фильм «Протокол», в котором рассказывается история унизительного допроса, которому подвергается демократически настроенная молоденькая учительница перед приемом на государственную службу. Допроса тупого, оскорбительного для ее гражданского и человеческого достоинства.

И еще одна лента. Самая, так сказать, интимная из всего конкурса. Фильм ЧССР «Чудо». Его сюжет — величайшая тайна и величайшее чудо на земле — рождение ребенка. Юная мать с лицом боттичеллиевского ангела ждет дитя. Его еще нет. Но оно уже существует. Не только в чреве, но и в сердце матери. Прелестное лицо освещается новой любовью к тому, кто еще не появился на свет. Но чья жизнь так мелодична... Новый человек родился.

Луначарский писал о том, что искусство отражает жизнь, целесообразно пропуская ее через определенную творческую линзу. Отражает жизнь, образ жизни. Какими же разными ликами эта жизнь обладает! — словно говорят эти три произведения.

...ЗНАЧЕНИЕ Лейпцигского фестиваля, этого своеобразнейшего кинофорума мира, не только в поддержке прогрессивных тенденций искусства. Дух единения, политической и нравственной близости передовых кинематографистов мира, царящий здесь, уже сам по себе является вкладом в дело солидарности народов. «Путь к дальнейшему совершенствованию прогрессивного документального фильма... связан с его ролью соратника — а при необходимости и пионера — актуальных социальных, моральных и политических процессов»,— сказала Аннели Торндайк, президент Комитета Международной недели документальных и короткометражных фильмов для кино и телевидения. Поистине особая география у лейпцигского фестиваля.

ЛЕЙПЦИГ—МОСКВА

ХУДОЖНИК-ГУМАНИСТ

Бразильская литература понесла тяжелую утрату: умер Эрико Вериссимо.

Большой, сложный и порой противоречивый творческий путь прошел Вериссимо, признанный ныне — как назвал его в прощальном слове Жоржи Амаду — величайшим из современных писателей Бразилии.

Более сорока лет назад юная Илариссa, героиня одноименного романа Вериссимо, заставила говорить бразильских читателей и критику о появлении нового талантливого литератора. Клариссa и Васко, с которыми связывается начало литературного успеха Эрико Вериссимо, равно как и другие персонажи его первого романа, даже стали переходить из произведения в произведение, утверждая и приумножая популярность автора.

Почти три десятка книг написал за свою жизнь Эрико Вериссимо. На страницах романов «Музыка вдали», «Скрестившиеся пути», «Место на солнце», «Взгляните на полевые лилии» писателем реалистически воспроизведена жизнь юга Бразилии, точнее — штата Риу-Гранди-ду-Сул, где он родился и провел свои последние дни. В произведениях романиста предстает трудовой люд Риу-Гранди-ду-Сул с его житейскими проблемами и конфликтами, с его нелегкой судьбой, с его чаяниями. Позднее им был задуман цикл социально-психологических романов под общим названием «Время и ветер», но лишь два романа вышли в свет. Антифашистская война в Испании побудила Вериссимо написать роман «Сага» — взволнованный призыв бороться против врага, угрожающего человечеству. Герои романа — те же Клариссa и Васко. — думая о страданиях народа, о жертвах, понесенных в боях с фашизмом, «ожидают наступления нового дня с тайным страхом и тайной надеждой». Эта надежда высказана в письме Васко: «Да, я хочу и жду нового порядка вещей, мира, реорганизованного на основе социализма, мира справедливости и гармонии...»

Преодолев влияние экзистенциализма, пройдя через увлечение фрейдизмом, Эрико Вериссимо под воздействием исторических событий в мире создает столь значительное произведение, как роман «Господин посол», представляющий собой панораму борьбы народов Латинской Америки против империализма и реакции.

Огромное впечатление оставляет его следующий роман — «Пленник», с исключительной силой разоблачающий империалистическую агрессию против героического Вьетнама.

Наконец, в своем последнем романе — «Происшествие в Антарктиде» — Эрико Вериссимо, пользуясь оружием протеста, говорит слово правды о положении в Бразилии наших дней. Мужественное слово правды честного писателя-гуманиста.

Романы «Господин посол», «Пленник» и «Происшествие в Антарктиде» переведенные на русский язык, дали возможность нашим читателям познакомиться ближе с творчеством большого мастера, художника, искавшего решение жизненно важных проблем, стоящих перед его страной, перед его народом, перед человеком.

Юрий ДАШКЕВИЧ

репортажи специальных корреспондентов «лг»

Евгений СИДОРОВ

ЗЕРНО И КОЛОС

КЕНИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

ИЗ СОМАЛИ в Кению на часок-другой (оказалось, почти на сутки), ночевке в зале ожидания найробийского аэропорта под корректным присмотром полицейских властей, а затем прыжок на остров Маврикий, и по пути, как нежданный подарок, снежные вершины Килиманджаро, мягко прорезающие неправдоподобные, словно нарисованные детской рукой облака.

Через несколько дней наша делегация вернулась в Найроби, и аэровокзал, который мы уже имели возможность наблюдать в течение долгих часов, выпустил наконец нас в город. Центр туризма, сафари, всемирно известных национальных парков, бережно сохраняющих уникальную фауну экваториальных саванн, — вот о какой Кении прежде всего напоминает вам этот аэровокзал, заслуживающий того, чтобы о нем было сказано несколько слов. Деревянные звери и маски щерятся на тебя со всех углов, отражаясь в зеркальных задниках киосков и магазинчиков, которые торгуют круглые сутки. Но, разумеется, самое интересное — это пассажиры, через каждые десять — пятнадцать минут алчущие в ненасытное жерло транзитного зала. Какая пестрая ярмарка лиц, жестов, туалетов! Идет испанка с надменным, пергаментным от старости лицом, в русских соболях, небрежно накинутых на плечи, почтительно сопровождаемая эскортом носильщиков-африканцев. Докрасна загорелый янки явно гордится своим охотничьим костюмом цвета хаки и зачехленным винчестером — довольно распространенный здесь тип любителя сафари, выкладывающего бешеные деньги за лицензию на отстрел диких животных. Во внутреннем дворике на английском газоне, дожидаясь своего рейса, загорают две миловидные подружки студенческого вида, в бикини, а рядом за столиком потягивает оранжад священник в темной сутане, доверху застегнутый надежно заслоненный от суеты сует и солнечных лучей... Время от времени выхватываешь из текущей мимо толпы характерные фигуры или группы: стая горластых школьников из ФРГ, совершающих наикулярный тур; изящные, деловые японцы с кинокамерами наготове; бледный босой юноша, давно немытый и нестриженный, — современный пилигрим с мистической отрешенностью во взоре. Юг и Север, Восток и Запад — все сошлось на оживленном африканском перекрестке и промелькнуло перед тобой, как в кадрах фильма.

Ни слова больше о туристских впечатлениях. Экзотики в этой удивительной стране хоть отбавляй. Мы же, К. Чугунов, В. Рамзес и я, приехали сюда за другим: ближе познакомиться с писателями Кении и выступить с лекциями о советской литературе. Пригласил нас Нгуги ва Тхионго, крупнейший прозаик и руководитель департамента литературы Найробийского университета.

УНИВЕРСИТЕТ в Найроби — город в городе. Шумные стан юных интеллектуалов. Молодая Африка, дерзкая и динамичная. Гордая поросль новой эпохи.

Интерес к нашей стране, нашей культуре огромен. Вопросам несть числа. Виктор Рамзес, переводчик англоязычной африканской литературы, виртуозно помогает вести острый, темпераментный, но неизменно дружеский диалог.

Он продолжается на улице. Поздним вечером, при свете желтых (противотуманных, как в Лондоне) фонарей, по дороге в гостиницу. Идем, окруженные студентами, и спорим о Достоевском (а рядом, за коробками жилищно-индустриальных сот, за асфальтом и неоном, дышат древние зеленые холмы Африки, и над головой тихо мерцает Южный Крест).

Мы сдружились с университетом и ходили туда ежедневно. Мы рассказывали о современной советской литературе и с огорчением убеждались, что она здесь почти неизвестна. Основную информацию о жизни в СССР кенийцы черпают из английских и американских источников. Тем более важно было убедиться, с каким доброжелательным вниманием студенты относились к контактам с нами, взыскуя правды о первой стране социализма.

В библиотеке университета — в английских переводах — Толстой и Достоевский, Горький, Шолохов, Федин. Скоро появится Айтматов, первый из современных советских писателей, переведенный на суахили.

Нгуги ведет спецсеминар «Шекспир и Толстой» и готовит ознакомительный курс по советской литературе. Он — душа университетского литературного братства.

В комбайне с засученными рукавами, в выцветших вельветовых джинсах и узбекской тюбетейке на голове, он похож не на известного писателя, не на профессора филологии, а на мастерового. Мы были свидетелями юмористической сценки, когда чопорный служитель кенийского парламента (перенявшего этикет и процедуры Вестминстера) долго не хотел пропускать его без галстука (у нас-то галстуки были, слава богу!). У Нгуги грустный и умный взгляд, иногда тронутый хорошей, помнящей о печали улыбкой. Он располагает к себе мгновенно, он естествен в одежде, в разговоре, в манерах и неуловимо значителен, как может быть значителен незаурядный человек без всякой рисовки. Мы побывали у Нгуги дома, в деревне Limuru, расположенной в двадцати милях от столицы. Дом Нгуги просторен, но скромен. В этой деревне он родился тридцать семь лет тому назад и продолжает жить и писать свои книги. Три конические вершины венчают это жилище, напоминая о соломенных крышах крестьянских хижин, вписываясь в общую картину селения, а за окнами простираются кукурузные и пшеничные поля, совсем как у нас на юге России.

«Пшеничное зерно» — лучший роман Нгуги, переведенный и в Советском Союзе. Книга о трагическом пути кенийского народа к независимости. О зерне, которое должно погибнуть, прежде чем даст новые, свободные всходы.

Молодой писатель стал известен во многих странах мира под именем Джеймса Нгуги. Несколько лет назад он отказался от имени Джеймс, данного ему при крещении английским миссионером. Его зовут теперь Нгуги ва Тхионго, и в этом родовом имени как бы восстанавливается насильственно прерванная связь зерна и колоса.

ЛИТЕРАТУРА Кении переживает период подъема. Рядом с Нгуги ва Тхионго активно работают талантливые поэты и прозаики Окот П'Битек, Грейс Огот, Джонатан Кариара, Джордж Муруа, Питер Назарет, Мванги Рухени. В стране имеется несколько крупных издательств, выходят литературные журналы. Развиваются проза, поэзия и драматургия не только на английском языке, но и на суахили, который объявлен два года назад официальным языком Кении.

Национальный язык — колоссальная проблема для африканских государств, сбросивших колониальное иго. Декретом языковое единство не создашь.

Но будущее, конечно, за национальными языками, как бы ни был труден путь народов бывших колоний к своей культуре, к национальному самоопределению. Проработавший несколько лет в соседней Танзании профессор Найробийского университета Абдельазиз с понятным воодушевлением рассказывал нам о народном творчестве на суахили и о том внимании, которое уделяют танзанийские власти развитию культуры и письменности на родном языке. Экономика и культура Кении все еще испытывают мощное влияние бывшей метрополии. Но и здесь налицо позитивные сдвиги. Несколько первых произведений на суахили, в том числе романы таких известных в Восточной Африке прозаиков, как Питер Назарет и Юфрейз Кезила Хаби, завоевали популярность у кенийских читателей.

Новые проблемы и новые герои пришли в кенийскую литературу после достижения независимости. Демократическая литература страны стремится сохранить и утвердить в сознании своих читателей подлинные нравственные и эстетические ценности, противопоставить их влиянию западной культуры и миссионерской проповеди христианства.

В сегодняшней Кении сравнительно быстро растут города. Кенийские писатели правдиво отображают сложный процесс адаптации сельского населения к городскому образу жизни. Недавно вышла сильная, честная книга Джорджа Муруа «Никогда не прощай отца» — о крушении сельского патриархального сознания, о трудной жизни рабочего человека в Найроби. Двадцатишестилетний прозаик Меджа Мванги приобрел известность своим первым романом «Убей меня быстро», в котором поведал горькую одиссею двух деревенских ребят, окончивших среднюю школу, но так и не нашедших своего места под солнцем кенийской столицы.

Голос писателей Кении все авторитетней звучит на международной литературной арене. В Кении год назад создан Союз писателей, объединяющий около ста литераторов. Его возглавляет известная писательница и общественная деятельница Грейс Огот, генеральным секретарем стал критик Крис Ванжала. Первые шаги нового союза свидетельствуют о стремлении кенийских писателей активно сотрудничать с прогрессивным афро-азиатским литературным движением развивать контакты с нашей страной.

ДЕСЯТЬ дней, проведенные на кенийской земле, встречи с ее людьми, природой, народным искусством сейчас, по истечении нескольких месяцев, не только не изгладились из памяти, но напротив — глубже закрепились в душе. Время от времени эти впечатления получают новые импульсы: приезжал в Москву Крис Ванжала, затем — Нгуги. Мы встретились и обнялись как старые друзья. Хорошо, что жизнь дает такую возможность — встретить Нгуги посреди московской осени уже без узбекской тюбетейки, но зато в москвошвеевском ратиновом пальто и, как всегда, без галстука, к которому он питает стойкое, принципиальное отвращение...

НАЙРОБИ—МОСКВА

Теодор СОЛОТАРОФФ:

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

«ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ»

ТЕОДОР СОЛОТАРОФФ, известный американский критик, редактор журнала «Америкэн ревью», побывал у нас в редакции после двухмесячной поездки по Советскому Союзу. В Ленинграде, Тбилиси, Киеве и Москве наш гость увидел многое из того, что до этого ему было известно лишь по книгам. Он ежедневно вел дневник, и разнообразные, подчас неожиданные впечатления, по его словам, заслуживают того, чтобы над ними внимательно поразмыслить, прежде чем они найдут выражение в очерках или заметках. Однако уже сейчас, по горячим следам многочисленных встреч, бесед с советскими писателями, критиками, издателями, Теодор Солотарофф говорит с нами о главном, что он глубоко прочувствовал и продумал:

— Не скрою, я ехал в вашу страну с некоторыми предубеждениями, которые рассеялись, как только я узнал вас ближе и, как мне показалось, понял частицу души советского народа. Я с интересом рассматривал достопримечательности ваших прекрасных городов, с которыми познакомился, но самым важным для меня были, конечно, встречи с писателями. Мы обсуждали разные проблемы, но при этом даже к очень острым, спорным вопросам мы подходили с искренним стремлением понять друг друга. Мне кажется, что сама возможность такого прямого нелицеприятного разговора очень важна. Это — свидетельство глубоких перемен, происшедших в мире.

Т. Солотарофф с увлечением рассказывает о своих встречах со студентами и при этом замечает, что он не ощущал особой разницы в знании современной американской литературы между студентами, скажем, Московского или Колумбийского университетов. Как издателя «Америкэн ревью», выходящего тиражом 40—50 тысяч, его, естественно, интересовали цифры тиражей наших столетых литературных журналов и книг, в частности книг американских писателей, переведенных на русский язык. Касаясь вопроса о явной диспропорции в области издания американских книг в СССР и советских книг в США, Т. Солотарофф отметил, что тиражи последних не идут ни в какое сравнение с массовыми тиражами переводной литературы на русском языке, что книгоиздательская политика в США отвечает интересам частных издательств, формирующих читательские вкусы подчас самым неожиданным образом.

Коснувшись проблем современной американской литературы, Т. Солотарофф заметил, что многие произведения крупных художников сегодня проникнуты настроениями растерянности, а подчас и апатии (это относится, например, к последнему роману Дж. Апдайка «Месяц безделья» и к роману С. Беллоу «Дар Гумбольдта»).

Другая важная тенденция современной американской литературы, по мнению Т. Солотароффа — обращение к прошлому, попытка осмыслить движущие силы американской истории. Наиболее талантливые из книг о прошлом, по его мнению, это «Бэрр» Гора Видала и «Регтайм» Э. Доктороу.

Т. Солотарофф назвал ряд произведений последнего времени, в которых ведется полемика с крайностями молодежной «контркультуры» 60-х годов. Так, Р. Стоун, автор переведенного на русский язык романа «В зарослях», в своей новой книге «Штрафная рота» показывает, как «маргинальная культура» морально уничтожает человека.

Наш гость постоянно подчеркивал, что его оценки субъективны, однако в этой субъективности чувствовалась живая заинтересованность происходящим как в своей стране, так и в Советском Союзе, где американский литератор побывал впервые.

Прощаясь, он поделился ощущением, возникшим у него после многочисленных встреч с советскими людьми.

— Я понял, — сказал Т. Солотарофф, — что у советских людей стремление к миру идет из глубины души. Политика разрядки отвечает искренним стремлением обоих наших народов. Я в этом не только убедился, находясь в СССР, но и глубоко это прочувствовал.

А. ИВАНОВА

ОТК «Клуба ДС»

Мануил СЕМЕНОВ

АЛЛЕРГИЯ

ЕСЛИ я вам скажу, что у нас на сборке народ подобрался исключительно разный, то никакого открытия не сделаю. Недаром лучший наш оратор по вопросам промышленного дизайна Коля Шутиков любит повторять, что в мире нет двух абсолютно одинаковых утюгов. Ну, а о людях нечего и говорить. И все-таки Мотька Улыбов — настоящий уникум. Впрочем, судите сами.

С Улыбовым беседует профорг.

— Понимаете, Матвей Николаевич, — говорит он, — цех переживает ответственный момент: начало последнего, решающего квартала. И сегодня мы должны во весь голос заявить о нашей решимости преодолеть все барьеры, одолеть все трудности в борьбе. Надеюсь, в этом дружном, согласном хоре прозвучит и ваш звонкий голос. Вы согласны со мной?

— Угу.

За Улыбова берется цеховая учетчица Надя, она же сектор профобразования в социологических проблем:

— Уважаемый Матвей Николаевич, поймите, что мы хотим от вас немного: будьте коммуникабельны. Почему мы не видим вас за нашим «круглым столом», не слышим на наших оживленных обсуждениях путей и методов борьбы с браком? Неужели вы так и будете все время стоять в стороне, неужели вас устраивает такая позиция?

— Не.

И вот так каждый раз. Слова из него не вытянешь. И это в то время, когда жизнь требует от человека, чтобы он не стоял, как истукан, у станка, сборочного конвейера или у штурвала тепловоза, а умел выступить, дать интервью корреспонденту, принять участие в каком-нибудь творческом симпозиуме. И надо признать, что большинство наших ребят просто молодцы! Любого Цицерона за пояс заткнут! Этим наша бригада и славилась. Только вот Улыбов всю картину портил.

Жена его на своей красавице не раз к нам забегала, чтобы за мужа словечко замолвить.

— ...говорит, — не обращайтесь на моего Мотю. Аллергия у него.

— Это еще что за болезнь? — спрашиваем ее.

— А такая зловредная хворь, что он произносить речей никак не может. Хоть убей его!

Убивать мы его, конечно, не стали, но меры решили принять. После одного, особенно вопиющего случая. Приехали к нам телевизионщики записывать передачу. И молоденькой режиссерше наш Улыбов приглянулся. Вцепилась она в него и ну тормошить:

— Улыбнитесь, товарищ, и скажите несколько слов. Прошу вас, держитесь повеселее!

Представляете, что от Улыбова потребовала? Ну и вышел, конечно, полный конфуз.

Договорились мы после этого избавиться от Улыбова, чтобы картины не портил в палки в колеса бригаде не ставил. Стали обдумывать, как к нему подступиться. И тогда Коля Шутиков предложил:

— Давайте попросим Надю, пусть возьмет улыбовскую продукцию на особый учет. И как только обнаружит брак, сразу заострит вопрос на цехкоме, а мы все поддержим.

Так и договорились.

Только ничего у нас не вышло. И, можно сказать, из-за пустяка. Не смогла Надя, как ни старалась, обнаружить никакого дефекта ни в утюгах, ни в электроплитках, ни в нагревательных печках, которые проходили через руки Улыбова. Оказывается, у него была причуда: делать каждую вещь на совесть, чтобы ни сучка, ни задоринки. Короче говоря, сорвалось дело.

Ну вот и торчит по-прежнему этот тип Улыбов, как бельмо на глазу нашей прославленной бригады.

ТИР КЛУБА «ДС»

Вл. ТИХВИНСКИЙ

ПРИНИМАЮ ОГОНЬ НА ТЕБЯ!

«Принимаю огонь на себя!» — такая постановка вопроса на первый взгляд может показаться несколько парадоксальной. Но это только на первый взгляд, при первом, так сказать, приближении. При втором и третьем становится очевидным, что все разумно и логично. И не только с точки зрения того, кто вызывает огонь! Администрация клуба старается представить проблему всесторонне. Как в жизни. Ибо, как известно, критерием истины является практика. А на практике то, что кажется парадоксальным, частенько оказывается нормальным, и соответственно наоборот. Помещая здесь теоретическую разработку писателя-сатирика В.л. Тихвинского, администрация оставляет за собой право считать подобные случаи, взятые из живой жизни, нетипичными и не соответствующими действительности.

ПО ПЕРВОМУ ПРИБЛИЖЕНИЮ

Иду я по улице и вижу: двое бьют одного. Я специально беру такой примитивный пример — для наглядности. Итак, двое на улице бьют одного... Я, конечно, подхожу к этому примеру не просто так, примитивно, по первому приближению, в вместороннее. Словом, иду я по улице и вижу, как двое бьют одного. Для наглядности. Кажется, все ясно: двое бьют одного — значит, нужно вмешаться на стороне слабого. Это ясно сразу, по первому приближению. Но так решаю я один, одиночка. Естественно, меня волнует вопрос, как будут решать этот вопрос все. А все уже тут как тут: вы видали такое, чтоб драка была, а всех не было! Все, конечно, уже в сборе. Собрались в кружок и советуются. Я, конечно, присоединяюсь ко всем: что я могу один! А если мы все вместе, мы все способны вынести! Мы выносим решение. И я, конечно, присоединяюсь ко всем, беру сторону всех. И все на моей стороне. На той стороне, где нет драки. Даже те, кто при начале драки был на той стороне, где драка. Для наглядности: чтоб было наглядно видно, на чьей мы все стороне. А это не так просто определить, как кажется. Вот, кажется, ясно: двое бьют одного, и значит... Ну, а если этот один напал первым!! Значит, это он один бьет двоих, то есть коллектив! Поднял руку на коллектив! Значит, он может и нас, если мы к нему приблизимся, тоже... по первому приближению и по физиономии! Мне лично как одиночке и по личности получить не страшно, но коллектив обижать нельзя! И мы расходимся. Так что, когда того, одного, везут в больницу, вокруг уже никого. Может, пример, конечно, и примитивный, но вы видели, чтоб было по-другому? Нет? Значит, все поступают в этой элементарной ситуации не как-нибудь там примитивно, по первому приближению, а глубоко и обдуманно! Все ошибаться не могут!..

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **АВТОМАТИКА**

В Аксельбанкинском конструкторском бюро создана новая модель автоматов для продажи газированной воды. В случае поломки автомата включается сблокированный с ним сигнал вызова такси, которое и доставит вас к любому исправному автомату.

● **НАСТОЙЧИВОСТЬ ПОБЕДИЛА**

В селе Нижние Верхушки выведен новый сорт гладиолуса, который по вкусу и по внешнему виду не отличается от ананаса.

● **КИНО**

Свыше тридцати тысяч детей просмотрел режиссер И. Мухин, прежде чем выбрал для исполнения главной роли в новом детском фильме двухлетнюю Олечку Дакыдову. Теперь съемочному коллективу предстоит самое трудное — найти к ней няню.

● **ОДИНОКИ ЛИ МЫ ВО ВСЕЛЕННОЙ?**

«Нет! — с уверенностью говорит Афанасий Козлов. — Я знаю, что у «Гастронома» всегда можно встретить хотя бы двух людей, с которыми можно найти общий язык».

ФРАЗЫ

● *Когда наши жизни соединятся, что останется от моей?!*

● *Даже лапидарность можно убить чрезмерным лаконизмом.*

● *В гениальном мало поучительного. Больно все просто!*

● *Успех нужно развивать, пока он еще не созрел.*

● *Я не нуждаюсь в твоей помощи! Но, конечно, она не помешает.*

Ю. СКРЫЛЕВ

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Е. ЗАГДАНСКИЙ

В КАФЕ ДЛЯ ВУНДЕРКИНДОВ

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ «Клуба ДС»

В КАФЕ ворвалось белое облако морозного воздуха. Дверь закрылась. Из облака появились две фигурки первоклашек с тяжелыми школьными портфелями. Ребята уселись за столик возле окна и заказали кофе и пирожные.

— Возмутительно! — буркнул светлоголовый, с голубыми глазами мальчишка, — Все утверждают: трижды три — девять! Об этом говорит папа. Твердят мама и бабушка. А сегодня даже наша математичка заявила: трижды три — девять!

— Может быть, они договорились? — шмыгнул носом большеглазый и темноголовый. — Решили проверить нашу толерантность или нашу конформность?

— Я допускаю: дважды два может быть четыре, — продолжил свою мысль голубоглазый. — Пусть. Но было бы так скучно, так однообразно, если бы дважды два было четыре, а трижды три девять, а четырежды четыре шестнадцать... Брр...

— Мы должны поставить психологический барьер! — темноволосый вытер нос кулаком. — Это арифметика для роботов. Никакого простора для импровизации, фантазии, изобретательства... Механическое пианино...

Мальчишки некоторое время увлеченно жевали пирожные и маленькими глотками пили кофе.

— А если провести свободное обсуждение этой проблемы в классе? — голубые глаза забегали в поисках ответа.

Собеседник голубоглазого шмыгнул носом и хотел что-то сказать, но его рот до отказа был набит пирожным.

— Уверен, — продолжал голубоглазый, — выявятся горячие сторонники формулы «трижды три — двенадцать» и фанатические приверженцы аксиомы «трижды три — восемь плюс минус два»!

— А кто-то станет доказывать, — проглотив пирожное, наконец вставил свое слово темноголовый мальчишка, — трижды три вообще ничему не равняется, так как это величина трансцендентная!

Голубоглазый с грустью посмотрел на донышко пустой чашки, набрал полную грудь воздуха и выпалил:

— Бездумная способность соглашаться с таблицей умножения пойдет не убыль. Появятся личности... Со своими неповторимыми ощущениями, мыслями, идеями...

— Акция эта отвлечет внимание мам и пап, — мечтательно поднял свои большие глаза темноволосый, — внимание бабушек и дедушек, педсоветов и методистов от тривиальных проблем двоечников и второгодников.

— Может быть, в результате широкой дискуссии удастся создать новую таблицу умножения? — мечтательно продолжил голубоглазый. От переполнивших его чувств он стал болтать ногами под столом. — Во всяком случае, никто не станет безапелляционно утверждать, что трижды три — девять!

Мальчишки решительно отодвинули от себя тарелочки из-под пирожных. Над столиком показалось белое облачко. В кафе сильно запахло сахарной пудрой.

КИЕВ

Юр. МИЛЬ
В. ОСАДЧИЙ

С ТЕХ ПОР

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

...Однажды один вышестоящий работник села гуляя в одной нижестоящей компании.

Сильно гуляя. За двоих гуляя. Так, что вокруг все удивилось.

Толкнул он двойные двери, вышел на двойной двор, смотрит — стоят на снегу двое саней. Он не стал разбираться, где свои сани, где чужие. Просто плюхнулся на мягкую подстилку и крикнул: «Но-о, залетные-е!»

Очнулся он только на какое-то утро. Голова — как не своя. Мебель тоже не своя. Женщина у стола — уж совсем не своя.

А под окном — сани. Явно не свои. Чужие.

— Неприятно получилось! — подумал он.

И как в воду глядел — одни неприятности получились. И по служебной, и по семейной, и по всем другим линиям.

С тех пор в народе говорят:

«НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ!»

■

...Однажды в одном торговом заведении служил один торговый работник.

Он очень любил кататься. Причем — не в троллейбусе и не в автобусе, не в трамвае и не в такси, не на поезде и не на пароходе, и даже не на самолете. Нет, он вообще любил кататься не на общественном транспорте, а на частной автомашине.

Но частной автомашины у него не было.

И вот, чтобы она у него была, этот торговый работник совершил ряд тайных торговых операций и приобрел за общественные деньги частную автомашину, на которой очень любил кататься.

Но как это всегда бывает, скоро его тайные операции стали явными. И тогда его пригласили прокатиться уже не в частной автомашине и не в общественном транспорте, а в инквизиторском фургончике с красно-синей каемочкой.

И потом он катался за казенный счет в места не столь отдаленные, но весьма удаленные от его родных мест.

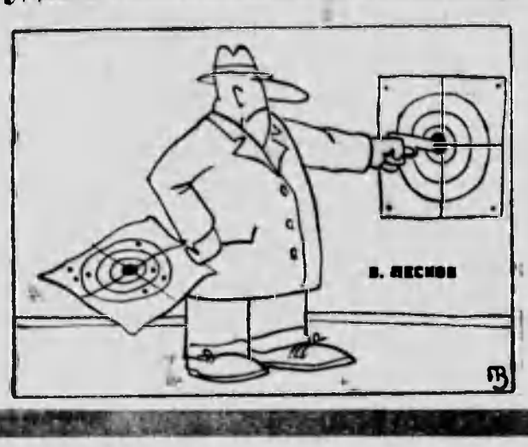
И в этих новых местах он стал возить лес на саночках, вспоминая свою бывшую частную, а ныне общественную автомашину, на которой так любил кататься.

С тех пор в народе говорят:

«ЛЮБИШЬ КАТАТЬСЯ, ЛЮБИ И САНОЧКИ ВОЗИТЬ!»

ХАРЬКОВ

ЧУДАКИ

В. ЛЕСНОВ

Л. НЕМИРОВСКИЙ

«Спортлото» — хорошая игра

С. ТЮНИН

Пегасенок

«ЗВЕЗДА» У КРАНА

ОПЫТ СОЗДАНИЯ МЮЗИКЛА

В. ПАНКОВ

Совсем недавно в наш ленсинон вошло загадочно-непонятное иностранное словечко «мюзикл». Но сказать просто «дошло» — этого явно недостаточно. Подобно пролимам в Австралии, мюзиклы расплодились по сценам и экранам, пожирая жизненный материал и зрителей у других жанров.

Что же такое мюзикл?.. Может, посерьезневшая оперетта, может, развеселившаяся опера, а может быть, балет с песнями или драма с танцами...

Автор предлагает свой опыт создания современного мюзикла.

Известную кинозвезду пригласили сыграть роль крановщицы. «Звезда» уже придумала для своего персонажа походку, прическу, разучила арию на кране и танец во время обеденного перерыва, но в последний момент перед съемками решила вдруг встретиться с прототипом своей героини — крановщицей Липой.

«Звезда» появляется в шикарном белом брючном костюме, в шикарной белой шляпе на голове. Шикарно поет...

— Я тороплюсь на встречу
с прототипом.
Хочу я образ глубже
постигать.
Стоим у крана я
и моя Липа,
Сейчас я Липу буду
воплощать...

В необъятного размера брезентовой робе появляется крановщица.

— Здрасть, — говорит она с грубоватой прямотой, — это вы, что ль, из «звезд» будете?

«Звезда» растеряна:

— А вы из крановщиц?

— Будем знакомы, — крановщица по-мужски жмет «звезде» руку, от чего ее владелица даже приседает.

— Так вот вы, значит, какая... — шепчет знаменитость, дуя на руку. — А я вас представляла иначе.

— Интересно, как же это вы меня представляли?..

«Звезда», мужественно забывая про боль в фаланговых суставах, встает в патетическую позу и начинает петь, танцевать и мимически изображать работу крановщицы:

— Вы жирафы, жирафы
стальные,
Ваши шеи до неба взвились.
Ой, вы краны
мои золотые...

Однако крановщица перебивает «звезду»:

— Это я!.. Это вы так меня себе представляете?

— Видите ли... — оправдывается «звезда». — Я должна представлять вас не только себе. По мне будут судить о вас все кинозрители. Я хочу воплотить образ своей современницы, и ваш образ видится мне...

— Вы меня за кого-то принимаете... — огорченно говорит крановщица, неожиданно достает из-под брезентовой робы скрипку и тут же начинает петь:

— На такая вовсе,
не такая я...

На фоне звучащей скрипки она переходит на взволнованный речитатив:

— Вы не смотрите, что я героиня-крановщица, председатель месткома, сдаю кандидатский минимум и толкаю ядро на мастера... Я ведь вещь и женщина!

Плачет-рыдает скрипка.

— Нет, — решительно заявляет Липа, — я помогу вам создать правдивый, полнокровный образ меня!..

Вступает оркестр, появляется кордебалет. Липа берет за руки «звезду» и пускается в танец. Все вместе они вдохновенно лепят образ.

— Ну что, волнительно? — запыхавшись, спрашивает крановщица.

— Еще как волнительно! — счастливо смеется кинозвезда.

ТЭС

ТОЛКОВЫЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «КЛУБА ДС»

Табуретка (африканск.) — маленький запрет на что-либо

Трепанг — болтун

Трюмо — место на теплоходе для пассажиров 3-го класса

Фаталистка — портниха по пошиву свадебных нарядов

Холка — маленькая прихожая

Оперировать (умн.) — сочинять оперы

Пасха (футб.) — смешной пас

Зажигалка (жарг.) — красивая женщина

Колики (мед.) — шприц

Несушка (хоз.) — женщина с авоськой

Разгром — начало грозы

Гончая — чаепитие

Кураж — куры, пришедшие в раж

Крахмал — легкая неудача

Заслонка (шахматн.) — прикрытие слоном

Вселенная — очень ленивая

Прием (просторечн.) — прикол-то

ОТДЕЛ ХИЩЕНИЙ «КЛУБА ДС»

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

КУПИТЕ АВТОМОБИЛЬ

НЕДАВНО я машину купил. «Жигулей» помер три. Это у которых впереди две фары лишние, а по бокам полосочки. Были. Когда из магазина выезжал. А утром выхожу — нет. Украли.

— Это ничего, — мне сосед говорит, — она ездить будет. Потому что машина хорошая. Вот если колесо украдут, без колеса она не поедет.

Утром выхожу — нет колеса. Сосед меня утешает:

— Хорошо, что запасное украли. Без него машине ничего, ездить будет. Даже быстрее, потому что машина легче стала. А главное — тебе повезло — на багажнике ни одной царапины. Раньше, чтобы его открыть, полмашины поломать надо было. А теперь вполне легко открыть простой отверткой.

Только я отверткой открыть не могу — нет отвертки. Ее вместе с набором инструментов увели.

Теперь я на всякий случай машину засекретил. Прямо не машина, а почтовый ящик. Кто-нибудь подойдет к машине, скажем, бутылку на капот поставит — гудит. Кошка мимо пробежит, хвостом заденет — гудит и фарами мигает. Хорошая штука — секретка.

Соседи теперь по мне время проверяют. Выхожу я утром на работу в половине шестого, дверцу открываю — все просыпаются, как по часам. Из окон высовываются, руками машут и кричат что-то. А что кричат, разобрать не могу. Потому что гудит машина. Гудит и фарами мигает.

А бензобак забыл засекретить. Утром выхожу — нет крышки. Вчера я в туда секретку купил — с набором цифр, как в камере хранения на вокзале. Теперь крышку никто снять не может. Я тоже.

Но машина ездит, потому что машина хорошая. Пока бензин есть.

А кончится — продам машину.

НОВОГОДНИЙ АНОНС «КЛУБА ДС»

СЛЕДИТЕ ЗА РЕКЛАМОЙ!

Как стало известно из обычно хорошо осведомленных источников, в Новый год по первой программе телевидения в передаче «Театральные встречи» примет участие всемирно известный писатель-людовед Евг. Сазонов.

Эти сюжеты сделаны на записи передачи. Ю. Никулин, М. Жаров, Ю. Борисова, С. Юрский, М. Булгакова, С. Крамаров, А. Пугачева имеют прямое отношение к выступлению людоведа.

Фото В. КУРЫШЕВА

С ЛЕГКИМ ПАРОМ!

Ведя свободное от службы время светскую жизнь, администрация «Клуба ДС» посетила на днях Дом кино, где состоялась премьера новой двухсерийной цветной кинокомедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром» (сценарий написан им совместно с Эмилем Брагинским). Надо признаться, администрация любит работу этих мастеров. Тем не менее мы вынуждены покритиковать их за то, что, несмотря на неконкретные обещания, вышеуказанные товарищи уклоняются от сотрудничества с «Клубом ДС», ссылаясь не свою застенчивость.

Идя на премьеру, администрация слышала от уважаемых ею лиц, что фильм получился. Приятно отметить, что слухи подтвердились. Хохот и аплодисменты то и дело возникали в зале во время эпизодов с участием Л. Добржанской, Барбары Брыльской, А. Мягкова и Ю. Яковлева. Понравились администрации и песни М. Таривердиева.

Остается добавить, что все не попавшие в Дом кино смогут увидеть картину на днях по телевизору, поскольку сделана она «Мосфильмом» по заказу телевидения как раз к Новому году.

Со своей стороны администрация резервирует за собой право еще раз посмотреть новую кинокомедию в узком кругу.

В. ВЕСЕЛОВСКИЙ, дежурный администратор «Клуба ДС»

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

Типография «Литературной газеты»: Москва К-61, Цветной бульвар, 30

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01088

Зак. 1889

ИНДЕКС 50087